

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А.И. Герцена**

ЖЕРЕБИНА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА

**ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И ТРАДИЦИИ
НЕМЕЦКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В
ЯЗЫКОЗНАНИИ**

Специальность - 10.02.04. - германские языки

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель
доктор филологических
наук, профессор
Н.О. Гучинская**

Санкт-Петербург

2001

Оглавление :

Введение	4
Глава I. Проблемы филологической герменевтики и романтическая философия языка	14
1.1. Основные этапы развития герменевтики в эпоху Просвещения .	14
1.2. Романтический генезис филологической герменевтики	27
Выводы	44
Глава II. Теория герменевтики в трудах Ф.Шлейермахера	46
2.1. Значение теории Ф.Шлейермахера для развития герменевтического метода	46
2.2. Герменевтический круг	63
2.3. Понимание как толкование	71
2.4. Понимание как "конструирование"	73
2.5. Язык и мышление	76
2.6. Грамматическая и психологическая интерпретация	80
2.7. Грамматическая интерпретация	83
2.8. Определение значения слова	87
2.9. Психологическая интерпретация	94
Выводы	100
Глава III. Традиции филологической герменевтики в немецком языкознании и в науке о стиле художественной речи.	104
3.1. В. фон Гумбольдт и филологическая герменевтика	104
3.2. Литературный текст как основа герменевтического метода ..	114
3.3. Традиции герменевтики и швейцарская школа поэтической стилистики	117

3.4. Опыт интерпретации гимна Ф.Гельдерлина "Нимфа Мнемозина"	122
3.4.1. Предварительная интерпретация	125
3.4.2. Заголовок гимна	128
3.4.3. Интерпретация I строфы	130
3.4.4. Интерпретация II строфы	136
3.4.5. Интерпретация III строфы	139
3.4.6. Интерпретация IV строфы	143
Выводы	153
Заключение	154
Принятые сокращения	164
Список использованной литературы	165

Введение

Герменевтика – это наука толкования текстов, учение о принципах их интерпретации, о понимании смысла высказывания и – шире – другой индивидуальности. “Герменевтика – это основная проблема современности” – так говорит в своей книге “Основные вопросы герменевтики” теолог Э.Корет [Coreth, 1969:5].

Одни авторы связывают с герменевтикой вопросы методологические, видят в ней методологию гуманитарных наук; другие склонны усматривать в ней универсальный метод науки в целом, наконец, ряд философов и теологов видят в герменевтике не метод, а онтологическую основу всякого познания. Возникший в последние десятилетия XIX века интерес к истории и проблемам герменевтики не ослабевал на протяжении всего XX века. В зарубежной науке за это время появилось неисчислимое множество самых разнообразных работ, посвященных вопросам герменевтики, философской и филологической. Однако в России это увлечение, едва успев возникнуть, было забыто, осужденное официальной советской идеологией.¹ Только в 70–80 годы в советской науке появилось несколько работ, посвященных герменевтике [Гайденко, 1977; Земляной, 1977, 1983; Рузавин, 1983; Герменевтика: история и современность, 1985; Художественная рецепция и герменевтика, 1985; Габитова, 1989; Кузнецов, 1991; Коршунов, 1988]. Современная наука, прежде всего филологическая, вновь прояв-

¹ Наиболее значительной является книга Г.Г.Шпета “Герменевтика и ее проблемы”, написанная в 1918 году и изданная в сборнике “Контекст. Литературно-теоретические исследования” – 1989, 1990, 1991, М.: Наука.

ляет повышенный интерес к этому явлению, осознавая необходимость специального рассмотрения и критического анализа проблем герменевтики как метода, который открывает перед российской наукой новые возможности и включает ее в европейскую научную традицию. По большей части работы по теории герменевтики представлены отдельными статьями и кратким учебным изложением основ этого метода [Гайденко, 1997; Арнольд, 1997; Зинченко, Зусман, Кирнозе 1998; Хализев, 1999]. Деятельность Г.И.Богина в Твери, работы Н.О.Гучинской в Петербурге свидетельствуют о возрождении интереса к истории, теории и практике герменевтического анализа художественных текстов [Богин, 1986, 1989, 1992, 1993; Гучинская, 1992, 1993, 1995; Абрамов, 1995; Филологическая герменевтика, 1992; Кубрякова, Панкрац, 1994: 137-141].

Сам термин герменевтика греческого происхождения. Греческий глагол *ερμηνεύειν* имеет несколько близких значений: разъяснять, растолковывать, истолковывать, переводить (с одного языка на другой). Общая основа всех этих значений – “делать понятным”, “доводить до понимания”. По-видимому, происхождение этого слова связано с именем бога Гермеса, вестника богов, которому приписывалось также изобретение языка и письменности.

Первоначально роль герменевтики сводилась к толкованию прорицаний оракула. В дальнейшем сфера ее применения расширилась и включила толкование священных текстов Библии, законов и классической поэзии. Развитию герменевтики как филологической дисциплины способствовали школы риторов и софистов, разрабатывавших правила интерпретации текстов. Этими правилами пользовалась

александрийская филология, которая, собирая и изучая письменные памятники, накопила большой опыт в деле истолкования произведений художественной литературы. В Средние века филологическая герменевтика существовала в составе классической филологии, интерес к которой резко усилился в эпоху Возрождения. Он не угас и в период Реформации, когда началась полемика между протестантскими и католическими теологами, которые расходились в толковании Священного писания. На рубеже Средних веков и Нового времени сложилось понимание того, что развивавшиеся параллельно филологическая и библейская герменевтика пользуются общими способами интерпретации и едины по своему происхождению и сущности.

В герменевтике стали усматривать единство искусства понимания, искусства истолкования и искусства применения. Таким образом, возникли предпосылки для построения в XIX веке теории универсальной герменевтики. Основной вклад в создании такой теории принадлежит немецкому теологу и филологу Фр. Шлейермахеру.

Метод филологической герменевтики в ее нынешнем виде является результатом развития немецкой герменевтической традиции. Именно в Германии в конце XVIII – начале XIX вв. под влиянием романтической эстетики и философии языка сложились условия для создания теории герменевтики.

Долгий период господства позитивизма в философии и младограмматической школы в языкознании приостановил развитие герменевтического метода. Однако в XX веке интерес к нему вспыхнул с новой силой, поскольку представители гуманитарных наук ощутили необходимость вер-

нуться от механистичного, аналитического взгляда на действительность и искусство к их духовному, целостному восприятию.

За последнее время появилось множество работ, посвященных философской герменевтике М.Хайдеггера и Г.Г.Гадамера. Однако их вкладу в развитие филологической герменевтики внимание практически не уделяется; между тем их труды, так или иначе касающиеся интерпретации художественных текстов, имеют большое значение для всех последующих опытов в области герменевтического анализа.

Мало исследовано также влияние швейцарской школы лингвистической стилистики на современное состояние герменевтической интерпретации. Единственная удовлетворительная статья принадлежит Г.М.Фридлендеру, и содержит в основном критику идеалистической и антиисторической позиции Э.Штайгера [Фридлендер, 1966: 56–101]. Между тем именно эта школа органично усвоила общую направленность, которая была задана романтической филологией. Э.Штайгеру и его единомышленникам удавалось искусно сочетать формальный лингвостилистический анализ с глубоким проникновением в дух произведения, не разрушая при этом его целостности.

Актуальность данного исследования вызвана тем большим интересом, который вызывает герменевтика во всех областях гуманитарного знания. Опыт герменевтики весьма существенен для современной филологической науки, в особенности для стилистики, поскольку герменевтический метод в настоящее время выступает, прежде всего, как особый подход к интерпретации художественного текста.

Новизна данной работы заключается в разработке и обобщении теоретических проблем, касающихся становления и применения герменевтического метода, в использовании сравнительно-исторического подхода к изучению герменевтической традиции в Германии, а также в приложении рассматриваемой теории к практике интерпретации поэтического текста.

Цель работы. Настоящая работа ставит своей целью подробно обосновать романтический генезис филологической герменевтики и установить связь между формированием герменевтических принципов и немецкой романтической школой языкознания, а также проследить дальнейшее развитие герменевтической традиции в немецкой филологической науке и показать на примере анализа текста возможности практического применения метода при интерпретации художественных текстов.

В соответствии с общей целью диссертации были поставлены следующие **задачи**:

- Указать на существующую связь между филологической герменевтикой и немецким романтическим языкознанием;
- Исследовать герменевтическую теорию Ф.Шлейермахера, ее отношение к герменевтике эпохи Просвещения и влияние на последующие работы в этой области;
- Выявить родство динамического подхода к языку В.фон Гумбольдта и герменевтики Ф.Шлейермахера;
- Показать преемственность герменевтики XX века в отношении романтической герменевтики;
- Провести герменевтическую интерпретацию одного из поздних гимнов Ф.Гельдерлина.

Материалом для исследования явились тексты немецких романтиков, послуживших основой герменевтического метода: «Герменевтика» Ф.Шлейермахера, «Философия филологии», «О "Мейстере" Гете» и «Разговоры о поэзии» Ф.Шлегеля; тексты, развивающие традиции филологической герменевтики в XX веке: «Истина и метод» Г.Г.Гадамера, «Искусство интерпретации» Э.Штайгера, «Введение в литературную герменевтику» П.Сцонди; а также позднее поэтическое творчество Ф.Гельдерлина, его гимн "Нимфа Мнемозина".

Метод. В работе использовался метод историко-сопоставительного анализа, позволяющий выделить либо общие черты, либо индивидуальные особенности рассматриваемых в работе явлений, а также сплошной лингвостилистический анализ текста, исходящий из его естественной организации, где все части подчинены созданию единого целого.

Положения, выносимые на защиту:

1. Филологическая герменевтика получила статус научного метода в эпоху романтизма. Ее истоки следует искать в эстетических и языковедческих теориях представителей немецкой романтической школы (Ф.Шлейермахер, Фр. и Авг. Шлегелей). Эта преемственность сохраняется во всех более поздних вариантах немецкой герменевтической теории и практики интерпретации текста от Дильтея до Гадамера.

2. Герменевтическая теория Ф. Шлейермахера, с одной стороны, завершает традицию просветительской герменевтики, а с другой, знаменует новый этап в развитии мето-

да. Шлейермахер разрабатывает и универсализирует целый ряд герменевтических принципов, целью которых является, прежде всего, полное проникновение в замысел автора через изучение языковых особенностей его произведения. Таковы: принцип герменевтического круга, принцип взаимоотношенности грамматической и психологической интерпретации, теория понимания как основа интерпретации языковых знаков, легитимация и теоретическое осмысление субъективного постижения смысла, принцип сочетания субъективной интуиции и объективного анализа. Именно у Шлейермахера герменевтика оформляется как лингвистический метод толкования текста.

3. Герменевтика Шлейермахера – явление той же культурно-исторической эпохи, что и сравнительно-историческое языкознание, в рамках которого В.Гумбольдт создал свою динамическую теорию языка. Главные теоретические положения, на которых основывает свою герменевтику Шлейермахер – понимание языка как деятельности, нераздельность мысли и языковой формы, определяющая роль языка в развитии духа, ценность индивидуального речевого акта – являются одновременно центральными понятиями лингвистической концепции Гумбольдта. Эти переключки обусловлены общим для Шлейермахера и Гумбольдта контекстом романтического сознания.

4. Филологическая герменевтика, возрожденная в XX веке после целого периода господства позитивизма в немецкой науке, явилась методологической основой для философии языка М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера, для исследований представителей швейцарской школы лингвисти-

ческой стилистики и для целого ряда работ, посвященных интерпретации художественных текстов.

5. Неизменное внимание ученых-герменевтов привлекают поэтические тексты Ф.Гельдерлина, для которых характерна многозначность лексических единиц и крайняя усложненность синтаксической структуры. Таков и гимн Гельдерлина «Нимфа Мнемозина», не подвергавшийся ранее специальному анализу в литературе вопроса. Применение принципов герменевтической интерпретации к данному тексту позволяет выявить особенности поэтического языка автора и раскрыть смысл его образов.

Теоретическое значение работы заключается в типологическом характере ее положений и выводов, которые открывают новые перспективы для дальнейших исследований.

Практическое значение заключается в возможности использования материала анализа и теоретических выводов на лекциях, спецкурсах и семинарах по стилистике художественной речи и по истории немецкой поэзии.

Апробация работы. Отдельные положения диссертации и результаты исследования были освещены в докладах на конференциях "Герценовские чтения" в РГПУ им. А.И.Герцена в 1999 и 2000 годах, а также в четырех публикациях:

К истории герменевтики (романтическая школа) // Слово, предложение, текст как интерпретирующие системы. *Studia linguistica* 8, СПб. 1999, с.387-392;

Герменевтика Ф.Шлейермахера и филологическая критика XVIII века // Материалы конференции Герценовских чтений, СПб. 1999, с.83-84;

Дух и буква: к проблеме синтеза в романтическом языкознании// Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. *Studia linguistica* 9, СПб. 2000, с.324-327;

Лингвистическая концепция В. фон Гумбольдта и традиции филологической герменевтики// Материалы конференции Герценовских чтений, СПб. 2000, с.74-75.

Структура работы. Предлагаемая диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Во введении обосновывается актуальность данной темы исследования, определяется объект исследования, формулируются цели и задачи работы, отмечается научная новизна диссертации, теоретическая и практическая значимость полученных результатов, описывается языковой материал и методы исследования.

Первая глава посвящена проблеме романтического генезиса герменевтики, вопросу отношений романтического языкознания и литературной критики и предшествующей герменевтической традиции.

Вторая глава представляет Фр.Шлейермахера как автора первой систематизированной теории герменевтики, а также как одного из основоположников динамического подхода к языковым явлениям, когда язык понимается не как построенный объект, а как открытый процесс, как динамическая сущность, состоящая из индивидуальных и неповторимых творческих действий.

Третья глава посвящена современным герменевтическим теориям, а также анализу текста немецкого поэта Ф.Гельдерлина "Нимфа Мнемозина", который интерпретиру-

ется в соответствии с основными принципами герменевтики.

В заключении обобщается весь материал исследования, и делаются некоторые дополнительные выводы.

Глава I. Проблемы филологической герменевтики и романтическая философия языка.

1.1. Основные этапы развития герменевтики в эпоху Просвещения

Немецкая наука XVIII века активно занималась проблемой языка, в эту эпоху были заложены принципы исторического исследования и основы сравнительного языкознания с его новыми методологическими требованиями и с его органической связью с философскими вопросами языка. Сущность, происхождение и генеалогия языка – все это становилось предметом пристального рассмотрения и оживленных дискуссий. Успехи в области науки о языке стимулировали развитие герменевтики как метода толкования художественных текстов и как общей теории понимания. В связи с бурным развитием языкознания (И.Г.Гаманн, И.Г.Гердер, В.Гумбольдт), истории и критики литературы (Авг. и Фр. Шлегели, Новалис) возникла острая необходимость в методологическом обосновании гуманитарного знания, поскольку “спекулятивная” немецкая классическая философия не могла служить достаточной основой для гуманитарных наук, опирающихся, прежде всего на факты. Такой основой стала предшествующая герменевтическая традиция. Это привело к тому, что главная проблема герменевтики – как правильно понимать какой-либо текст – превратилась в центральную проблему методологии исторических и филологических наук.

До этого времени герменевтика была вынуждена ограничиваться частными правилами толкования священных текстов. Священные тексты рассматривались как канон, и за-

дача интерпретации этих текстов выступала как задача понимания частностей, исходя из целого как религиозного канона. Однако, опираясь на опыт двух предшествующих эпох – Гуманизма и Просвещения, а также на философию языка раннего романтизма, герменевтика к началу XIX века существенно расширила свой терминологический аппарат, достаточный теперь для создания развернутой теории понимания. Поэтому герменевтика, развивавшаяся до сих пор главным образом как вспомогательная дисциплина в рамках богословия, постепенно начинает претендовать на самостоятельную роль в качестве универсального метода толкования не только священного, но и художественного текста.

Уже немецкие гуманисты вносят критическое свободомыслие в богословские исследования, которыми они усердно занимаются. Крупнейший представитель ученого гуманизма в Германии И. Рейхлин прославился как исследователь и комментатор Ветхого Завета, Талмуда и других древнееврейских книг. Филологические комментарии Рейхлина к тексту Библии положили начало критическому изучению священных книг и подорвали авторитет богословских толкований библейского текста, основанных на канонизированном латинском переводе Библии ("Вульгате"). Значительное влияние на европейскую мысль имело предпринятое Эразмом Роттердамским критическое издание греческого текста Евангелия, с новым латинским переводом. По замечанию В.М. Жирмунского, именно в эпоху Реформации "филологическая критика "священных книг" положила начало их историческому объяснению" [Жирмунский, 1972: 39]. Исключительное значение для искусства интерпретации

имеет герменевтическая деятельность М.Лютера, которая во многом опиралась на достижения гуманистов в области филологии [См. об этом подробнее: Holl, 1982; 544-582; Rusterholz, 1997: 108-109]. В 1519 году Лютер впервые формулирует свой принцип толкования: "scriptura sui ipsius interpres", т.е. Писание само себя толкует. Смысл отдельных мест следует согласовывать с общим смыслом Писания, к которому толкователь движется в герменевтическом круге от части к целому, через детальный анализ от буквы к духу. Стремясь передать содержание Св.Писания на языке своего времени и своей нации, Лютер требовал не формального соответствия, а адекватной передачи смысла. Учитывая то, что всякий перевод сам по себе является истолкованием, можно говорить о том, что лютеровский перевод Библии представляет собой один из примеров реализации герменевтического принципа на практике.

В протестантской теологии герменевтика имела особенно важное значение. В полемике с католическими богословами, считавшими невозможным правильное истолкование Св. Писания в отрыве от церковной традиции, протестантские теологи разрабатывали герменевтику как искусство истинной интерпретации.

Теолог И.К.Данхауэр был первым, кто ввел в употребление термин "герменевтика" (в лекции по риторике 1629 года и в заглавии трактата "Hermeneutica sacra" 1654 г.). В своей книге "Idea Boni Interpretis et Malitiosi Calumniatoris" он, опираясь на трактат Аристотеля "Peri hermenéias", призывает к созданию научного метода, направленного на извлечение смысла письменных высказыва-

ний [Jaeger, 1972: 35-84]. Исходя из аристотелевского анализа повествовательных и утвердительных предложений, он развивает учение о правильных и неправильных способах соединения понятий. По замечанию немецкого исследователя П.Рустерхольца, слабость учения Данхауэра в том, что предлагаемый им анализ и синтез обнаруживает лишь имманентное значение, не затрагивая вопрос об истинности обозначаемых объектов, т.е. он показывает только, каков правильный смысл высказывания, но не может показать, в чем состоит смысл правильного высказывания [Rusterholz, 1997: 110].

Герменевтика раннего Просвещения основное внимание уделяла вопросу отношения логики и риторики к теории и практике интерпретации [Buehler, 1994; Alexander, 1993; Jaeger, 1972].

В XVIII веке под влиянием рационалистической критики Св.Писания появилась тенденция рассматривать библейские тексты исторически, с учетом индивидуальности их авторов, опираясь при этом на анализ языковых явлений. В этом отношении характерны работы таких теологов как И.В.Михаэлис, К.А.Кейль, И.А.Эрнести. В эпоху Просвещения, когда окончательно формируется новое философское, моральное, художественное мировоззрение, освобожденное от церковного догматизма, Св. Писание начинает восприниматься как художественное произведение, созданное "людьми и для людей" [Herder, 1957: 198].

Как указывает И.Вах [Wach, 1966: 45-46], в понимании Библии ведущие герменевты того времени были едины: Св.Писание следует рассматривать с исторической (Землер) и языковой, грамматической (Эрнести) точки зрения.

Все они были убеждены в необходимости ориентироваться при толковании Библии на законы, общие для всех письменных памятников, поскольку само Писание является таковым. Следует отметить также, что ими вполне осознается родство теологической герменевтики с интерпретацией произведений классической древности. В области классической филологии термин герменевтика применялся с XVII века. Условием возникновения и позднейшего расцвета филологической герменевтики как искусства правильной интерпретации произведений художественной литературы можно считать в равной степени и теологическую герменевтику и классическую филологию, в рамках которой развилось искусство герменевтики как перевода памятников уже умершей культуры на язык культуры живой. Предпосылкой развития герменевтики как историко-филологического метода истолкования является не только теология Реформации, но и новое открытие античности в эпоху Ренессанса, когда классическая филология "представляла собой нечто вроде гуманистической литургии, <...> а классическая литература являла собой, если угодно, священные тексты гуманистической культуры" [Гайденко, 1977: 135].

И.Г.Гердер говорит о необходимости исторического и сравнительного изучения библейской поэзии, исходя из мысли, что "Библию нужно читать по-человечески", "Ветхий Завет написан на древнем, простом, сельском и поэтическом, не философском и не абстрактном языке евреев: сохраняйте эту точку зрения и по отношению к духу содержания" [Herder, 1957: 201]. Как указывает В.М.Жирмунский [Жирмунский, 1972], предшественником Гердера в этой области был англичанин Лоут, который в

книге "О священной поэзии евреев" (1753) рассматривают Библию как художественное произведение, сопоставляя ее красоты с классическим искусством Гомера. Но Гердер привносит в свое рассмотрение библейской поэзии историческую точку зрения, которой не было у Лоптева. В книге "О духе еврейской поэзии" (1783) Гердер рассматривает Ветхий Завет как национальную поэзию древних евреев, народа патриархального, как поэзию "пастушескую и земледельческую" [Herder, 1957: 255]. Природа Востока, исторические условия развития еврейского народа определили особенности древнееврейской поэзии. О том же говорит и Гаманн, когда указывает на необходимость понимать Библию не только чувством, но и исторически, т.е. в смысле памятника прошлого, существенно отличного от современных условий жизни. Книги Моисея ценны ему не только как свидетельство божественного откровения, но и "как наидревнейшая летопись человеческого рода". Ценность Библии заключается в ее близости к земному, человеческому. Это и оправдание ее поэтического, образного языка, приспособленного к чувственным потребностям человеческого рода. [Подробнее об этом см.: Кожевников, 1897].

В XVIII веке язык как основа всей духовной культуры человека, самого его существования становится центральной проблемой филологической и философской науки. Теологическая герменевтика приходит к осознанию необходимости филологической ориентации. Постепенно связь теологии с герменевтикой становится только косвенной – через посредство филологии и истории. На примере герменевтики И.А.Эрнести (1707–1781), изданной впервые в 1761

г., - "Institutio Interpretis Novi Testamenti" - видно, как сознание такой опосредованной связи постепенно проникало в богословие, которое нуждалось в сколько-нибудь твердой научной почве. Герменевтика Эрнести является ярким выражением новой эпохи в истолковании Св. Писания, которое освобождается не только от давления церковной догмы, но и от неустойчивого критерия здравого смысла. Историко-филологическая критика и интерпретация приобретает свои законные права. В самой герменевтике центр тяжести переносится на филологию, она отрывается от прежней связи со сравнительно ограниченной сферой библейских исследований, становится более свободной в своих приемах и более научной в своем содержании. В. Дильтей утверждает, что герменевтика Эрнести была подготовлена критикой Землера и Михаэлиса, уже сводившего всю библейскую интерпретацию к двум моментам: интерпретации из "употребления языка" и из "исторических обстоятельств". "Этим, - утверждал он, - было совершено освобождение истолкования от догмы, была основана грамматически-историческая школа. Тонкий и пронизательный дух Эрнести тогда создал в Interpretationis классическое сочинение для новой герменевтики" [Dilthey, 1959: 197]. Г.Г.Шпет также характеризует Эрнести как предшественника Шлейермахера [Шпет, 1990: 225]. Собственной герменевтике Эрнести ставит две задачи: понимания и объяснения, т.е. нахождения и объяснения смысла, как в виде простого перевода, так и в виде парафразы, комментария. Эрнести утверждает, что хороший интерпретатор должен обнаруживать не только "тонкость объяснения" [subtilitas explicandi], но и

“тонкость понимания” [subtilitas intellgendi]. Последняя определяется двумя вещами: во-первых, установлением того, что понимаешь и чего не понимаешь, а также трудностей понимания и их причин, и, во-вторых, тщательным анализом смысла того, что представляет затруднения, а это зависит от знания языков, от знания науки, дающей правила интерпретации и, наконец, от упражнения. Интерпретация должна получать свою санкцию не от духа святого и не от логики здравого смысла, интерпретирующей скорее вещи, чем данное, подлежащее пониманию слово, а из знания самого слова. Основой герменевтики станет та научная дисциплина, которая раскроет жизнь самого слова во всех обстоятельствах его употребления и развития; а такой наукой является филология, и притом в определенном, историческом направлении ее. Главная часть искусства грамматиков, по словам Эрнести, состоит в том, “чтобы тщательно исследовать, что выражает каждое слово, в каждое время, у каждого писателя, в каждом, наконец, учении и форме речи”. “Писание не может постигаться теологически, – сочувственно цитирует Эрнести Меланхтона, – если прежде того не понято грамматически” [Цит. по: Шпет, 1990: 228]. Этим полагается конец библейской герменевтики как таковой, она остается только как частный вопрос, разрешаемый по методам филологии и истории.

Филология как научная основа герменевтики предполагает широкое философское обоснование. Идеалистическая философия во многом способствовала углублению герменевтической проблемы. Дух для этой философии есть последняя реальность, конечный принцип и смысл всей действи-

тельности. Филология, которая теперь уже не может быть только отвлеченной грамматикой и не может также довольствоваться одними эмпирическими основаниями, направляется в своей работе в сторону того же духа. Как указывает в этой связи Г.Г.Шпет, *ratio* философии Просвещения теперь становится духом. Но проникновение в дух, как в *ratio*, и есть не что иное, как понимание [Шпет, 1990: 231]. Таким образом, проблема понимания сама собой ставится на подобающее ей философское место. Филологические, или, более узко, библейские, но на новой филологической основе, занятия, заставляли задумываться, нет ли в самой новой философии данных для принципиального освещения проблем герменевтики. Таково положение шедшего от Библии и классических переводов (Платона) Ф.Шлейермахера и от грамматики – Ф. Аста.

Герменевтика, по определению Ф. Аста, предполагает понимание и на нем основывает истолкование и объяснение [Ast, 1808: 172]. (Наряду с пониманием, *Verständnis*, Аст употребляет термин *Erklärung*, который у него имеет, по-видимому, оба значения – и объяснение и интерпретация.) Обе задачи герменевтики выполняют одну цель: “понимание и объяснение какого-нибудь произведения есть истинное воспроизведение или отображение уже образовавшегося” [Ast, 1808: 187]. Для понимания, по Асту, необходимо в истолковываемом произведении охватить как его внешние, так и внутренние элементы, форму и содержание. То и другое первоначально есть единое, единая образующая жизнь, дух как первоначальное единство всего бытия, составляющий тот высший пункт, с которого начинается всякое творение и к которому все сотворенное должно

быть сведено. В соответствии с этим понимание оказывается тройным: 1) историческим по отношению к содержанию произведения, 2) грамматическим по отношению к форме или языку и 3) духовным по отношению к духу отдельного писателя и всей древности. "Историческое понимание познает, что образует дух, грамматическое, как он это образует, и духовное сводит эти что и как, содержание и форму, к их первоначальной, согласной жизни в духе" [Ast, 1808: 177]. Поскольку объяснение предполагает понимание и покоится на нем, - "объяснять - значит раскрывать (entwickeln) и излагать понимание" [Ast, 1808: 184], - то на объяснение прямо переносится все, что ранее говорилось о понимании - и круг при определении взаимных отношений частей и целого, и три вида значений. Однако полного соответствия между пониманием и интерпретацией у Аста нет. Его схема "объяснения", хотя и опирается на его схему "понимания", тем не менее, не вполне ей соответствует: понимание формы и содержания сводится в объяснении к одному моменту - к "герменевтике буквы", а "герменевтика смысла" входит как новый элемент.

Частность, взятая сама по себе в своей внешней эмпирической жизни, есть буква; в своей внутренней сущности, в своем значении и отношении к духу целого, который в ней индивидуализируется, - смысл, и завершающее конципирование буквы и смысла в их гармоническом единстве - дух. Буква - тело духа, смысл - его провозвестник, сам дух - истинная жизнь. При всяком объяснении мы спрашиваем сначала о том, что говорит буква; затем, как она это говорит, какой смысл имеет высказываемое, в

каком значении оно состоит; наконец, какова идея целого или дух как единство, из которого проистекла буква и к которому она через смысл стремится. Герменевтика буквы есть истолкование отдельных слов и событий (Wort- und Sacherklärung), которое предполагает познания грамматические и исторические; герменевтика смысла – толкование их значений, которое основывается на проникновении в гений и тенденцию древности вообще и данного писателя; герменевтика духа есть объяснение их отношения к идее целого, где отдельное разрешается в единстве целого [Ast, 1808: 191-192, 193, 194, 197-198, 201-203].²

Представление о духе и букве в романтической философии языка возникло под влиянием немецкого мистика Я.Беме. Об интересе к этой проблеме свидетельствуют, например, многочисленные высказывания Фр.Шлегеля, основная часть которых относится к концу 90-х годов. Буква здесь понимается расширительно – как слово, и еще шире – как язык. Слово выступает как конечный образ бесконечного духа. Буква – это выражение духа в языке, закрепленное в конкретной форме; следовательно, язык выступает как средоточие духа. Когда дух обнаруживает себя в языке, выявляются прежде скрытые, невыраженные отношения вещей.

Мысль о глубокой взаимосвязи духа и буквы пронизывает все языковые воззрения романтиков – от представления о божественном происхождении языка до принципов толкования художественного произведения. Истоки языка

² Г.Г.Шпет оценивает вклад Аста в развитие герменевтики следующим образом: “Его философская постановка вопроса дает богатый материал для размышления и углубляет цели герменевтики” [Шпет, 1990: 236], однако его “идеалистический балет понятий” [Шпет, 1990: 237] мало что дает эмпирической герменевтике.

скрыты от нас, – говорят романтики, – но как из отдельных штрихов не возникает картины, если в уме художника не существует прежде идеи целого, так и язык не мог возникнуть иначе, чем из идеи целого, из единого живого сознания, из бесконечного божественного духа [Шлегель, 1983: 363]. По выражению Фр.Шлегеля, “дух и слово есть Бог” [Schlegel, 1928: 26]. И хотя первоначальная непосредственная связь слова с истинной сущностью вещей утрачена, именно слово становится явным выражением скрытого духа, и проникнуть в тайную область высшей гармонии легче всего с помощью языка. Дух как принцип целого осуществляется через букву. Поэтому такое важное значение для романтиков приобретает герменевтика, возникающая именно как Связь между духом и словом – связь герменевтическая. Дух воплощается в букве, буква одухотворяется посредством духа. Как объясняет Шлегель, “слово есть конечное и хочет стать бесконечностью, дух же бесконечен и хочет воплотиться в конечное” [Schlegel, 1928: 31]. Толкователь может проникнуть в смысл произведения, только если он будет учитывать эту неразрывную связь духа и буквы. Одно неизбежно предполагает другое, поэтому толкователь должен постоянно двигаться в герменевтическом круге – от части к целому и обратно. Такая герменевтическая рефлексия, непрерывное движение между духом и буквой – бесконечна. Ритм рефлексии обуславливает динамический характер мысли, “витание” между антиномиями, “вечное определение через вечное разделение и соединение” [Шлегель, 1883: 15].

Еще один аспект этой проблемы заключается в том, что, по словам Фр.Шлегеля, “учение о духе и букве ин-

интересно среди прочего тем, что оно соотносит философию и филологию" [Schlegel, 1928: 42], т.е. философия обращена к духу, филология – к букве. Филология ориентируется на букву, но поскольку буква не имеет смысла, если она не одухотворена, филологическая наука не может обходиться без философии, и наоборот. Дух является предметом философии, если он направлен на содержание, и предметом филологии, если непосредственно зависит от формы своего выражения. Дух и буква – это две стороны одного целого, и это целое – бесконечный творческий дух, который нуждается в выражении.

Собственно филологическая деятельность – это чтение. Чтение, по выражению Шлегеля, – это "магическое действие", т.к. "буква – это закрепленный дух. Читать – значит освобождать дух". Дух автора освобождается чтобы, вступив в общение с духом читателя, вновь воплотиться в букву [Schlegel, 1928: 34].

Проблема соотношения духа и буквы получила свое логическое продолжение как в истории философии, так и в истории языкознания, непрерывно уточняясь и трансформируясь. В связи с догматизацией романтической широты, с изменением типа сознания, которое становится более научным, происходит смещение акцентов в описании этой антиномической пары. В семантическое поле этих категорий вступают впоследствии такие оппозиции как содержание и выражение, содержание и форма, означаемое и означающее, но неизменным остается представление о языке как об осмысленной и одухотворенной форме.

1.2. Романтический генезис филологической герменевтики

Романтизм как новое философское, эстетическое, литературное мировоззрение имел решающее значение для развития филологической герменевтики. Романтики ценят и понимают роль слова. При разработке своей эстетической теории они касались практически всех основных вопросов герменевтики – от общих проблем понимания до частных принципов толкования текста. Поэтому, по справедливому замечанию Э.Клина, хотя романтики, как правило, не использовали этот термин, но все же есть смысл говорить о романтическом генезисе герменевтики [Klin, 1971: 26], тем более, что герменевтические проблемы разрабатывали близкие по мировоззрению к романтикам Аст и Шлейермахер, а последний даже имел прямое отношение к иенскому кружку, с участниками которого он был связан тесными личными отношениями.

Основная черта романтического мирозерцания – устремленность сознания к бесконечному, мистическое чувство, которое заставляет в здешнем конечном мире улавливать присутствие бесконечного. Особенно для раннего, иенского романтизма характерно стремление восстановить единство между духом и миром, между реальным и идеальным, преодолеть разорванность картины мира нового времени, а отсюда – “желание весь мир понимать как проявление божественного и все-таки сохранить навсегда всю полноту и разнообразие земного” [Жирмунский, 1996: 147].

Следствием этого стремления почувствовать среди конечного тайну бесконечного стала исключительная свобода поэтической формы. Если рационалистическая модель языка

представляет собой устойчивый упорядоченный набор знаков, с помощью которых можно дать полное описание действительности, то романтики видят в языке средство к проникновению в тайны "незримого мира", к постижению духа, действующего через язык и благодаря языку. Классическая поэзия не нуждалась в разъяснении, рассматривалась лишь с точки зрения ее соответствия или несоответствия поэтическим канонам. С приходом новых эстетических законов возникла необходимость не только в новых критериях оценки, но и в истолковании поэтических текстов, которые выступали как символы бесконечного и были полны темных мест. Поэтому неслучайно, что именно в лоне немецкого романтизма сложилось представление о герменевтике как об универсальном методе исследования художественного творчества.

Язык выполняет не только инструментальную функцию передачи конвенциональных знаков, но и креативную функцию. Поэзия перестает пониматься как "украшенная речь", как ремесло, поэтическая речь становится не дополнением к повседневной речи, а уникальным, универсальным способом освоения действительности. Поэзия неизменно рассматривается Ф.Шлегелем как всеобщее искусство, дух искусства вообще. Только поэт воплощает у Ф.Шлегеля законченное, целостное видение мира.

По мнению Новалиса, целью языка в собственном смысле является "конкретная коммуникация, передача определенного сообщения" [Novalis, 1975: 497].³ Но этой функции противопоставляется другая, позже названная поэтической, суть которой заключается в том, что язык оцени-

³Здесь и далее, кроме особо указанных случаев, перевод мой.

вается сам по себе. В качестве примера приводятся люди, говорящие на санскрите: "Говорят на истинном санскрите, чтобы говорить, ибо речь – их удовольствие и их сущность" [Новалис, 1919: 3]. Для Новалиса существуют два вида употребления языка. Язык в его обычном понимании имеет утилитарный характер: "Язык в собственном смысле слова есть функция орудия как такового. Всякое орудие выражает и запечатлевает мысль того, кто им пользуется". Но существует и другой язык, и именно он уместен в поэзии, он "не риторичен", "эвфоничен", он "является выражением ради выражения, а не средством" и выступает "как само по себе совершенное произведение высшей языковой силы" [Novalis, 1975: 526]. Принадлежащий к романтическому направлению В. фон Гумбольдт также выдвигает на первый план процесс выражения в противовес процессу обозначения. Слова – это образы не предметного мира, а того, кто говорит; "язык есть орган внутреннего бытия", следовательно, "язык открывает доступ в душу того, кто говорит". "Надо абстрагироваться от того, что язык функционирует для обозначения предметов и как средство общения и вместе с тем с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью и к факту взаимовлияния этих двух явлений" [Гумбольдт, 1984: 47, 80, 69]. Для Гумбольдта выразительная функция главенствует над репрезентативной.

Язык может быть риторическим (как и у Канта, риторичность равнозначна орудийности) или поэтическим, то есть "выражением ради выражения". В небольшом сочинении Новалиса, озаглавленном "Монолог", эти различные идеи собраны вместе. Истинным языком признается только по-

этический язык, а то, что называют утилитарным (референциальным, коммуникативным) языком, оказывается всего лишь неверным представлением о языке. "Воистину говорить и писать – забавная штука; настоящий разговор – это чистая игра слов. Можно только удивляться смешной ошибке людей, которые думают, что говорят, имея в виду сами вещи. Суть же языка, заключающаяся в том, что он заботится только о себе, неизвестна никому... Если бы только можно было втолковать людям, что с языком дело обстоит точно также, как с математическими формулами: они образуют особый мир – они взаимодействуют только между собой, не выражают ничего, кроме своей чудесной природы" [Novalis, 1962: 450].

Парадокс понятого таким образом поэтического языка заключается в том, что выражения, выражающие лишь самих себя, в то же время могут быть, а точнее говоря, являются носителями глубочайшего смысла. Именно в тот момент, когда, казалось бы, человек говорит ни о чем, он говорит о многом. "Когда человек говорит, лишь бы говорить, тогда он высказывает самые великолепные и самые оригинальные истины" [Novalis, 1962: 451]. Язык, как и формулы математики, являются частью природы, и, чтобы выразить ее, ему не нужно обозначать ее. "Они являются частью природы лишь потому, что свободны, и только в их свободном порыве душа мира получает внешнее выражение [Novalis, 1962: 451]."

"Монолог" особенно интересен тем, что в нем Новалис, сформулировав теорию, сразу же применяет ее к тем высказываниям, с помощью которых она была изложена. Если о вещах можно лишь говорить, не говоря о них, как же

тогда Новалис смог только что говорить о языке и его поэтической сущности? "Полагаю, я дал вполне ясное представление о сущности и функции поэзии; мне также известно, что ни один человек не в состоянии ее понять, и я знаю, что сказал совершенную глупость, ибо я хотел что-то сказать, но у меня не получилось никакой поэзии" [Novalis, 1962: 451].

Парадоксальная логика проявляется и в этом случае: если Новалису удалось произвести поэтические тексты, то произошло это не благодаря референциальным возможностям языка, а по той причине, что ни одно его высказывание не связано с референтом. Сам язык высказывается через Новалиса, и он говорит себе: "Может быть, этот речевой импульс, побуждение к говорению является верным признаком вторжения языка в меня, его воздействия на меня? Может быть, моя воля пожелала только того, что я должен был пожелать, так что в конце концов, все это, без моего ведома, и есть поэзия и помогает понять тайну языка?" [Novalis, 1962: 451]

Говорящий субъект - всего лишь маска, надетая единственным и постоянным субъектом высказывания - самим языком. Не писатель пользуется языком, наоборот, язык пользуется писателем: "Писатель - это человек, воодушевленный языком (Sprachbegeisterer)" [Novalis, 1962: 451].⁴

За поэтическим языком признается главенствующее положение еще и потому, что поэзия, по определению Гаманна, - "это родной язык человеческого рода" [Hamann,

⁴ Идея о власти языка над человеком получила свое развитие в экзистенциальной герменевтике. Например, М.Хайдеггер формулирует это так: "Не мы говорим языком, а скорее язык говорит нами, в

1921: 226]. Логос как генезис бытия (т.е. как язык божественный) продолжается в мифе как языке человеческом. Этот язык можно называть поэзией [Гучинская, 1999: 82]. Поэтическая речь первична по отношению к обыденной. Вслед за Гаманном и Гердер повторяет, что поэзия древнее прозы: она возникла, когда еще не было писателей и книг. Язык развивается от первоначальной "поэтической", т.е. эмоциональной и образной формы к образованию общих абстрактных понятий. Гердер рассматривает язык чувства (поэзию) и язык разума (прозу) как две исторически закономерные стадии развития языка [Гердер, 1959: 148]. В учении о двух этапах развития языка и связанной с ним теории происхождения поэзии Гердер явился учителем обоих основателей исторического языкознания XIX века: В. фон Гумбольдта и Я.Гримма, а в русской науке дальнейшим развитием этих идей является лингвистическая поэтика Потебни с ее теорией поэзии и прозы как двух последовательных стадий познания действительности – образной и рациональной.

О том же говорит и А.В.Шлегель в лекциях "Теория искусства". "Язык переходит от чистого выражения к произвольному употреблению в целях изобразительности, но когда произвольность становится его ведущей характеристикой, изобразительность, то есть связь знака с означаемым исчезает, и тогда язык становится лишь совокупностью логических цифр, пригодных для умственных исчислений" [Schlegel, 1963: 83]. Знаки поэзии мотивированы в противоположность знакам языка, которые произвольны. Этот момент мотивации – главной характеристики метафоры

- важен для Шлегеля: означающее должно быть как можно ближе к означаемому. Чтобы вновь сделать язык поэтическим, "необходимо восстановить его образность (Bildlichkeit); по этой причине несобственное, переносное, тропологическое употребление рассматривается как существенная черта поэтического выражения" [Schlegel, 1963: 83]. Здесь А.В.Шлегель следует определенной поэтической схеме: при своем возникновении язык есть чистое выражение, следовательно, он мотивирован; затем он становится произвольным, но поэзия может помочь исправить этот недостаток языков. Поэзия возвращает нас к первобытному языку. "Ономатопеи, метафоры, все виды тропов <...> в праязыке наличествуют сами по себе, существуют в нем с неизбежной необходимостью и даже полностью господствуют в нем; в этом и заключается элементарная поэзия, возникающая вместе с рождением языка. В этом смысле верно часто высказываемое мнение, что поэзия возникла раньше прозы" [Schlegel, 1963: 242]. Исходя из этих представлений, можно сделать закономерный вывод, что поскольку древнейшими текстами были тексты поэтические, то "герменевтика как наука о толковании древнейших памятников становится естественным методом лингвопоэтики, путем рефлексии ведя к внутренней, т.е. изначальной форме поэтически толкуемого текста" [Гучинская, 1999: 83].

Романтический стиль, по замечанию В.М.Жирмунского, представляет собой попытку выразить невыразимое. "Борьба со словом, попытка вложить в него содержание большее, чем обычно, являются характерными для романтиков" [Жирмунский, 1996: 30]. За пределами самого удач-

ного высказывания есть нечто невыразимое. "Это "невыразимое" есть не что иное, как признанная неспособность языка полностью охватить какие-либо внутренние воззрения" [Schlegel (2), 1963: 77].

Вообще прилагательное "невыразимый" (unsäglich, unaussprechlich) является постоянным определением мистического переживания, и уже Я.Беме, любимый учитель романтиков, говорит: "Заикаясь... должен я проповедовать о великой тайне, и не улучшает земного языка то, что я созерцаю в духе" [Жирмунский, 1996: 31]. Правда, понятие "невыразимого" романтики чаще использовали в качестве типологической характеристики своего учения, чем в качестве мистического кредо.

Материалом поэзии является язык. Но она обладает способностью выражать эстетические идеи, недоступные самому языку; в рамках языка поэзия - это то, что позволяет высказывать несказуемое. Его можно попытаться выразить только в поэтической речи. Именно поэтому поэтическое высказывание, в представлении романтиков, символично, разомкнуто, открыто для толкования. Поэтический язык противопоставляется непоэтическому языку изобилием смыслов, хотя это изобилие и не обладает четкостью и эксплицитностью логических атрибутов и понятий. Или же, как говорит Кант, поэтический язык "возбуждает массу невыразимых словами ощущений и побочных представлений" [Кант, 1966: 337]. Множественность вторичных представлений восполняет недостающую основному; логический язык адекватен, поэтический язык таковым не является, но благодаря множественности смыслов он может выразить несказуемое. Непереводаемость поэтического про-

изведения на логический язык в какой-то мере компенсируется множеством его толкований, которые можно продолжать бесконечно. Положение о неисчерпаемости поэтического смысла согласуется с природой поэзии, постоянно находящейся в становлении, и с ее органическим характером.

Обычный язык не в состоянии достичь таких высот, как поэтический, критика искусства есть противоречие в терминах. Вернее, критика возможна при условии, что она сама станет поэзией: "...о поэзии, собственно, можно говорить только поэзией", - утверждают участники "Разговора о поэзии" Фр.Шлегеля [Шлегель, 1983: 366]. Концепция "универсальной поэзии" Шлегеля была призвана соединить "гениальность, т.е. спонтанное творчество, и "критику", т.е. сознательную рефлексию по поводу творчества. Критика, в терминологии романтиков, - это высшая форма филологической деятельности, это сознательная рефлексия по поводу творчества, сама стремящаяся стать художественным произведением. Критика - это не только оценка произведения, но и метод его завершения: она вскрывает сокровенные замыслы и нереализованные тенденции произведения, конструирует тот индивидуальный идеал, несовершенным воплощением которого он является. "Высокая наука подлинной критики должна учить разум, как он должен формировать себя в себе самом, и прежде всего она должна учить его постигать всякую иную самостоятельную форму поэзии в ее классической силе и полноте, так чтобы цвет и ядро чуждого духа стали пищей и семенем его собственной фантазии" [Шлегель, 1983: 365]. Критика оказывается, таким образом, интегральной частью

художественного процесса, размышлением искусства о себе самом, его самопознанием, соотносит воплощенное в букве произведение с бесконечным духом и дополняет произведение, растворяя его в абсолютном. Говоря словами Шлегеля, "критика - это, собственно, не что иное, как сравнение духа и буквы произведения" [Шлегель, 1983: 373]. Критика, стремясь преодолеть неизбежный разрыв между бесконечностью духа и конечностью буквы, сознательно объединяет в себе филологию и философию. Шлегель формулирует это следующим образом: "Критика - это бракосочетание филологии и философии во имя утверждения истины" [Цит. по: Nuesse, 1962: 104].

Поскольку искусство выражает несказуемое, его толкование бесконечно. По мнению Шеллинга, "каждое истинное произведение искусства как будто содержит бесконечное число замыслов, допуская тем самым бесконечное число толкований, и при этом никогда нельзя установить, заключена ли эта бесконечность в самом художнике или только в произведении искусства как таковом" [Шеллинг, 1989: 478]. Для А.В.Шлегеля "непоэтический взгляд на вещи - это такой взгляд, когда считается, что они упорядочиваются при их восприятии органами чувств и установлениями разума; поэтический взгляд - это такой взгляд, когда вещи постоянно истолковываются" [Schlegel 1963: 81]. Суть поэзии заключается во множественности смыслов. "Классическое произведение никогда не должно быть полностью понято" [Schlegel, 1980: 210]. В нем всегда есть невыговариваемая тайна, неотчуждаемое ядро, стимулирующее непрерывность новых прочтений.

Романтики стремятся изменить внутреннее качество слова сообразно новому идеалу выразительности. В связи с этим неизбежно возникает проблема понимания – непонимания. Романтики верят в то, что можно достигнуть всеобщего понимания, однако невозможность осуществления этой утопии приводит к идее эзотеричности языка.

С одной стороны, феномен непонятности рассматривается романтиками как органическая часть восприятия публикой своих произведений. Фридрих Шлегель в программной статье "О непонятности", заключавшей последний номер "Атенеума", ставит непонятность в ряд таких категорий, как ирония и парадокс. Поводом для статьи был неуспех журнала, и Шлегель делает попытку самообъяснения, популярного комментария к своим же фрагментам. В непонятности Шлегель видит метафизическую праматерию, рождающий хаос. И в жизни, и в науке, и в искусстве непонятность сопутствует познанию, как тьма – свету. Более того, она сопутствует самовыявлению вещи, служит выражению целого. С другой стороны, исходная установка была все же на идеальное общение, а непонятность пришлось признать как поправку, внесенную действительностью. Такое положение заставило романтиков задуматься о читателе. "Аналитический писатель наблюдает читателя как он есть... <...> Синтетический писатель конструирует и создает читателя, каким он должен быть, он кажется ему не самоуспокоенным и мертвым, а живым и противодействующим. Писатель не хочет оказывать на него определенное внимание, а вступает с ним в священные отношения внутренней симфилософии (Symphilosophie) [Schlegel, 1980: 183]. Синтетический автор верит читателю и не до-

говаривает до конца. Признание формообразующей роли читателя заставило романтиков моделировать образ своего, идеального реципиента, и они искали его то в узком кругу пишущих, то в "простой душе". Характерная для романтизма "поэтика индивидуального стиля" [Вайнштейн, 1994: 392-430] настраивала на личные, индивидуальные отношения с читателем. Образ идеального читателя перестал быть абстракцией: требовался конкретный собеседник и даже соавтор. Читатель, как утверждает Новалис, - это "продолжение автора", а чтение - это продолжение творческого акта [Цит. по: Nuesse, 1962: 104]. Новалис видел читателя и в авторе: "Большинство писателей - одновременно свои читатели, которым они пишут - отсюда в произведениях столько следов читателя - критические замечания. Вехи мысли - набранные курсивом слова - выделенные места - это все от читателя..." [Novalis, 1975: 570].

Идеальным читателем мыслится и критик-филолог, но не просто адекватно толкующий, а способный к подражанию, воспроизведению и сотрудничеству. Критик - расширенный автор. Границы уничтожаются. Понятия читателя, критика и автора создают синтез, который олицетворяет утопию универсального понимания, утопию разговора на одном языке. Утопия эта тем трагичнее, что романтики нередко сталкивались с неадекватными интерпретациями своих намерений.

Идея универсального всеохватывающего синтеза, а также понимание мира как живого становления, противопоставленного неподвижному бытию мертвых вещей - отличительные черты романтического мировоззрения. Герменев-

тический принцип связи и согласованности частей, образующих органическое целое – принципиально важен для эстетики романтизма.⁵ Во “Фрагментах о новой немецкой литературе” Гердера было введено новое понятие органической формы, подразумевающее живое единство внутреннего и внешнего, взаимозависимость целого и части [Гердер, 1959: 156]. Каждая часть художественного произведения может свидетельствовать о целом, поскольку ценится, прежде всего, сам процесс становления, развертывание целого во времени. А.В.Шлегель, пожалуй, ярче всего выразил идею органической формы и сформулировал противопоставление между органическим и механическим. В “Теории искусства” он пишет: “Произведение искусства, заслуживающее этого названия, имеет органическую природу, ибо в нем частное существует только через целое” [Schlegel 1963: 27]. Всякое настоящее произведение искусства органично. В связи с историей драмы Шлегель дает характеристику механической и органической формы: “Форма механистична, когда она сообщается материи в результате внешнего воздействия, имеющего характер чисто случайного вмешательства без всякой связи с внутренним строением материи; <...> Напротив, органическая форма имеет врожденный характер; она создается (bildet) изнутри наружу и достигает своей определенности вместе с полным развитием зародыша.<...> Истинные формы органичны, иными словами, они определяются содержанием произведения искусства. Короче говоря, форма есть не что иное, как значимая внешность, <...> которая дает правдивое представление о сокровенной сущности этого предме-

⁵ Цветан Тодоров, исследуя эстетику романтиков, называет его

та" [Schlegel, 1967: 44]. Органическое противостоит механическому; от последнего всегда можно отнять какие-то части или, наоборот, сделать добавления, ибо его границы, а значит и состав произвольны. Механическая форма произвольна, это - "соединение мертвых частиц" [Schlegel, 1963: 27]; органическая форма естественна. Для романтиков органическое ассоциируется с целостным, развивающимся, наделенным энергией, механическое - с искусственным, состоящим из отдельных частей, статичным.

Понятию органической формы родственно понятие внутренней формы [Schwinger, 1935; Шпет, 1925]. Внутренняя форма непосредственно связана с содержанием, которое оно необходимым образом выявляет. В определенных случаях внутренняя форма становится удобным посредником между формой и содержанием, звеном, позволяющим восстановить во всем объеме отношение мотивации; внутренняя форма более абстрактна, чем форма, более структурирована, чем содержание.

Каждое произведение представляет собой сеть отношений между составляющими его элементами. Произведение искусства есть совокупность связей; в какой-то мере это и определение поэзии. "В чем, собственно суть поэзии, нельзя определить точно. Это бесконечная и тем не менее простейшая связность" [Novalis, 1962: 413]. Поэзия так трансформирует дискурс, что каждый из его элементов становится необходимым: "Поэзия возвышает каждый отдельный элемент, связывая его особым образом с остальной совокупностью, с целым" [Novalis, 1962: 492]. Для

Новалиса, как и для других романтиков, идеальное отношение – это такое отношение, когда один элемент является одновременно и частью, и образом целого.

Антиномия целое – часть соотносится с целым рядом других герменевтических антиномий: идеальное – реальное; универсальное – индивидуальное; логос – миф; дух – буква.

Рецензия Фр.Шлегеля на роман Гете "Годы учения Вильгельма Мейстера" (1798) – яркий образец раннеромантической критики. Роман Гете характеризуется Шлегелем как всеохватывающее динамическое целое, каждая часть которого выражает это целое и сама в свою очередь образует самостоятельное целое [Шлегель, 1983: 321]. Единство произведения – это единство духа, его пронизывающего, неповторимой авторской индивидуальности, а не единство каких-либо правил, норм традиционной поэтики родов, видов, жанров. А.Шлегель также считает, что в разборе поэтического произведения "никогда не удастся вывести прекрасное целое из собранных вместе якобы прекрасных частей, напротив, сначала необходимо абсолютно установить целое, а затем выводить из него частности" [Schlegel, 1967: 251]. Само построение статьи о "Мейстере" должно воспроизводить последовательные этапы отношения читателя к роману: от живого эмоционального участия в начале (первая и вторая книги романа) через критический анализ (третья, четвертая и пятая части) к более интеллектуальному интересу и размышлению в конце. Задача читателя "постичь всеобщее", "обозреть всю массу и запечатлеть целое, вникнуть в сокровенное и соединить самое отдаленное" [Шлегель, 1983: 321]. Чтобы достичь

этого, необходимо абстрагироваться от всего единичного, но человеку свойственно стремление узнать, как сконструировано целое, разложить его на составные части. "Однако, чтобы закономерно двигаться от частей к целому, наблюдение и анализ не должны теряться в бесконечных деталях" [Шлегель, 1983: 325]. Исследователю необходимо помнить, что сам поэт подтвердил изначальное единство частей "намеренным стремлением сочетать их в завершенное целое с помощью различных, хотя и неизменно поэтических средств" [Шлегель, 1983: 325]. В процессе исследования каждая необходимая часть "единого и неделимого" произведения становится системой сама по себе, но конечной целью анализа является не разложение живого единства произведения на "изначальные составные части, мертвые по отношению к произведению", а создание гармонически завершенного целого [Шлегель, 1983: 330]. Таким образом, рецензия Фр.Шлегеля органически включается в герменевтическую концепцию анализа поэтического текста.

На первый взгляд кажется, что высокая оценка согласованности частей произведения не согласуется с высокой оценкой фрагмента, популярного жанра романтической литературы, главным признаком которого является его незавершенность. Однако противоположность частного и общего снимается и здесь, поскольку для романтиков все фрагменты помнят об единой идее, а она, в свою очередь, отражается в каждом из них. Человек, читающий фрагменты, вскоре начинает понимать, что имеет дело с по-своему организованным целым. Постепенно отдельные реплики начинают отвечать друг другу, последующие части объясняют предыдущие, и становится очевидно, что "очень многое

принадлежит единой, великой, в высшей степени важной идее" [Novalis, 1962: 595]. Практически для всех фрагментов можно с большими или меньшими усилиями реконструировать подразумеваемое целое. Это целое осознается по-разному, только не как механическая сумма фрагментов.

Отношение целое - часть составляет основу главного методического приема герменевтики - герменевтического круга, который состоит в следующем: с одной стороны, толкователь движется от целого, от интуитивно понятого смысла к пониманию отдельных частей, с другой стороны, он корректирует общий смысл, исходя из анализа этих частей. Сам "круг" является следствием всеобъемлющей целостности произведения, поэтому не случайно, что теория герменевтического круга была сформулирована учеником Ф.Шлегеля и Шеллинга - Ф.Астом и их общим другом Фр.Шлейермахером. Имплицитно или эксплицитно они утверждали принцип согласованности всех частей произведения; если эта целостность не замечается и не выявляется, то это свидетельствует об ущербности толкования.

Фактически о том же говорил и Ф.Шлегель, используя в своих записях слово "циклический". (В его записную книжку, несомненно, заглядывали Аст и Шлейермахер) "Является ли циклический метод исключительно филологическим?" "Всякое критическое прочтение ... циклично". "Следует как можно быстрее добиться предчувствования целого, применяя циклический метод" [Schlegel, 1928: 48, 50, 53].

Выводы

Происхождение филологической герменевтики неразрывно связано с зарождением и развитием немецкой науки о языке в ее романтической модификации. Проблема теоретического осмысления процесса творчества и его реконструкции возникла впервые в рамках романтической эстетики и философии языка.

Отличительная черта романтического понимания речевого акта состояла в том, что последний выступал для романтиков как творческий акт художника. Речевое высказывание в связи с этим приобретало художественную форму. Оно становилось художественным произведением и как таковое – единым целым, организмом. Понимание речи в силу этого было равнозначно ее эстетическому истолкованию.

Понять высказывание (произведение) исходя из индивидуальности его автора, значило для романтиков понять его внешнюю художественную форму как реализацию, развертывание его внутренней формы, сокрытой в глубинах творческой индивидуальности художника. Эту внутреннюю свернутую форму, т.е. сокровенный авторский замысел, они определяли как идею целого (высказывания, художественного произведения).

В характеристике “Вильгельма Мейстера” Ф.Шлегель развивает мысль, что понять произведение – значит исходя из его внешней художественной формы реконструировать его идею (идею целого) [Шлегель, 1983: 319]. Именно в этом заключается сущность понимания как реконструкции творческого процесса созидания речевого акта. Произве-

дение, как и высказывание, представляет собой выражение внутренней авторской идеи в развернутой, стилистически обозначенной художественной форме.

Похожие принципы понимания Ф.Шлегель формулирует в сочинении "Мысли и мнения Лессинга" (1804 г.): "Первое условие всякого понимания, а, следовательно, также понимания художественного произведения, есть созерцание целого..." [Шлегель, 1983: 226] "Можно лишь тогда сказать, что какое-либо произведение, какой-либо дух понят, если могут быть реконструированы его развитие и его структура" [Шлегель, 1983: 270].

Влияние романтиков на Ф.Шлейермахера, создателя развернутой теории филологической герменевтики, не вызывает сомнений. Известно, что в берлинский период своей жизни (1797-1802 гг.) Шлейермахер бывал в романтическом кружке Ф.Шлегеля. Именно Шлегель побудил его заняться филологией и руководил этими занятиями. Вместе они собирались переводить диалоги Платона и в связи с этим усиленно размышляли над проблемами понимания [Nisch, 1920: 346].

Поэтому когда в Галле в 1805 г. Шлейермахер набросал план своего первого герменевтического курса, у него уже сложился к этому времени эскиз теории понимания, в основе которого лежала эстетическая и лингво-философская концепция романтизма.

Глава II. Теория герменевтики в трудах Ф.Шлейермахера

2.1. Значение теории Ф.Шлейермахера для развития герменевтического метода

Проблема герменевтики как универсальной теории понимания впервые была поставлена мыслителем, соединившим в себе филолога-классика и протестантского теолога – Фридрихом Шлейермахером. У Шлейермахера герменевтика освобождается от ранее определявшего ее содержания, будь-то канон христианского вероучения или образцовость классической античной литературы. Единство герменевтики Шлейермахер ищет уже не в единстве того, что с ее помощью надлежит понять, а в единстве самой герменевтики как метода.

Существует огромная зарубежная литература, посвященная исследованию мировоззрения Шлейермахера в различных его аспектах, а именно – исследованию философии, этики, эстетики, философии культуры, теологии, герменевтики. Ряд работ о Шлейермахере был опубликован уже в первой половине XIX века в связи с посмертным изданием его сочинений. Однако только в последние три десятилетия XIX в. наблюдался действительный размах исследования духовного наследия Шлейермахера. Начало ему положила публикация в 1870 г. первого тома фундаментального труда Дильтея (так и оставшегося незаконченным) “Жизнь Шлейермахера” [Dilthey, 1870], его же сочинение “Возникновение герменевтики” (1900) [Dilthey, 1959] долгое время определяло оценку произведений Шлейермахера. Тот ренессанс, который в конце XIX – начале XX вв. пе-

реживала, пусть и в преобразованном виде, романтическая идеология, объясняет повышенный интерес к творчеству Шлейермахера в этот период. Однако этот интерес ограничивался преимущественно трактовкой сочинений Шлейермахера в иррационалистическом и мистическом духе.

В семидесятые годы XX века герменевтика становится одной из самых актуальных проблем зарубежной философии и филологии. Оживленную дискуссию вызвали работы немецкого философа Г.Г.Гадамера, который в вопросах философии языка опирается, прежде всего, на Шлейермахера [Gadamer, 1972]. П.Сзонди, а вслед за ним и М.Франк, пытаются сделать Шлейермахера "генетическим предшественником" структурализма; Франк понимает его герменевтику как "посредническую модель" между герменевтической и структуралистской традициями [Szondi, 1976; Frank, 1977].

Многие исследователи, начиная с В.Дильтея, посвящали свои работы проблеме единства и расхождения в эстетических и философских взглядах Шлейермахера и немецких романтиков. [Hartmann, 1923; Flueckiger, 1947; Patsch, 1966; Schnur, 1994].

В рамках истории романтической герменевтики возникает проблема идейного взаимодействия Шлейермахера с другими романтиками. Всего несколько работ посвящены вопросу о влиянии романтической философии языка на герменевтику Шлейермахера: в 1928 году Й.Кернер опубликовал фрагменты Фр.Шлегеля по "Философии филологии", написанные в 1797 г. Исследуя их, он пришел к выводу, что они лежат в основе учения Шлейермахера о герменевтике и что именно Фр.Шлегелю принадлежит приоритет в обоснова-

нии филологической герменевтики [Koerner, 1928]. Г.Патч, как и Х.Шнур, также утверждает, хотя и менее категорично, что Шлейермахер систематизировал и развил многое из того, что предварительно фигурировало у Ф.Шлегеля. Противоположного мнения придерживается Г.Киммерле [Kimmerle, 1974]. По его мнению, такая оценка взаимоотношения Ф.Шлегеля и Шлейермахера страдает неточностью; у Ф.Шлегеля не встречаются те важные мысли по философии языка, которые имеют принципиальное значение для теории герменевтики Шлейермахера. Такого же мнения придерживается и И.Вах, исследуя историю науки о понимании [Wach, 1966: 45-46].

Когда речь идет о "Герменевтике" Шлейермахера, нужно учитывать, что авторского законченного текста, который бы полно отражал его герменевтическую концепцию, фактически не существует. Единственный прижизненный авторский текст - это речь в Берлинской академии наук 1829 года, о которой сам Шлейермахер говорит, что она "еще не развилась в теорию" (НК 123). Кроме этой лекции существуют многочисленные разрозненные рукописи, заметки на полях и записи лекций, прочитанных с 1805 по 1833 годы. Это обстоятельство привело к разным недоразумениям и интерпретациям, как, например, в случае с грамматическим и психологическим методами толкования.

Впервые "Герменевтика" была напечатана в 1838 г. Ф.Люкке, другом и учеником Шлейермахера, под названием "Герменевтика и критика с особым отношением к Новому Завету" [Schleiermacher, 1838, Bd.7]. Источниками этого издания стали, с одной стороны, рукописные фрагменты и наброски самого Шлейермахера, а с другой - записи его

лекций, сделанные в разные годы его слушателями и учениками. Сохранились три рукописные тетради Шлейермахера по герменевтике, из которых Люкке использовал только последнюю, 1819 года, как наиболее полную. Эту тетрадь при ее публикации Люкке дополнил выдержками из записи лекций. Считается, что отсутствие ранних заметок в этом издании привело к некоторой переоценке психологической интерпретации (например, у В.Дильтея). Издание герменевтики в седьмом томе полного собрания сочинений Шлейермахера, осуществленное Люкке, дополнялось изданием в третьем томе речей "О понятии герменевтики в связи с замечанием Ф.А.Вольфа и учебником Аста", произнесенных в Берлинской академии наук [Schleiermacher, 1835, Bd.3].

В 1959 году ученик Г.-Г. Гадамера Г.Киммерле осуществляет новое издание герменевтики Шлейермахера, в котором публикует полностью все его рукописные материалы, совершенно отказываясь от выдержек из записей лекций [Schleiermacher, 1959]. Для Киммерле было важно показать изменение герменевтических взглядов Шлейермахера. По мнению Киммерле, ранние рукописи свидетельствуют о приоритете грамматической интерпретации над психологической, в то время как позднее, в 20-е годы Шлейермахер обращает внимание главным образом на психологическую интерпретацию.

В 1977 году на основании издания Люкке М.Франк подготовил новое издание, включающее также выдержки о языке и герменевтике из "Диалектики" и "Этике" Шлейермахера. Франк ставит своей задачей, во-первых, сделать текст более понятным читателю и, во-вторых, с помощью организации материала оспорить тезис Киммерле о разви-

тии герменевтических взглядов Шлейермахера [Schleiermacher, 1977].

С работ Шлейермахера начинается качественно новый этап в развитии герменевтики. Она получает научную, детально разработанную теоретическую основу. Однако при всем новаторстве этих основополагающих работ, сами они сохраняют тесную связь со всей традицией специальной герменевтики – библейской и филологической. Именно Ф.Шлейермахер обобщил, расширил и придал научный статус разрозненным наблюдениям и узко практическим правилам толкования текстов. Теорию Шлейермахера можно понимать одновременно как завершение и преодоление герменевтики эпохи Просвещения.

Здесь возникает возможность разной оценки значимости теории Шлейермахера для развития герменевтического метода. Традиционно, начиная с Дильтея, большинство исследователей отмечают принципиальную новизну и глубину анализа задач и содержания герменевтики Шлейермахера [Kimmerle, 1962; Diltey, 1979; Gadamer, 1974; Huebener, 1984; Patsch, 1966; Wach, 1966]. Несколько иную позицию в этом вопросе занимает, например, Х.Бирус, который, как и П.Сзонди, полагает, что "если рассматривать историю идеи, то Шлейермахер не создал ничего принципиально нового", и что большинство положений Шлейермахера можно найти уже в герменевтике эпохи Просвещения [Birus, 1982; Szondi, 1975].

Однако от предшествующей традиции герменевтику Шлейермахера отличают, по крайней мере, несколько принципиально новых моментов.

1. Шлейермахер стремится создать общую герменевтическую теорию, которая может быть перенесена на весь процесс понимания, придать ей "подлинно научный облик" (НК 124). Уже в первых своих заметках по герменевтике, сделанных в связи с чтением герменевтики Эрнести, он уже в общих чертах обосновывает новое направление в развитии этой дисциплины, задачей которого является "реконструкция произведения (высказывания) исходя из индивидуальных особенностей личности автора, научное рассмотрение процесса творчества языка и художественной формы произведения (композиции, стиля и пр.)" [Габитова, 1989].

Так, в 1805 году в письме к Э.Виллиху Шлейермахер сообщает: "Я читаю герменевтику и пытаюсь то, что до сих пор было собранием несвязанных и отчасти очень неудовлетворительных наблюдений, поднять до уровня науки, которая охватывает весь язык как предмет рассмотрения и стремится проникнуть извне в самую внутреннюю его глубину" [Schleiermacher, 1974: 26-27].

В 1828 г., подводя итог своим 25-летним занятиям герменевтикой, он пишет: "Книга Эрнести *Institutio Interpretis* получила большое признание и многие формулированные там правила доказали свою чрезвычайную полезность, хотя они и сами лишены истинного обоснования, ибо нигде не определены общие принципы, вследствие чего я должен был идти своим собственным путем" (НК 123).

В докладе 1819 г. он говорит о том, что "герменевтика как искусство понимания еще не существует как общая наука, а существует только несколько специальных герменевтик" (НФ 75).

“Специальные герменевтики” являются всего лишь “агрегатом наблюдений”, который “не удовлетворяет научным требованиям” (HF 75). Под “специальными герменевтиками” понимается как теологическое толкование библейских текстов (напр., Эрнести и Землер), так и филологическая герменевтика К.Вольфа и Ф.Аста. “Специальные герменевтики” ограничены, во-первых, содержанием толкуемых текстов (библейские тексты и произведения классической древности), а, во-вторых, ставят своей целью толкование только отдельных трудных мест, что приводит к сужению герменевтической сферы. Следствием этого становится использование отдельных правил (даже таких канонических, как взаимосвязь целого и единичного) для узко практических целей.

Оценивая так критически современное ему состояние герменевтики, Шлейермахер утверждает, что искусство понимания еще не существует в общем виде. Он выступает против неупорядоченной практики толкования, поскольку она основывается на случайных опытах и находчивости толкователя. Чтобы гарантировать всеобщую применимость герменевтическим правилам, практика должна стать теорией. Без теории “каждое практическое применение остается лишь вслепую согласованной эмпирией” (HF 81). На смену бессистемной “произвольной практике толкования” должна прийти “строгая практика” общей герменевтической теории (HF 92).

Цель Шлейермахера – создание теоретически обоснованного, универсального метода толкования, который будет опираться на анализ всего процесса понимания. В конце Академической речи 1829 года он говорит о том,

что неудовлетворительные герменевтические опыты "прекратятся не раньше того времени, но без сомнения именно тогда, когда герменевтика обретет соответствующую ей форму науки об искусстве и исходя из простого факта понимания, из природы языка и из взаимоотношения между говорящим и воспринимающим приведет свои правила в точное соответствие друг с другом" (НК 156). Для теоретиков специальных герменевтик понимание как таковое не заключало в себе какой-либо проблемы. Поэтому они не занимались исследованием самого процесса понимания. Их теории фактически представляли собой свод правил, возникших в результате многолетних наблюдений за "расшифровкой" отдельных трудных мест. По мысли Шлейермахера, процесс понимания носит всеобщий характер, а проблема понимания постоянно присутствует в жизни человека, а герменевтика должна лежать в основе понимания всего, что только может быть понято. Поэтому он хочет преодолеть ненаучность герменевтического опыта своих предшественников и требует строгой систематизации всех разрозненных правил через общую теорию понимания, которая будет применима во всех случаях и во всех языках.

Герменевтика у Шлейермахера выполняет универсальную роль в жизни человека, само овладение языком (своим и чужим) представляет собой герменевтический процесс: "Знание языка возникает через герменевтические операции" (НГ 128). Значение слов и смысл предложений при изучении языка конструируется по тем же принципам, по которым конструируется смысл при толковании текста.

В человеческой деятельности - в том числе и в деятельности истолкования - Шлейермахер различает три сту-

пени: а) неодухотворенно-механическую, т.е. такую, когда понимание и речь осуществляются неосознанно, механически (напр., на рынке). б) практическую, основанную на эмпирических наблюдениях (Н 124). Понимание здесь исходит из многочисленных, более или менее случайных попыток толкования по правилам, которые неприменимы для всех случаев. Речь идет, по всей вероятности, о "специальных герменевтиках". в) Высшая ступень - плановая, которая должна руководиться особым "искусством" (Kunstlehre). "Наукой об искусстве мы называем всякое руководство, позволяющее правильно осуществлять определенную деятельность." (НФ 69). Творческим (kunstmässig) называется осознанное, упорядоченное толкование, которое исходит из общей научной теории. Искусство герменевтики, согласно Шлейермахеру, необходимо исследователю для того, чтобы через множество частных выразительных средств - особенностей стиля, речи, построения фразы и всего произведения в целом - постигнуть стилистическое единство произведения, и тем самым понять духовную целостность индивидуальности его автора.

Герменевтика становится методологией толкования, в основе которого лежит сознательная рефлексия по поводу творчества, а целью является понимание текста во всем объеме его художественно-языковых особенностей. Но понимание произведения и его автора открывает бесконечный горизонт смыслов. Для Шлейермахера важно то, что всякое определение смысла никогда не может осуществиться до конца: "Истиной является то, что переход от неопределенного к определенному, осуществляемый в процессе тол-

кования, есть бесконечная задача" (HF 101). Герменевтическая рефлексия никогда не прекращается, но приближение к смыслу текста возможно только при наличии общей научной теории, на которую сможет опираться толкователь. Абсолютная же цель герменевтики, по Шлейермахеру, – это достижение непосредственного понимания, идеального состояния, когда герменевтическая рефлексия станет уже неактуальной.

Таким образом, герменевтика из вспомогательной дисциплины в рамках богословия, классической филологии и юриспруденции превращается в методологическую основу для гуманитарных наук.

При этом герменевтика является для Шлейермахера не отвлеченным теоретическим построением, а методом, применяемым на практике. Поэтому теория – исторична, она не замкнута в себе, открыта для нового опыта. Теория, если она неприменима к определенным текстам, представляет собой чистую спекуляцию (H 127). Шлейермахер рассматривает герменевтику всегда в связи с толкованием конкретных текстов, прежде всего, библейских.

2. Принципиальным отличием концепции Шлейермахера от прежних герменевтических опытов является ее универсальность. Эта универсальность имеет два аспекта: а) Для всякого текста должен действовать *единый* метод толкования. Содержание текста может быть различным, но метод все равно остается общим для любого языкового выражения. Для Шлейермахера важно не столько *что* понимать, сколько *как* понимать, т.е. главный вопрос не о предмете, а о методе понимания. б) Другой аспект заключается во всеобщей применимости герменевтических правил. Тол-

кованию подлежит любой текст, всякое высказывание. Это положение направлено, прежде всего, против практики толкования только "темных мест" в "специальных герменевтиках". "Специальные герменевтики" исходили из положения, что понимание возникает само собой, поэтому следует толковать только те трудные места, которые препятствуют естественному процессу понимания. Если полагать, что понимание совершается само собой, то задачей герменевтики становится избегание непонимания. Это означало бы сознательное ограничение цели герменевтической процедуры. Шлейермахер, напротив, утверждает, что "непонимание возникает само собой, а понимание в каждой его точке должно быть желаемым и искомым" (HF 92). Цель прежних герменевтических опытов состояла лишь в том, чтобы устранить случайное непонимание, в то время как Шлейермахер исходит из постоянного, все снова и снова возникающего непонимания. Свой герменевтический метод он строит на подробном рассмотрении различных причин непонимания и способах устранения этого непонимания. Каждая личность отчуждена от другой, поэтому между ними неизбежно возникает непонимание. Для теории Шлейермахера важна общая постановка вопроса об интерпретируемом как о чем-то всегда чуждом для интерпретируемого. Если бы между ними не было "отчуждения", то понимание всегда было бы дивинаторным и не представляло бы никакой проблемы. С другой стороны, если объект понимания абсолютно чужд толкователю, то тогда понимание было бы вообще невозможно, поэтому интерпретируемое должно быть не вполне чуждо. Однако Шлейермахер убежден в том, что, сколько бы мы не допускали общности между говорящим и

понимающим, проблема герменевтики как теории возникает лишь тогда, когда мы констатируем это чуждое: "Повсюду, где выражение мыслей посредством речи представляет собой для говорящего нечто чуждое, имеет место задание, которое можно разрешить с помощью нашей теории" (Н 128). "Отчужденность" – это общий феномен духовного мира человека, и для человека свойственно стремление освободиться от этой изолированности и понять другого в совершенстве. Для раннего романтизма такое конгениальное понимание другого – центральная метафизическая проблема, вопрос собственного духовного существования человека, а для Шлейермахера еще и идеальная цель герменевтики. Как раз для того, чтобы избежать непонимания, необходим тщательный и последовательный анализ каждого языкового явления, не ограничиваясь только трудными для понимания местами. С точки зрения Шлейермахера, герменевтика как искусство понимания необходима всегда, а не только в те критические моменты, когда понимание не происходит больше само собой.

Однако притом, что герменевтический метод может быть применен к любым высказываниям, их ценность для толкователя неодинакова. Искусство понимания осуществляется только при наличии мысли. Болтовня с точки зрения герменевтики имеет нулевую ценность: "Не всякая речь является предметом толкования в одинаковой степени. Некоторые виды речи имеют в этом отношении нулевую ценность, другие – абсолютную; в большинстве случаев речь располагается между этими двумя пунктами" (НГ 82). Эти два "полюса" Шлейермахер обозначает как "максимум" и "минимум". Для толкования не существует "абсолютного

ничто" (HF 83), поскольку анализу подлежит любое языковое выражение. Минимальной ценностью для герменевтики обладают, например, "разговоры о погоде" или такие тексты, которые или не являются важными для понимания индивидуального образа мыслей автора или не имеют большого "значения для языка" (HF 82). Максимальную ценность имеют "гениальные", оригинальные тексты, которые выражают неповторимую индивидуальность творца.

Другой принцип дифференциации заключается в том, что "одно хотят понять точно, а другое – нет" (HF 91). Шлейермахер отмечает разницу между истолкованием, сообщаемым с искусством и безыскусственным, нетворческим. "Лишь когда речь идет о незначительном, мы удовлетворяемся тем, что понимаем сразу" (HF95), но если текст должен быть понят точно, тогда применяется герменевтический метод. Даже высказывание, имеющее минимальную ценность, становится интересным для герменевтики, если его хотят понять точно. Именно такое "точное" понимание является творческим (*kunstmässig*) и совершается по правилам искусства толкования.

Шлейермахер стремится предельно расширить область применения интерпретации как методического приема. Ее не следует ограничивать "только результатами деятельности писателя" (НК 129), герменевтика должна иметь в виду всякое слово как письменной, так и устной речи, и не только в научном, но и в житейском его применении. Этим Шлейермахер не нарушал требования Эрнести, состоявшего в том, что интерпретация методологически должна быть однородной и единой филологически-исторической интерпретацией, – речь идет только о материале, который гер-

меневтика имеет право включать в свое рассмотрение. Толкование разговорной речи – важная часть языковой деятельности, так как разговор способствует взаимному порождению мыслей. Творческая функция языка ярче всего проявляется в свободном разговоре. “Но в особенности мне хотелось бы настоятельно посоветовать толкователю письменных произведений прилежно заняться истолкованием диалога. Непосредственное присутствие говорящего, живое высказывание, которое свидетельствует об участии в диалоге всей его духовной жизни, способ, каким здесь развиваются мысли на основе жизненного опыта, – все это в большей степени, чем обособленное рассмотрение совершенно изолированного сочинения, способствует тому, чтобы мысленный ряд понимать одновременно как обнаруживающий себя жизненный принцип, как действие, связанное со многими другими, а именно эта сторона герменевтики при истолковании текста более всего пренебрегается” [Schleiermacher, 1935]. Как справедливо указывает Габитова, здесь обнаружила себя новая герменевтическая установка Шлейермахера, существенно отличавшая его учение от предшествующей традиции – установка на активное понимание [Габитова, 1989: 105]. Для специальной филологической и теологической герменевтики было характерно пассивное понимание, которое обуславливалось самой природой его объектов – литературных и теологических источников, написанных на “мертвых” языках, а также соответствующей концепцией языка как системы нормативно тождественных (стабильных) форм. Поэтому в правилах традиционной герменевтики акцент делался на абстрактность в ущерб конкретности, на стабильность в ущерб изменчи-

вости. Так, сопоставляя контексты употребления слова, герменевт делал установку на момент тождества употребления, поскольку ему было важно изъять слово из всех контекстов и дать ему определенность вне контекста. При активном понимании важным становится понимание языковой формы в данном конкретном контексте.

Шлейермахер не только расширяет компетенцию герменевтики, но и ставит перед ней новую задачу – понимать не только значение отдельных слов и высказываний, но и то место, которое они занимают в структуре целого. Исходный пункт Шлейермахера – понимание текста в целом и понимание каждого элемента в окружении других частей текста: “Смысл всякого слова в данном месте должен определяться по его связи со смыслом контекста” (НК 69). Для понимания слова или предложения необходимо учитывать их связь друг с другом и включенность в контекст. Отдельное слово может быть понято только в контексте всего предложения, а предложение в свою очередь рассматривается только относительно целого текста, так как, будучи изолированным, оно (как и слово) может иметь иное значение, чем в конкретной речи конкретного автора. Если слово изолировано, то при его рассмотрении обнаруживается только “определенный цикл образов употребления” (HF101), также как и предложение представляет собой “нечто неопределенное” (HF101), если оно не выступает в каком-либо контексте.

3. Герменевтику Шлейермахера можно с уверенностью назвать филологической, поскольку язык – ключевое понятие его теории. В герменевтике Просвещения предмет толкования являлись не только языковые, но и другие

знаки. К.Вольф, один из предшественников и учителей Шлейермахера, отмечал: "До сих пор мы не имеем почти ничего удовлетворительного в области общей герменевтики. Эта филологическая дисциплина занимается объяснением знаков вообще, все виды знаков входят в область рассмотрения" [Wolf, 1831: 292]. Также и Г.Ф.Мейер говорил об "искусстве толкования в широком смысле, как о "науке о правилах, благодаря соблюдению которых значения могут быть извлечены из их знаков" [Meier, 1965: 30].

У Шлейермахера речь идет о понимании только языковых знаков. В одной из ранних рукописей он писал: "Все, что герменевтика имеет в качестве исходного материала - это язык и все, что должно быть найдено, что предполагает также другие объективные и субъективные предпосылки, должно быть найдено, исходя из языка" (НК 38). Шлейермахер основывает понимание на природе языка. Понимание - это, прежде всего понимание языка. Все становление человеческого знания и общность мышления, без которой невозможно понимание, формируются через язык; а понимание в свою очередь есть единственное условие возможности языка.

Принципиальным отличием герменевтической концепции Шлейермахера является новый подход к языку, развивающий тенденцию, которую можно наблюдать уже у Гаманна, Гердера и Фр. Шлегеля. Шлейермахер создавал свою теорию в период коренного преобразования всех сфер духовной культуры и в том числе - языкознания. В русле романтической традиции (и в духе кантовско-фихтевской философии) он понимает язык не как упорядоченный набор установленных знаков, а как динамический созидательный про-

цесс, осуществляемый индивидуальными речевыми актами. Процесс творческого становления языка бесконечен. Язык – это главное из проявлений духа, а главная стихия духа – движение. Отсюда следует характерное для эпохи романтизма акцентирование живой динамики творческого языкового процесса.

Языковая деятельность понимается как взаимоотношение традиции и инновации. С этим связано такое важное для Шлейермахера понятие как субъективность речевого акта. Речь, высказывание понимается как продукт творческой деятельности субъекта. Все языковые процессы совершаются индивидуально в сознании каждого отдельного говорящего субъекта. Несмотря на наличие общей, надличностной части языкового опыта, языковая деятельность всегда индивидуальна.⁶ Язык развивается благодаря тому, что в нем обнаруживает себя дух отдельного человека, однако образ мыслей каждого человека в свою очередь определяется языком. Поэтому именно язык служит главной опорой для толкования индивидуального речевого произведения.

В этой связи В.Ресслер отмечает следующую особенность теории Шлейермахера: он был не только первый, но и последний, кто определил герменевтику как универсальный метод понимания языковых явлений. Все последователи

⁶ Представление об индивидуальном характере всякого владения языком, о неповторимости языкового мира каждой личности получило значительное развитие в конце XIX – начале XX века. Особенно настойчиво подчеркивали эту идею Бодуэн де Куртене и К.Фосслер. Фосслер стремился к созданию теории языка, способной выявить его динамический и личностно-творческий характер. Согласно Фосслеру, то, что "позитивистская" лингвистика оценивает в качестве объективно данных форм языка и их исторического развития, представляет собой результаты непрерывных индивидуальных творческих усилий [Vossler, 1905: 14].

Шлейермахера от Дильтея до Гадамера расширили как сам термин "понимание", так и собственно область применения герменевтического метода [Roessler, 19 : 173].

2.2. Герменевтический круг

Одно из основных методологических понятий концепции Шлейермахера - это принцип т.н. "герменевтического круга". В речи в Академии наук он определяет "круг" таким образом: "Герменевтический принцип, который говорит о том, что подобно тому, как целое может быть найдено из отдельного, так и отдельное может быть понято только из целого" (НК141). В этом отношении Шлейермахер продолжает традицию предшествующей герменевтики и романтической эстетики.

Фр.Аст рассматривает такую взаимосвязь целого и единичного как необходимое условие познания: "Основа всякого понимания и познания - найти из единичного дух целого, и через целое понять единичное; первое - аналитический, второе - синтетический метод познания" [Ast, 1808].

Однако взаимная солидарность частей и частей с целым незамедлительно ставит перед исследователем проблему, обусловленную именно этой взаимной детерминацией: как познать нечто, если оно заранее предполагает знание чего-то иного? Шеллинг сформулировал эту проблему со всей возможной точностью в "Системе трансцендентального идеализма": "Поскольку идея целого может стать ясной лишь благодаря тому, что она раскрывается в отдельных частях, а отдельные части в свою очередь возможны лишь благодаря идее целого, то здесь как будто присутствует

противоречие” [Шеллинг, 1987: 481]. Оно возникает из того, что оба акта: постижение целого и постижение единичного – следуют друг за другом, а не совершаются одновременно.

Это кажущееся противоречие и было названо герменевтическим кругом. Аст определяет его следующим образом: “Тот факт, что я могу познать a , b , c и т.д. только через A , а это A в свою очередь только через a , b , c и т.д., представляет собой замкнутый круг, если A и a , b , c мыслятся как противопоставленные сущности, которые взаимно обусловлены и предполагают друг друга, а их единство невозможно распознать” [Ast, 1808: 180]. Аст боится здесь “круга”, который возникает из того, что оба акта: постижение целого и постижение единичного – следуют друг за другом, а не совершаются одновременно. Аст решает эту проблему просто. Любая часть целого одновременно есть образ этого целого; целое дано нам в каждой его части, и нет нужды познавать его каким-то иным способом. “ A не происходит от a , b , c и т.д., не состоит из них, а предшествует им, в равной мере пронизывая их всех; следовательно a , b , c – не что иное, как индивидуальные представления единственного A ; a , b , c изначально содержатся в A ; эти элементы – частные проявления единственного A , которое, таким образом, содержится в каждом элементе особым способом, и мне не нужно сначала перебрать бесконечный ряд частных инстанций, чтобы обнаружить их единство.

Только таким образом возможно познание частного через целое, и наоборот, целого через частное, ибо и то и другое даны вместе в каждой частности; и чем дальше я

преуспеваю в познании частного, переходя от а к b, с и т.д., тем более явным и очевидным становится для меня дух целого, которая зародилась во мне еще при рассмотрении первого элемента этого ряда" [Ast, 1808: 180-181].⁷

При таком подходе круг фактически исчезает: если в частном содержится целое, если каждая частность понимается как "особая, являющаяся нам форма единого духа", то снимается само противоречие - как возможно познание целого, если оно зависит от частных, которые в свою очередь получают свой смысл только через связь с целым.

Следуя за Астом, Шлейермахер также подробно останавливается на проблеме герменевтического круга, рассматривая его как факт, не требующий доказательств: "Предложенный и развернутый г. Астом герменевтический принцип, заключающийся в том, что так же, как целое понимается из частного, так и частное может быть понято только исходя из целого, имеет для этого искусства такое значение и так неоспорим, что уже первые операции невозможно совершить без их применения, поскольку именно он лежит в основании большинства правил герменевтики" (НК 141).

Шлейермахер не ведет с Астом явной полемики, но скрытое несогласие несомненно присутствует в его подходе к этой сложной проблеме. Так, он очевидно, не разделяет идеи Аста о том, что в каждой частности содержится образ целого, а утверждает только то, что "всякая частная вещь может быть понята только через целое и, следо-

⁷ Г.Шпет комментирует это так: "Аст (...) сосредоточивается на мнимом затруднении, которое открывает и которое он легко устраняет" [Шпет, 1990 :234].

вательно, всякое объяснение частного заранее предполагает понимание целого" (НК141).

Эта же мысль неоднократно повторяется не только как абстрактное положение, но и применительно к практике толкования: "Сокровище языка и история эпохи, к которой принадлежит автор, представляют собой целое, с помощью которого его произведения должны быть поняты как частное, а то целое, о котором говорилось, в свою очередь из этого частного" (HF95). "Также и внутри отдельного произведения частное может быть понято только из целого" (HF97).

Здесь возникает та же проблема, что и у Аста: всякий отдельный предмет предполагает знание целого, которое, в свою очередь состоит из тех же отдельных предметов. Однако интересным представляется тот факт, что Шлейермахер говорит, как правило, не о "круге", а об "основном принципе". Во введении к лекциям и в речи в Академии наук понятие "круг" употребляется обычно только в связи со словами "scheinbar", "scheint". "Совершенное знание всегда заключено в этом кажущемся круге, так что всякое особенное может быть понято только из общего, частью которого оно является и наоборот. И всякое знание является научным лишь в том случае, если оно достигнуто таким путем" (HF 95), (см. также: HF 97).

Отсюда можно заключить, что отношение между пониманием целого и частного Шлейермахер понимает не как противоречие, а, скорее, как элементарное основное правило, на которое опирается герменевтический метод: толкователь непрерывно движется от целого к части (и наобо-

рот), уточняя с помощью этой операции свое понимание текста. На практике такая герменевтическая рефлексия бесконечна, однако в идеале это движение прекращается, если толкователю удастся полностью проникнуть в смысл произведения, так, чтобы между его интерпретацией и смыслом произведения уже не осталось ничего непонятого. В этом случае он повторит - в обратном порядке - творческий акт автора произведения, и тогда каждое слово автора, любой его стилистический оборот будут восприниматься им в том же самом множестве оттенков, какое вложил сюда их творец.

Итак, Шлейермахер понимает взаимное отношение частного и целого как основополагающее правило герменевтики, однако для него это - мнимое противоречие, которое не является серьезным препятствием для толкователя. Он объясняет, как это главное правило должно применяться в практике толкования - для этого вводится понятие "курсорное чтение" (*kursorische Lesung*). Чтобы начать движение в герменевтическом круге, исследователь должен отталкиваться в своих рассуждениях от некоторой исходной точки. Таким отправным моментом и служит "курсорное чтение". "Следует (...) уже в самом начале схватывать связь. Единственно возможное решение дает курсорное чтение" (НК 56). "Даже в границах одного произведения частное можно понять только исходя из целого; вот почему беглое чтение, позволяющее получить общее представление о целом, должно предшествовать более точному толкованию" (НФ 97).

Суть этой идеи состоит в следующем: читая отрывок текста и, желая понять смысл этого отрывка, толкователь

исходит из определенной гипотезы относительно смысла отдельных слов и выражений, он как бы интуитивно "угадывает" их значение. Читая следующий отрывок произведения, исследователь корректирует свое первое, предварительное понимание, создавая тем самым некоторое новое, более адекватное предвосхищение смысла целого. И так продолжается в течение всей его работы над произведением. С одной стороны, толкователь движется от целого, от интуитивно понятого смысла к пониманию отдельных частей, с другой стороны, он корректирует общий смысл, исходя из анализа этих частей. Шлейермахер указывает на то, что "всякое понимание должно начинаться как предчувствие целого" (НК 144). Следует отметить также, что в связи с проблемой "круга" используются понятия "Ahndung" или "Erahnden", а не "Divination".

Герменевтический круг для Шлейермахера не столько трудная теоретическая задача, сколько простой методический прием исследовательской практики. Для него важно, прежде всего, то, что понимание частного возможно только исходя из всего контекста в целом. Задачей герменевтики является понимание не только отдельных слов и выражений, но и того места, которое они занимают в структуре целого (в языковом контексте и в контексте индивидуальности и жизненной ситуации автора). Хотя такая интерпретация проблемы круга и может показаться упрощенной, учитывая последующую разработку этого вопроса у Дильтея, Хайдеггера и Гадамера, тем не менее, она подтверждается всем ходом рассуждений Шлейермахера.

С нашей точки зрения, герменевтический круг следует рассматривать в отношении к той важной роли, которую

играет понятие контекста в концепции Шлейермахера. Каждый элемент текста должен быть понят только в составе целого, в связи со своим окружением; понимание смысла целого, в свою очередь, требует точного понимания всех его составляющих.

Антиномия "целое – часть" имеет свою специфику на каждом из уровней понимания текста. Так, на грамматическом уровне круг выражается в том, что значение слова тесно зависит от смысла всего предложения, в то же время, предложение как целое может быть понято только в том случае, если было понято значение составляющих его слов, такая же связь существует и между отдельным предложением и законченным произведением, между текстом и всем творчеством данного автора, между творчеством автора и всем литературным процессом в целом. Даже отдельные высказывания не являются исключением из главного герменевтического принципа – органической взаимосвязи части и целого, поскольку такие высказывания могут быть поняты "через ассоциацию читателя" (НК 91). Для психологической интерпретации эта антиномия выражается в отношениях между смыслом текста и индивидуальностью писателя и духом его времени.

М. Франк придерживается того мнения, что "фундаментальность и универсальность" герменевтического круга у Шлейермахера происходит из "взаимозависимости грамматического и психологического, объективного и субъективного аспектов" [Frank, 1977: 305]. Такая интерпретация круга не имеет особых оснований, если исходить из логики рассуждений Шлейермахера, поскольку он

говорит об отношении целого и частного и на грамматическом, и на психологическом уровне понимания.

Важно также отметить, что "scheinbarer Zirkel" действителен только тогда, когда речь идет непосредственно о самом тексте, но не связан с отношением между текстом и толкователем: взаимозависимость части и целого проявляется при анализе внутритекстовых связей (между словом и предложением, предложением и целым текстом, индивидуальностью автора и его эпохой). Сложные отношения, возникающие между текстом и рецепиентом, которые стали таким важным аспектом изучения в позднейших интерпретациях "герменевтического круга", еще не играет у Шлейермахера какой-либо существенной роли. Не видя в этом принципиальной проблемы, Шлейермахер просто говорит о том, что для понимания произведения толкователь должен "стать равным" автору: "До того, как применить искусство истолкования, следует с объективной и субъективной стороны стать равным автору. С объективной стороны - в результате знания языка (...). С субъективной стороны - в результате познания внутренней и внешней жизни автора" (HF 94). Максимально приблизиться к автору, воспринять его как своего современника - необходимое предварительное условие понимания. В дальнейшем это понимание может и должно уточняться. При этом необходимо помнить о том, что "операция уравнивания не может полностью предшествовать истолкованию, что она совершается только вместе с истолкованием и в процессе его" (HF 95).

Герменевтика помогает повторить творческий акт создателя текста. Но если в творчестве создателя бессознательное начало преобладало над сознательным, то в твор-

честве толкователя сознательное должно преобладать над бессознательным. Это и дает возможность Шлейермахеру считать, что герменевтическое искусство позволяет толкователю понять автора лучше, чем он понимал сам себя: "Задачу понимания можно выразить и таким образом: понять речь сначала так же хорошо, а затем лучше, чем ее инициатор" (НК 92). При этом предметом герменевтики в первую очередь является то, что творится автором бессознательно, т.е. аспект выражения, а не содержания.

2.3. Понимание как толкование

Уже в своих ранних набросках 1805 года Шлейермахер выступает против обычной практики включать в область компетенции герменевтики не только "subtilitas intelligendi" [тонкость понимания], но и "subtilitas explicandi" [тонкость объяснения]: "Собственно говоря, к герменевтике относится только то, что Эрнести называет subtilitas intelligendi. Ибо subtilitas explicandi, поскольку оно есть нечто большее, чем внешняя сторона понимания, так же является объектом герменевтики и относится к искусству изложения" (НК 31). Во введении к лекции 1819 года он также пишет, что герменевтика - "только искусство понимания, но не изложения понятого" (HF75). В специальных герменевтиках "понимание" и "объяснение" были так тесно связаны между собой из-за установки на толкование только "темных мест", т.е. таких, понимание которых было невозможно без одновременного подробного объяснения. У Шлейермахера речь идет, прежде всего, о понимании, и вопрос об изложении понятого для него вторичен. В своих докладах 1829 года

Шлейермахер критикует Аста за различие понимания и истолкования как раскрытия (Entwicklung) понимания. Тогда как по Шлейермахеру все дело сводится к разнице между речью внутренней и громкой: "Толкование отличается от понимания исключительно лишь в том смысле, в каком звучащая речь отличается от внутренней" (НК 154), так как раскрытие здесь - не что иное, как изображение генезиса понимания, сообщение о том, как мы приходим к пониманию. Оно, следовательно, ничего не привносит к пониманию, - разве только "применение общих правил красноречия" [Schleiermacher, 1835: 382-383].

При изучении теории Шлейермахера необходимо учитывать, что "толкование" в его терминологии синонимично не "изложению", а "пониманию". Толкование и понимание выступают у Шлейермахера в одном и том же контексте: например, герменевтика определяется как "искусство понимания" (НФ 80) и тут же говорится о том, что "толкование - это искусство" и о том, что "не всякая речь является предметом искусства толкования в одинаковой степени" (НФ 82). Эти понятия не стоят даже в отношении рода и вида: "я охватываю, - говорит Шлейермахер, - под этим выражением [Auslegen - Е.Ж.] всякое понимание чужой речи" (НФ 82). Шпет полемизирует с этим в том смысле, что понимание логически всегда предшествует толкованию, "истолкование начинается как раз с того момента, где кончается понимание" (НФ 80). Идентификация понимания и толкования связана, во-первых, с представлением о понимании как о самостоятельной конструктивной деятельности, а, во вторых, с требованием по-

нимать каждое слово и выражение, исходя из контекста, а это значит – истолковывать его.

2.4. Понимание как “конструирование”

Шлейермахер часто определяет понимание как “конструирование”: “Конструкцию следует выводить из всего наличествующего запаса языка, общего для писателя и читателя, и только в нем следует находить возможности интерпретации” (НК 57).

“(…) я не понимаю ничего, (…) что не могу конструировать” (НК 31).

“Толкование есть искусство. (…) Ибо конструкция есть всегда процесс создания конечной определенности из бесконечной неопределенности” (НФ 80).

Конструированию подлежит смысл предложения, речи или текста, причем имеется в виду смысл, заложенный самим автором в свой текст, т.е. речь идет о реконструкции первоначального авторского замысла. Поэтому Шлейермахер говорит о Nach- und Rekonstruktion: ход авторской мысли конструируется в обратном порядке – происходит реконструкция: “… Каждый акт понимания есть обращенный акт речи…” (НФ 76). Поскольку для Шлейермахера, как и для других романтиков, речь, всякое высказывание есть продукт творческой деятельности субъекта, само понимание также оказывается продуктивным творческим актом.

Шлейермахер выдвигает следующую “позитивную формулу” герменевтики: “Искусство может вырабатывать свои правила только на основании позитивной формулы, а эта последняя есть историческая и дивинаторная (профетиче-

ская), объективная и субъективная реконструкция (Nachkonstruieren) наличной речи" (НК 83). Объективно историческое реконструирование означает понимание речи в целостности языка, а заключенного в ней знания как продукта языка. Объективно дивинационное реконструирование означает понимание того, как сама речь становится "местом развития языка", т.е. его индивидуальной конкретизации. Взаимосвязь субъективного момента реконструирования с историческим и дивинационным Шлейермахер разъясняет следующим образом: субъективно исторически означает знать, каким образом речь дана как факт в душе; субъективно дивинационно означает предчувствовать, как содержащиеся в ней мысли будут дальше развиваться и воздействовать на говорящего (НГ 94). Здесь необходимо помнить о некоторой терминологической путанице: в этом месте Шлейермахер говорит об исторической и дивинационной реконструкции речи, в других местах (НК 136, 148) методы реконструкции описываются как сравнительный и дивинационный. В этом отрывке обращает на себя внимание сложная взаимосвязь между четырьмя определениями реконструирования речи. Объективная сторона реконструирования относится к интерпретации языка, субъективная – к интерпретации личности автора. Важно то, что между объективной (грамматической) и субъективной (психологической) интерпретацией с одной стороны и сравнительным и дивинационным методами с другой возникают не симметричные отношения (грамматическая интерпретация проводится по сравнительному методу, а психологическая по дивинационному), а перекрестные: объективное реконструирование координируется им не только со сравнитель-

ным, но и с дивинационным; соответственно и субъективное – не только с дивинационным, но и со сравнительным.

Шлейермахер подчеркивает, что оба метода – дивинационный и сравнительный – применимы для каждого из двух моментов интерпретации – и для грамматической и для психологической. Для грамматической интерпретации дивинационный метод наряду со сравнительным особенно требуется тогда, когда сравнение с другими значениями слов или смыслом предложений не дает желаемого результата. А для психологической интерпретации сравнительный метод также необходим, как и дивинаторный (НК 138).

Дивинационный метод заключается в том, что исследователь сам “как бы превращается в другого” (автора), “пытается постигнуть индивидуальное непосредственно”, тогда как при сравнительном методе то, что должно быть понято, сначала полагается как общее, в котором затем выделяется своеобразное (*Das Eigentümliche*) в результате сравнения его с другими частностями в рамках того же общего. Шлейермахер подчеркивает неразрывную связь обоих методов реконструирования: дивинация “приобретает уверенность” только в результате “подтверждающего сравнения”. Сравнительный же метод не гарантирует единство общего и частного. Только в результате дивинации общее и отдельное “проникают друг в друга” (НК 137).

Понимание для Шлейермахера не сводится к рациональной сфере, к логическим операциям и анализу. Оно во многом инаучно и подобно скорее художественному творчеству, чем научному исследованию. Понимание составляет единство двух начал. Это, во-первых, интуитивное постижение предмета, его “схватывание” как целого и, во-

вторых, на основе непосредственного понимания, вслед за ним возникает истолкование. В процессе интерпретации непосредственное, интуитивное понимание оформляется и рационализируется.

2.5. Язык и мышление

Как и его современники – Гаманн, Гердер, Гумбольдт – Шлейермахер уделяет большое внимание вопросу о связи языка и мышления, рассматривая эту проблему в герменевтическом аспекте.

Философия языка XVIII века основательно разработала положение о взаимном влиянии языка и мышления. В этот “эволюционно настроенный век” [Шпет, 1990: 222] проблема языка и мышления рассматривалась в связи с проблемой происхождения языка. Однако факт взаимосвязи мысли и языка признавался, безусловно, независимо от (того, насколько радикально решался вопрос) решения вопроса о божественном или человеческом происхождении языка. Гаманн отстаивает теорию божественного происхождения языка, он утверждает, что в только что созданном богом мире “все, чему только вначале внимал человек, все, что он видел, созерцал, осязал, было словом, потому что Бог бе слово. С этим словом на устах и в сердце возникновение языка было настолько же естественно, доступно и легко, как детская игра” [Кожевников, 1897: 729].⁸ Га-

⁸ Похожая романтическая ностальгия по “золотому веку” языкотворчества, когда ничто не отделяло только что созданное слово от вызвавшего его представления, звучит в высказываниях Потебни: “...в то время, когда слово было не пустым знаком, а еще свежим результатом апперцепций, ... наполнявших человека... радостным чувством творчества – в то время гораздо живее чувствовалась законность слова и его связь с самим предметом” [Потебня, 1976: 173]. Эту же

манн решает вопрос следующим образом: "Происхождение человеческого языка было божественным, его продолжение – человеческим" [Hamann, 1921: 214]. Основной философский вопрос для Гаманна заключался не в том, что такое разум, а что такое язык. В ответе на этот вопрос он думал найти "разрешение всех паралогизмов и антиномий разума" [Hamann, 1921: 226]. В противоположность узкому рационализму своей эпохи, Гаманн выступил со смелым положением: Разум не есть основная, первоначальная способность человека, она продукт языка: "разум есть язык", "язык – орган и критерий мысли", "самый разум есть язык, логос". "У меня, – говорит он идет речь не о физике и о теологии, а о языке, отце разума и откровения" [Hamann, 1921: 216–217]. Следуя за Гаманном, Гердер в "Фрагментах о новой немецкой литературе" начинает с проблем языка, в которых он ищет ответа на вопрос о сущности и происхождении поэзии. Гердер рассматривает язык как неотъемлемое свойство человеческого сознания и подходит к нему исторически, утверждая, что "язык имеет человеческую природу" [Гердер, 1959: 147]. Язык, по Гердеру, не есть механическое орудие литературного творчества: это форма всякой человеческой мысли, определяющая в известном смысле самое ее содержание и в то же время определяемое им. Сама мысль, подлежащая выражению, приобретает все более определенные очертания по мере того, как она воплощается в конкретных языковых ходах.⁹ "Язык – это обширная область ставших видимыми

идею выразительно развивает Шкловский в своей ранней работе "Воскрешение слова" (1914): "Древнейшим поэтическим творчеством человека было творчество слов. Сейчас слова мертвы, и язык подобен кладбищу, но только что рожденное слово было живо образно..."

⁹ В связи с этим можно вспомнить слова Л.С. Выготского, который с

мыслей” [Гердер, 1959: 150]. Границы человеческого мышления определяются языком: Поэтому теория познания должна опираться на изучение языка, – указание, которое Гердер впоследствии выдвинет в “Метакритике”, выступая против “Критики чистого разума” Канта [Herder, 1957, 238]. Таким образом, проблема понимания ставится в непосредственную связь с языком. Становление мысли невозможно без языка, а, следовательно, понять дух и мысль можно только через их языковое выражение.

Представление о том, что всякая мысль нераздельно связана с языковой формой, в особенности характерно для романтического языкознания, где мышление понимается как духовный мир, неотделимый от строя языка, исторического опыта народа и жизненного опыта отдельной личности. Смысл всегда предстает перед нами воплощенным в языковом материале, однако, и языковой материал не существует без мысли, т.е. без активной установки на понимание.

Шлейермахер также защищает классический тезис о единстве языка и мышления. Мышление всегда связано с определенной языковой формой и может реализовываться только в ней: “Речь и мышление (...) собственно говоря, тождественны”, “Язык есть способ, с помощью которого мысль становится действительной, ибо нет мысли без речи. Произнесение слов обусловлено всего лишь присутствием другого и в этом смысле является случайным. Но никто не может думать без слов” (HF 77).

При этом он особо подчеркивает стремление мышления к тому, чтобы быть выраженным: “Всякое мышление есть

афористической отчетливостью выразил проблему соотношения мысли и слова: “Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражает-

внутренний язык, и эта речь является медиумом, ибо внутренняя речь стремится к выражению" [Schleiermacher, 1981: 21].

Отношение языка и мышления понимаются как корреляция "экстенсивного" и "интенсивного" моментов: "Говорение есть распространение: так и потребностью языка является превращение интенсивного в экстенсивное" (НК 37). Язык выполняет не только функцию чистого выражения, но и содержит в себе интенсивный момент, требующий выражения. Языковая форма эксплицирует скрытое внутри языка, благодаря этому происходит осознание мысли через герменевтическую функцию языка, мышление становится самим собой, только переходя в язык.

То, что можно понять - это эксплицированная в языке мысль. Для того, чтобы понять, необходимо сделать осознанным, "какая мысль лежит в основе речи" (НК 36). Мысль - это не простая данность, своим происхождением она обязана личности. Мышление несет в себе отпечаток индивидуальности, которая выражает себя в индивидуальном речевом акте. Это значит, что для постижения мысли необходимо понять индивида. Чтобы понять мысль, нужно открыть ее исток в намерениях говорящего или пишущего автора.

Главная трудность, но и главная позитивная задача при анализе языкового смысла состоит в том, чтобы не упустить из виду обе противоположные силы, на пересечении которых он возникает и развивается: с одной стороны, открытость и подвижность смысла, с другой - его воплощенность в конкретном языковом материале.

2.6. Грамматическая и психологическая интерпретация

Герменевтика Шлейермахера имеет единственную цель: раскрытие смысла. К достижению этой цели толкователь движется двумя путями. Толкование всякого языкового выражения имеет два момента: интерпретация может быть грамматической и психологической. Х.Бирус указывает на эту дихотомию как на основную "принцип организации герменевтической теории Шлейермахера" [Birus, 1982: 31]. Шлейермахер обосновывает это разделение следующим образом: "Каждый человек, с одной стороны, есть некая точка, в которой данный язык подвергается определенному преобразованию, и речь этого человека можно понять, только принимая во внимание тотальность языка. Но вместе с тем он есть и постоянно развивающийся дух, и его речь - это лишь одно из проявлений этого в связи со всем другим" (HF 78).

Поэтому "Все понимание состоит из двух моментов: понимание речи вне языка или как факт мыслящего духа" (HF 77).

Грамматическая интерпретация видит в речи "способ, с помощью которого язык являет себя во всем своеобразии его природы" (HF 78) и стремится найти "своеобразие" речи из языка в целом и то специфическое применение, которое дал ему автор.

Психологическая интерпретация рассматривает речь "как момент жизни говорящего" (HF 78) и стремится понять мысль, лежащую в основе речи и интерпретировать ее исходя из биографии автора и оказанных на него различных влияний.

Каждое произведение должно рассматриваться в двух аспектах: исходя из своих языковых характеристик и из индивидуального мировоззрения автора, причем всякое толкование, учитывающее только одну сторону, будет ущербным. Эти две стороны интерпретации различаются только методически, но практически они должны применяться всегда вместе: "Понимание - это лишь взаимопроникновение этих двух моментов" (НК 81). Нельзя ограничить толкование одним из этих моментов, поскольку для этого требуется или совершенное знание языка или совершенное знание человека, что само по себе недостижимо.

Глубокая внутренняя связь двух сторон интерпретации состоит в том, что для Шлейермахера всякое языковое выражение имеет единый смысл, который должен быть установлен при помощи различных методов. Здесь его теория вступает в противоречие с практикой библейской экзегетики, согласно которой Писание имеет несколько смыслов: буквальный, аллегорический, тропологический, аналогический. В этом смысле и нужно понимать следующий пассаж: "Абсолютное решение задачи требует, чтобы каждая сторона рассматривалась сама по себе, чтобы рассмотрение другой не вызывало изменения в результатах или, чтобы каждая сторона, рассмотренная сама по себе, полностью заменяла другую сторону" (НФ 80).

Два метода интерпретации для Шлейермахера это не две последовательные ступени анализа, а самостоятельные моменты интерпретации, одно другому не подчинено, одно к другому не сводится: "Обе абсолютно равны, и было бы несправедливо считать грамматическую интерпретацию низшей, а психологическую высшей. (...) Психологическая

интерпретация является высшей, если рассматривать язык только как средство, с помощью которого отдельный человек передает свои мысли. (...) Грамматическая будет высшей, если язык рассматривать как нечто такое, что обуславливает мышление всех индивидов, а отдельного человека лишь как пространство действия языка, и речь его как то, в чем открывает себя язык." (НФ 79).

Психологическая и грамматическая интерпретация уточняют и дополняют друг друга, между ними существуют те же кругообразные отношения, что и между другими антиномическими парами: внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, индивидуального и общего.¹⁰

Оба момента равноправны, хотя могут использоваться "в различной степени по мере различия в предмете" (НК 139). Так, для исторических текстов, основной характеристикой которых является "Объективность предмета" (НФ 84), психологическая интерпретация не представляет особого интереса, в то время как при понимании лирических произведений требуется "максимум психологического толкования" (НФ 84).

Всякое языковое произведение требует "исторического понимания", которое необходимо как при грамматическом истолковании (должна учитываться история языка, изменение значения языковых элементов), так и при психологическом (история культуры, мировоззрение эпохи, жизнен-

¹⁰ В этой связи можно упомянуть о термине "психопоэтика", который вводит Е.Г.Эткинд в книге "Внутренний человек" и внешняя речь: Очерки психопоэтики русской литературы XVIII-XIX вв." [Эткинд, 1998: 12] По мнению Е.Г.Эткинда, "психопоэтика" - область филологии, исследующая соотношение "мысль-слово", понятое как "вербализация" всей внутренней жизни человека. По существу, герменевтика Шлейермахера исходит из той же установки на понимание "внутреннего человека" и "внешней речи", где понимание одного

ный опыт автора, индивидуальные особенности его восприятия действительности). "Нужно знать человека, чтобы понять его речь, однако, однако узнать человека можно только по его речи" (НК 44).

2.7. Грамматическая интерпретация

Грамматическую интерпретацию Шлейермахер определяет следующим образом: "Она есть искусство нахождения определенного смысла данной речи, исходя из языка и с помощью языка" (НК 37).

Следует отметить, что грамматическое понимание предполагает не только "грамматику" в строго лингвистическом смысле, но понимается также широко - как буквальная, дословная интерпретация.

Подробное изложение грамматической интерпретации мы находим в "Компендиумном изложении 1819 года" (НФ 101-166). Здесь выделяется два главных "канона". В этих двух канонах "содержится вся грамматическая интерпретация" (НФ 116), все остальные правила исходят из этих двух, которые, по указанию Сзонди [Szondi, 1975: 173], использовались уже в античной герменевтике. "Первый канон: Все, что в данной речи еще требует более точного определения, позволительно определять лишь исходя из области языковых значений, общих для автора и его первичной публики (НФ 101).

"Второй канон. Смысл каждого слова на данном ему месте следует определять, принимая во внимание его событие с теми словами, которые его окружают (НФ 116).

Цель грамматической интерпретации, как следует из этих правил, – определение смысла слова, предложения и всей речи, исходя из их связи с более широким контекстом. Роль контекста, целого, при понимании отдельных элементов, частей, является принципиальной для Шлейермахера. Поэтому в качестве основной сематической единицы выступает не столько слово, сколько предложение: “Предложение как единство есть мельчайший элемент для понимания и непонимания” (HF 98).

Шлейермахер говорит о языковом и локальном значении словам (“Sprachwert” и “Lokalwert”) (HF 34): Sprachwert обозначает все возможные способы употребления слова, а Lokalwert – актуальное значение данного слова в конкретном языковом окружении. То же самое относится и к предложению: “Если разложить речь на составляющие ее части, то каждая отдельная окажется чем-то неопределенным. Итак, каждое отдельное предложение, вырванное из всей взаимосвязи, должно быть неопределенностью” (HF 101). Такой акцент на контекстуальной соотнесенности языковых элементов логически вытекает из общего понимания динамической природы языковых явлений, из понимания индивидуального характера, открытости и подвижности языкового опыта.

Первый канон имеет отношение к системе языка, к языковому контексту, из которого должен быть понят каждый элемент текста, к той “области”, которая объединяет автора и читателей. Второй канон направлен не на систему языка как целое, а на определение смысла языкового выражения, исходя из ближайшего контекста. В связи с этим П.Сцонди выдвигает тезис о том, что в этом пункте

Шлейермахер предвосхитил такие понятия сосюрвской лингвистики как *langue* и *parole*, парадигматические и синтагматические отношения. В ранних афоризмах Шлейермахер называет эти правила "двумя видами определения": "Есть два вида определения, исключение из взаимосвязанного целого и тетическое из непосредственной связи" (НК 42). Сзонди комментирует это высказывание следующим образом: "Исключение есть метод в рамках парадигматического отношения, когда как бы экспериментальным путем выясняется, какие слова с тем же значением могли бы быть поставлены на место слов, подлежащих определению, а какие нет. В отличие от этого, синтагма способна использовать отношение, в которое подлежащее определению слово вступает с другими, известными словами внутри самого предложения для нахождения позитивного, тетического определения" [Szondi, 1975: 174].

Эта оппозиция "общей" и "непосредственной" связи элементов уточняется другой парой понятий: "определение из непосредственной связи" и из "параллельных мест". Трудности, возникающие при рассмотрении синтагматических отношений могут быть устранены "тетически", через взаимное объяснение отдельных частей предложения. В отношении парадигматических связей используются "параллельные места", т.е. принцип аналогии или "родственного отношения понятий" (НФ 143). Поиск "параллельных мест", согласно первому канону, должен производиться, исходя из языковой области автора, "его времени, его образования, его занятия, а также из его диалекта" (НФ 101). Важным аспектом для практики толкования является также и языковая область читателей. Не-

обходимо учитывать, во-первых, "что автор не всегда принимает во внимание всю свою публику, тем более, что она и сама не равна самой себе", и, во-вторых, "писатели часто пользуются выражениями, которые не входят в область языковых значений их читателей" (НФ 102). Кроме того, автор может создавать выражения, которые будут совершенно новыми для читателя. Из этого Шлейермахер делает герменевтический вывод, что учитываться должно и историческое развитие языка (НФ 104).

Герменевтика Просвещения (библейская и классическая) всегда исходила из некоторой общей для всех носителей языка нормы, согласно которой рассматривалось толкуемое произведение. Заслуга Шлейермахера в том, что он обратил внимание на индивидуальный аспект того высказывания, которое подлежит интерпретации. Истинный смысл каждого слова, предложения или всего текста – это тот смысл, который, сознательно или бессознательно, вложил в них сам автор. От понимания внешней формы толкователь движется к пониманию замысла автора и его личности.

Значительное место уделяется отношению индивидуального речевого акта к языковой системе. Здесь для Шлейермахера важен тезис об индивидуализации и развитии языка через дух отдельного автора. Поскольку каждый человек обладает своеобразным, только ему присущим стилем, то при употреблении тех или иных элементов автор каждый раз по-новому их связывает или придает им новое значение. Эти новшества входят в языковую систему; индивидуальное словоупотребление и мировоззрение личности включается в мировоззрение определенного языкового кол-

лектива и систему конкретного языка. Эта открытость языка к влиянию со стороны отдельного индивидуума приводит к постоянному обновлению всей системы, которая представляет собой не застывший объект, а живой организм.

В основе герменевтики Шлейермахера лежит не логический язык понятий, а естественный язык, который несет в себе следы индивидуальных воззрений отдельного говорящего. Поскольку языковое употребление всегда индивидуально, оно не может быть понято исключительно при помощи общей лингвистики. Комбинирование языковых элементов не пассивный, а активный творческий акт отдельного индивидуума, который "противостоит" всеобщности языка. Поэтому задачей грамматической интерпретации является прежде всего, понимание особенностей индивидуального словоупотребления: "Грамматически. Объект есть язык не в качестве общего понятия и не в качестве соединения прикладных частных, а индивидуальный язык (НК 114).

2.8. Определение значения слова

Чтобы определить значение, которое автор вложил в слово, нужно, по мнению Шлейермахера, исходить из того, что все частные употребления слова имеют некоторый общий базис, на который опирается понимание индивидуально измененного значения. Шлейермахер обозначает его как единство значения слова (*Einheit der Wortbedeutung*) (НК 60, 62), понимая под этим первоначальное единство слова, в котором содержится множество конкретных употреблений этого слова в речи. Такое единство - исходный момент для понимания всякого отдельного элемента рече-

вого высказывания. Единство слова как необходимое условие для понимания образуется в сознании говорящего с помощью индуктивных методов "аналогии" и "сравнения"; однако дивинация также может присутствовать в этом процессе. Для Шлейермахера это "самая сложная операция и она является основой всех остальных" (НК 61). Полученное в ходе этих операций единство рассматривается как не имеющее четких границ поле, которое однако, составляет в сознании говорящего и воспринимающего субъекта некоторое целое (НК 63).

Сквозная для герменевтики антиномия общего и частного проявляется здесь как антиномия "единства слова" и индивидуального употребления. Неразрывная связь всеобщего и индивидуального в естественном языке определяет весь процесс грамматической интерпретации. Частное значение при своем возникновении зависит от общей сферы значений данного слова, а та, в свою очередь, образуется и расширяется за счет многообразия индивидуального словоупотребления. Единство слова не может быть выражено в речи, поскольку оно есть неопределенно-общая совокупность всех значений данного слова. Единство слова как целое всегда присутствует в сознании говорящего, но в языковой ситуации оно всегда реализуется как индивидуально дифференцированное частное значение (НК 61).¹¹

Смысл герменевтической операции заключается в том, чтобы из индивидуального контекста определить значение

¹¹ В этой связи можно вспомнить теорию актуализации Ш. Балли [Балли, 1957], призванную, по мысли автора, объяснить бесконечную пластичность условий употребления, в которые способна включаться одна и та же языковая единица. Согласно Балли, языковая деятельность осуществляется в виде постоянных перенесений языковых единиц из "виртуального" плана в "актуальный", в котором они действуют в индивидуализированных условиях употребления.

слова, учитывая при этом его отношение ко всей языковой системе. Языковое целое, как и индивидуальность говорящего – открытые системы, находящиеся в процессе постоянного становления: “Язык – бесконечен, ибо каждый элемент определяется через все другие особым образом. (...) Всякое созерцание индивидуального как такового является бесконечным” (НК 82). Границы языка размыты и нечетки (Шлейермахер говорит о нечеткости границ языка (Unschärfe) как о свойстве, которое определяет жизнь и функционирование языка), поэтому попытка заключить все многообразие языка в жесткую схему ведет к омертвлению языка (НК 59).

Бесконечное языковое целое и неисчерпаемая глубина отдельной личности взаимно ограничивают друг друга, создавая конструкцию произведения. Областью пересечения этих двух неопределенных сфер (языка и автора) является конкретный речевой акт. Именно он и есть объект герменевтического анализа. Понимание, реконструкция смысла определенного слова возможна только в том случае, если учитываются контекстуальные отношения двух видов. Слово должно быть понято из индивидуального контекста (что соответствует синтагматическим отношениям в современной терминологии) и из общего языкового контекста, под которым понимается вся структура значений данного слова, как она существует в системе языка (парадигматический аспект). В связи с объемом общей сферы значений Шлейермахер указывает на следующую трудность: “Чем больше объем единства, тем труднее выявить частную ограниченную область употребления” (НК 65), в этом случае наиболее важное значение при определении смысла приобретает

контекст. Слово и контекст, также как слово и единство взаимно определяют и уточняют друг друга. Кругообразные отношения части и целого существуют как между словом и его конкретным употреблением, так и между словом и общей сферой его значений.

Многозначность слова объясняется тем, что естественный язык представляет собой открытую и динамическую систему, а не рационально установленную иерархию знаков. Явления синонимии и многозначности слова – следствие различного восприятия действительности и того, что язык представляет собой открытую систему, которая вбирает в себя все многообразие индивидуальных выразительных средств. Индивидуальный речевой акт вводит в систему языка субъективно измененное значение (НК 58).

Многозначность возникает, когда индивидуальное употребление переходит во всеобщее. Особенно заметно этот процесс осуществляется при образном или метафорическом употреблении слова. “Тропеическими значениями являются только те, которые, субъективно возникнув из данного определенного образа, становятся объективными” (НК 40).

Способность языка к образованию тропов свидетельствует о динамической природе языковых явлений. Когда индивидуум использует метафору для обозначения нового понятия, он тем самым расширяет общую для всех носителей языка область значений. Способность языковых единиц к метафоризации является источником развития языка и вместе с тем источником непонимания, которое и должно быть устранено с помощью герменевтического метода.

Кроме главной антиномии языковой системы и индивидуального употребления Шлейермахер выделяет еще целый ряд оппозиций, с помощью которых может быть определен смысл текста.

Шлейермахер различает в предложении формальный и материальный элементы (HF 116). Эта оппозиция соответствует синтаксическому и семантическому аспектам предложения. Когда толкователь говорит о материальных элементах, то речь идет о семантическом компоненте этих элементов. При анализе формальных элементов речь идет о структурных связях между частями предложения или отдельными предложениями.

При определении смысла отдельного языкового элемента относительно его контекста во внимание должно приниматься не только значение этого элемента, но и его место в структуре целого, и логическая связь с другими элементами предложения. Шлейермахер ставит вопрос, "является ли справедливым принцип единства значения также для формального элемента, для структуры" (НК 60). Т. е. можно ли все многообразие отдельных способов связывания элементов заключить в набор общих синтаксических схем. Синтаксис представляет собой языковые связи, которые отражают отношения, существующие в живой, бесконечно меняющейся действительности.

Также как и любая языковая форма, всякая синтаксическая структура должна быть понята не только из общих синтаксических правил, но, прежде всего из особенностей авторского восприятия действительности. Индивидуум каждый раз заново творчески комбинирует элементы высказывания, однако, и здесь он ограничен общей для всех но-

сителей языка областью языковых значений, к которой каждое отдельное употребление как материального, так и формального элемента, относится как частное к общему. Синтаксическая форма, как и слово, определяется как из единства значения, так и из своего окружения (НК 61).

В разделе о грамматической интерпретации Шлейермахер разрабатывает основы общей теории синтаксиса. При определении связей между частями предложения и отдельными предложениями отправной точкой является простое предложение как исходная смысловая единица. Шлейермахер говорит о двусоставных (состоящих из субъекта и предиката) и трехсоставных (включающих еще и связку), а также о сочинительных и подчинительных связях, однородных и неоднородных предложениях, и, как всегда, основная мысль заключается в том, что синтаксические отношения могут быть поняты только "благодаря общему воздействию" всех аспектов предложения (НК 98).

В своем первом сочинении по герменевтике (1810-1819) в связи с пониманием формальных элементов устанавливаются два правила:

Формальный элемент определяется "через две его составляющие части" (НК 96), т.е. через союз и порядок слов, если речь идет о связи предложений, и через предлог и падеж, если речь идет о связях внутри предложения.

Смысл слова, предложения, текста возникает только из единства смысла формальных и материальных элементов: "Каждый элемент является условием для понимания другого" (НК 64).

Шлейермахер полагает, что при толковании смысла правильнее рассмотреть сначала формальные элементы, поскольку они дают общее представление о толкуемом высказывании, из которого затем следует определение смысла отдельных языковых элементов.

С понятием формального элемента связаны понятия "механической и органической связи" (НК 97). Органическая связь характеризуется как "innere Verschmelzung" предложений, механическая – как "äussere Aneinanderreihung". Механическая связь доминирует в "речи, направленной на объективные вещи" (НК 97), т.е. при объективном изображении предметов, фактов и событий. Органическая связь присуща субъективному изложению.

В синтаксическом аспекте механическая связь выражает отношения сочинения, органическая – подчинения. Правда, отношения сочинения и подчинения Шлейермахер понимает скорее логически, чем строго грамматически. Так, он указывает на предложения, вводимые временными союзами, как на содержащие механическую связь; временную связь событий он понимает как "внешнюю". Однако это разграничение относительно, поскольку в семантическом аспекте не существует исключительно механической связи, т.к. в каждом высказывании присутствует индивидуальность автора (НК 97).

При толковании как формальных, так и материальных элементов может возникнуть качественное или количественное непонимание (НК 104). Задача грамматической интерпретации состоит в том, чтобы повсюду устранять естественным образом возникающее непонимание – качест-

венное и количественное: "Избегать следует двух вещей, качественного непонимания и количественного" (НК 87).

Качественное непонимание основано на неправильном понимании значения слова. Это "Смещение одного места слова или формы с другим" (НК 160). Оно возникает, когда единство значений слова или синтаксической формы смешивается с другим или когда смещение происходит внутри одной сферы значений языкового элемента из-за особенностей индивидуального употребления. Шлейермахер приводит в пример случай, "если ирония воспринимается всерьез и наоборот" (НК 160).

Количественное непонимание направлено на "ударение и тон" языкового элемента. Такое непонимание заключается в том, что неправильно понята "степень значимости" (Grad der Bedeutsamkeit) того или иного элемента. Когда логическое ударение при понимании высказывания или текста ставится на какой-либо элемент ошибочно, когда, например, неверно понято отношение темы и ремы.

Уже в начале своих занятий герменевтикой в письме к Й.Кр.Гассу 1805 г. Шлейермахер подчеркивает, что "грамматическое истолкование" является односторонним и его следует дополнить "тем другим", которое "относится к искусству композиции и стиля так же, как первое к грамматике", т.е. психологическим истолкованием [Schleiermacher, 1852: 14].

2.9. Психологическая интерпретация

Психологическая интерпретация выдвигает на первый план субъективную сторону речевого акта. В психологической интерпретации "язык (...) является лишь как орган

человека, стоящий на службе его индивидуальности, в то время как там (в грамматической интерпретации – Е.Ж.) личность находится на службе у языка” (HF 160) Психологическое истолкование направлено на понимании индивидуальности автора и способа, каким он выражает свое отношение к действительности.

В психологическом исследовании по сравнению с грамматическим меняется только перспектива в рассмотрении языковых явлений. Речь идет не столько о психологическом портрете автора, сколько о том, как его индивидуальность проявляется в языке, какой способ автор для этого выбирает (HF 92). Именно это Шлейермахер называет пониманием стиля. Цель психологической интерпретации “совершенное понимание стиля” (HF 168). Такая постановка вопроса ставит психологическое истолкование в тесную связь с языком: “Мы привыкли под стилем понимать лишь характер пользования языком, однако мысль и язык постоянно переходят друг в друга и тот или иной характерный способ схватывать предмет мыслью, сказывается на расположении слов, переходя тем самым в сферу пользования языком” (HF 168).

Психологическое истолкование, направленное на понимание художественной формы произведения, в ранних набросках 1809 – 1810 гг. Шлейермахер называет “техническим”, “Компендиумном изложении 1819 г.” – “психологическим”, или “техническим”. Однако в речах о герменевтике, произнесенных в Берлинской академии наук в 1829 г. и в лекциях 1832 г. это истолкование “психологическим” с подразделением на чисто психологическую и техническую части: “Относительное противоречие

между чисто психологическим и техническим следует точнее понимать таким образом, что первое относится в большей степени к возникновению мыслей, рождающихся из совокупности моментов жизни индивида, второе же является больше возведением к определенным мыслям и способам их изложения" (НФ 181).

Толкование текста или высказывания в "чисто психологическом" аспекте направлено в первую очередь на исследование жизненных обстоятельств автора в момент зарождения идеи произведения, связь представлений и взглядов автора с образом его жизни и воспитанием, сюда же относятся и знания социокультурного и исторического контекста. В технической интерпретации речь идет, прежде всего, о способе, с помощью которого произведение как целое возникает из первоначального импульса, о той форме, которую мысли принимают в произведении. Сущность различия между обоими видами психологической интерпретации состоит в том, что "с чисто психологической стороны человек свободен, так что мы должны подходить к условиям его существования как к принципам его самоопределения, тогда как с другой, технической, стороны творец находится во власти формы, причем как в момент медитации, так и в момент решения композиционной задачи" (НФ 184).

В чисто психологической интерпретации речь рассматривается в отношении к жизненной ситуации автора. В технической интерпретации акцент ставится на "технэ", на форме, в которой выражается мировоззрение личности, на стиле как на своеобразном способе выражения творческой индивидуальности.

Всю психологическую интерпретацию Шлейермахер называет генетическим исследованием: т.е., чтобы понять своеобразие стиля того или иного текста (или высказывания) необходимо понять, как и по какой причине он возник (НФ 167). Психологическая интерпретация стремится, исходя из понимания первоначального импульса, который руководил автором, "понять основную мысль предложения в ее целостности и связать отдельные ее части с жизнью автора" (НФ 169). На основании общих выводов о замысле автора и его биографии и мировоззрения техническая интерпретация исследует "композицию" текста, своеобразный способ соединения мысли и формы, индивидуальный стиль.

Стиль автора Шлейермахер рассматривает как исходный пункт для определения внутреннего единства или идеи произведения. Только через композицию произведения, становится доступен его смысл. Поскольку всякая мысль приобретает отчетливые очертания лишь воплощаясь в языковой форме, понять своеобразие произведения можно только через анализ его формы. Реконструкция стиля – единственный способ, с помощью которого произведение может быть понято.

Для Шлейермахера всякое понимание есть, прежде всего, понимание языка. Цель психологической интерпретации – понять своеобразие использования автором языковых средств. Стиль – точка пересечения индивидуальности и языка, понимание стиля – ключ к пониманию и того, и другого.

Стиль представляет собой выражение единства авторской индивидуальности. И подобно единству слова, которое состоит из отдельных случаев употребления этого

слова в речи, стиль образуется из совокупности специально отобранных автором языковых средств (НК 108).

Для понимания стиля необходимо применять тот же герменевтический прием, что и в других случаях: предварительный обзор особенностей композиции произведения, подробный анализ индивидуальных особенностей употребления языковых средств (причем здесь непременно должна привлекаться грамматическая интерпретация), и затем следует общий вывод о своеобразии произведения в целом.

Стиль Шлейермахер понимает как индивидуальный стиль автора, причем он распространяет понятие индивидуально-го стиля на целую группу людей, когда они пользуются определенным стилем. Учитывая современную терминологию, можно сказать, что под этим он подразумевает функциональные стили; сюда же входят и стили, свойственные некоторому направлению и школе.

В психологической интерпретации более подробно, чем в грамматической, разработан вопрос о соотношении "компаративного" и "дивинаторного" методов. Одно из правил психологической интерпретации звучит следующим образом: "Во всем этом деле с самого начала имеют место два метода: дивинаторный и компаративный, каковые однако, поскольку они отсылают друг к другу, не следует один от другого и отделять" (НГ 169).

Это положение ставится в непосредственную связь с целью психологической интерпретации, которая заключается "в совершенном понимании стиля". Для того чтобы приблизиться к этой цели, следует использовать оба метода. Тесная связь между стилем как языковым воплощением мысли и дивинацией важна в том смысле, что она отчасти

противоречит тому толкованию, которое, вслед за В. Дильтеем, дал понятию дивинации Г. Г. Гадамер: он переводит "дивинацию" как "чувство" или "вчувствование" [Gadamer, 1975: 179]. Шлейермахер действительно определяет дивинаторный метод как "такой, который стремится непосредственно схватить индивидуальное во всех его особенностях путем своего рода превращения в другого человека" (НФ 169). Однако при этом указывается, что дивинаторный метод не состоятелен без сравнительного, т.к. он "получает свои основания лишь благодаря подтверждающему сравнению, ибо при отсутствии такового легко может превратиться в фантазию" (НФ 170). При толковании опора лишь на дивинацию способна привести к заблуждению, результат может оказаться произвольным. Поэтому результат дивинации должен уточняться с помощью сравнения, которое, соотнося объект понимания с общим, затем находит в нем своеобразное.

В исследованиях, посвященных истории герменевтического учения делается акцент то на психологическую, то на грамматическую сторону интерпретации. Наиболее яркими представителями этих двух точек зрения являются В. Дильтей и Г. - Г. Гадамер. В качестве основного вклада Шлейермахера в теорию герменевтики Дильтей считает разработку им метода психологического истолкования. Поэтому именно в герменевтике Шлейермахера он видит "предварительную ступень" своей теории понимания как психологического реконструирования [Diltey, 1959, Bd.5: 42]. Крупнейший теоретик современной герменевтики Г. - Г. Гадамер, напротив, полагает, что грамматическая интерпретация в большей степени выражает суть герменевтики

Шлейермахера, чем психологическая. Он ссылается на тот факт, что в "Речах о герменевтике", произнесенных в Берлинской академии наук в 1829 г., Шлейермахер подразделяет психологическое истолкование на чисто психологическое и техническое. По его мнению, это свидетельствует о том, что Шлейермахер "в рамках самой индивидуализирующей психологической ситуации признает аналог грамматической интерпретации" [Gadamer, 1972: 139]. Сближение психологической и грамматической интерпретации в технической форме доказывает, как считает Гадамер, что центр тяжести герменевтического учения Шлейермахера находится на грамматической стороне.

Выводы

Теорию Шлейермахера можно понимать одновременно как завершение и преодоление герменевтики эпохи Просвещения. Основным отличием герменевтической концепции Шлейермахера является новое понимание языка. Язык выполняет не только инструментальную функцию передачи конвенциональных знаков, но и креативную функцию. Отсюда следует характерное для эпохи романтизма акцентирование живой динамики языкового процесса.

Все части герменевтической теории Шлейермахера столь органично связаны между собой, что выдвижение на первый план того или иного аспекта обедняет саму концепцию и делает ее непригодной для той важной роли, которую, по мнению Шлейермахера, она должна выполнять.

Герменевтика в его понимании является универсальным лингвистическим методом толкования. Это значит, по нашему мнению, что герменевтика в таком качестве должна

выступать как методологическая основа для понимания всякого высказывания, независимо от его структуры и объема. Понять можно лишь то, что выражено в языке. В основе всякой человеческой деятельности лежит, прежде всего, языковая деятельность. Поэтому вполне естественным выглядит вывод об онтологической роли языка, сделанный М.Хайдеггером и Г.-Г.Гадамером из герменевтической теории.

В основе учения Шлейермахера лежит романтическая идея всеохватывающего синтеза, принцип органического соподчинения частей. Вхождение в герменевтический круг – отправная точка для герменевтического анализа. Первоначальное, интуитивное понимание целого уточняется посредством анализа его частей, каждая из которых пронизана идеей целого. А конечный синтез всех этих частей в некоторое качественно новое единство открывает перед толкователем заложенный в произведении смысл. Каждый элемент высказывания или текста обретает смысл только в составе целого, только вступая в контекстуальные отношения с другими, окружающими его элементами.

Главный принцип, определяющий подход Шлейермахера к языку – это убеждение в субъективной природе всякого речевого акта. Это представление во многом является следствием той высокой оценки, которую получает понятие индивидуальности в романтической этике и эстетике.

Мышление неотделимо от языка, а процесс мышления всегда индивидуален, поэтому и тот способ, каким мысль выражает себя в языке, неповторим и уникален в каждом отдельном случае. Из этого утверждения следует два вывода:

Во-первых, вывод о динамической природе языковых явлений, который так подробно обосновал В.Гумбольдт в своей теории языка как непрерывной творческой деятельности. Каждое высказывание индивидуально по своему происхождению; входя в систему языка, субъективный речевой акт обогащает и обновляет ее, и такой процесс творческого становления языка бесконечен.

Во-вторых, вывод о необходимости психологического аспекта исследования для практики интерпретации: особенности восприятия действительности отдельным автором, дух его эпохи и мировоззрение того языкового сообщества, к которому он принадлежит.

Понять текст невозможно, не поняв личность его автора, однако понять личность автора можно только через особенности его индивидуального стиля, выраженного в конкретной языковой форме. Этим обосновывается неразрывная связь психологической и грамматической интерпретации и необходимость их совместного применения.

Герменевтика Ф.Шлейермахера должна была выступать универсальной основой для всех наук гуманитарного цикла, она была задумана не только как метод интерпретации текста, но – шире – как общая теория понимания языковых знаков. Отсюда такой широкий охват лингвистической проблематики. Общие лингвистические выводы, сделанные им на основании достижений науки о языке своего времени – принцип историзма при изучении языковых явлений, взаимосвязь частных и общих закономерностей языкового развития, динамический характер языка – послужили для Шлейермахера основой собственно герменевтической теории

и обусловили столь глубокую разработку специальных герменевтических приемов.

Глава III. Традиции филологической герменевтики в немецком языкознании и в науке о стиле художественной речи.

3.1. В. фон Гумбольдт и филологическая герменевтика

Вопрос о возможном взаимном влиянии теорий Ф.Шлейермахера и В.Гумбольдта, прямом или косвенном, практически не затрагивался в научной литературе, так же, как и вопрос о внутреннем родстве филологической герменевтики и лингвистической концепции Гумбольдта. Очевидное сходство лингвистических идей обусловлено общей духовной тенденцией эпохи романтизма, которая заключалась в понимании изначальной глубинной связи между языком и миром, языком и духом. Эта направленность была задана философскими и филологическими теориями Ф.Шлегеля, Новалиса, Шлейермахера. Ярким проявлением этого подхода в начале XIX века явилось учение Гумбольдта о языке как духовной энергии, находящей уникальное творческое выражение в каждом акте употребления языка.

Возникая в творческой атмосфере йенской романтической школы, где господствовал принцип универсального синтеза всех проявлений человеческого духа, герменевтика вобрала в себя многие положения романтической философии языка и сравнительного языкознания. Главные теоретические положения, на которых основывает свою герменевтику Шлейермахер – понимание языка как деятельности, нераздельность мысли и языковой формы, определяющая роль языка в развитии духа, ценность индивидуального

речевого акта – являются одновременно центральными понятиями лингвистической концепции Гумбольдта. Традиционно взгляды В.Гумбольдта не рассматриваются в контексте герменевтического подхода к изучению языка, поскольку Гумбольдт не занимался герменевтикой и не использовал этот термин, однако, если учитывать его тесную связь с романтической школой, можно установить определенные параллели между онтологией языка, фундаментальными языковыми антиномиями Гумбольдта и герменевтикой Шлейермахера.

Коренным понятием герменевтики является герменевтический круг, объединяющий в себе три уровня понимания: первичное, интуитивное постижение предмета исследования как недифференцированного целого, анализ его частей и осознание их органического единства. Именно это подразумевает Гумбольдт, когда говорит об истинно научном методе в работе "Über den Dualis" [Humboldt, 1963: 458]. Каждый раз, когда мы имеем перед собой исследование, а не готовый результат исследования, живой процесс метода в приложении к внешним явлениям с необходимостью раздваивается: с одной стороны, исходным пунктом является общее, с другой – частное. Когда Гумбольдт начинает исследование с общей характеристики целой группы языков, за которой следует обстоятельное расчленение их грамматического строения, или когда он исходит из точно установленного факта, чтобы дать его объяснение, – он всегда имеет в виду конечный синтез, он проводит свой анализ не ради частных выводов, но ради выявления общих законов существования языка. С точки зрения Гумбольдта (и по сути это герменевтический подход), дух, вырази-

ем которого является язык, действует двумя путями: он разлагает свою область, т.е. неопределенную массу представляемого, на элементы и одновременно постоянно стремится слить многообразие в единство.

Категориальное противопоставление часть/целое имеет в концепции Гумбольдта большую функциональную нагрузку. По мнению Гумбольдта, язык представляет собой некую целостность, она изначальна, онтологична, а аналитизм – это лишь методический прием наблюдателя. Раздробления на слова и правила представляет собой лишь мертвый продукт аналитической работы ученого, а не естественное состояние языка [Humboldt, 1963: 418]. Язык представляет собой органическое целое. “Язык, как это проистекает из самого его существа, ощущается душой во всей его целостности, каждая частность, взятая отдельно, соответствует в нем другой, еще ясно не осознанной” [Humboldt, 1963: 458]. Каждый человек имеет представление о нерасчлененной целостности языка, которая определяет создание отдельных его элементов. Гумбольдт сравнивает язык с широкой тканью (ein ungeheures Gewebe), в которой каждая часть переплетается с другими в более или менее отчетливо осознаваемой связи [Humboldt, 1963: 446].

Идея целостного антианалитического взгляда распространяется и в генетический план, где разрешается известный парадокс – что изначальнее – часть или целое: “Нельзя и помыслить, чтобы создание языка начиналось с обозначения предметов словами и затем уже достигало соединения слов. В действительности не речь строится из предшествующих ей слов, а наоборот, слова возникают из целостности речи” [Humboldt, 1963: 448]. Хотя аналити-

ческие исследования целесообразны, а иногда и единственно возможны при изучении языка, необходимо помнить тем не менее, что целостность изначальна, а аналитизм – лишь вынужденная процедура.

Чисто аналитические средства постижения языка ограничены, поскольку наиболее тонкие и глубокие начала языка ускользают от такого грубого приема: "В беспорядочном хаосе слов и правил, который мы привыкли называть языком, наличествуют только отдельные элементы... По этим разрозненным элементам нельзя познать того, что есть высшего и тончайшего в языке: это можно постичь и почувствовать только в связной речи, что доказывает лишний раз, что подлинный язык живет в акте его действительного воспроизведения" [Humboldt, 1963: 480].

Для герменевтического метода чрезвычайно важным является представление о динамическом характере языка. Если понимать язык как идеальное схематическое построение, в котором каждый элемент имеет постоянное, определенное в виде матрицы дифференциальных признаков инвариантное значение, то герменевтический метод становится принципиально неприменим, ибо тогда любой, даже самый емкий анализ текста дает один единственно возможный и окончательный результат. Ведущий постулат герменевтики – бесконечность процесса толкования – опирается на совершенно иной, динамический подход к языку, при котором учитывается субъективность и уникальность каждого речевого акта, особенности индивидуального употребления каждой языковой формы.

Отношение к языку как к деятельности имеет длительную лингво-философскую традицию. Если говорить только о

новом времени, истоки этой традиции можно видеть в критике Гердером рационалистических представлений картезианской эпохи и Просвещения о происхождении и сущности языка, когда язык представлялся объективно данным феноменом, общие свойства которого predeterminedены раз и навсегда. В противоположность этому, Гердер представлял себе язык как непрерывное становление, никогда не достигающее целостной и законченной формы; каждое новое языковое действие исходит из предыдущего опыта и наслаивает на него новое усилие, в свою очередь оставляющее в этом опыте свой след [Herder, 1957: 37-38]. Для Гердера процесс развертывания языка в условиях конкретного жизненного опыта и есть сущность языка, единственным способом его существования, а не несовершенной реализацией идеального состояния.

Идеи Гердера оказали определяющее влияние на романтическую филологию, подчеркнув в феномене языка творческий и динамический аспект. В романтическом сознании жизнь предстает как постоянный процесс обновления, для романтиков мир принципиально незавершен, а творческое становление бесконечно. Приоритет отдается живому потоку активности как иррациональному порыву, основное внимание уделяется живой динамике творческого процесса. Идея о допустимости существования чистой деятельности развивается в философии Фихте. По Фихте, все, что предстает как объект (вещь, данность), является продуктом деятельности субъекта. Он исключает возможность любого абсолютного бытия самого по себе, кроме чистого акта деятельности "я". Исходным, абсолютно первым и безусловным основоположением человеческого знания

для него является акт действия (Tathandlung) или чистая деятельность [Гайденко, 1979: 59].

Ведущий мотив миропонимания Гумбольдта, основная мысль его теории заключается в том, что язык – это деятельность духа, энергейя. Также и для Шлейермахера комбинирование языковых элементов – это не пассивный, а продуктивный акт отдельного индивида (НК 115), выражение свободно человеческого духа (НК 81). Главный атрибут духа, без которого он не может существовать, есть спонтанная разумная активность. Поскольку язык – проявление духа, а бытие духа можно представить только в виде деятельности, то язык представляется как деятельность духа: “Язык, если взглянуть на него с точки зрения его собственной природы, есть нечто постоянное и в каждый момент преходящее... Он есть не изделие (ergon), но деятельность (energeia)... Следует посмотреть на язык не как на мертвый продукт (Erzeugtes), но как на созидающий процесс (Erzeugung)” [Гумбольдт, 1984: 197]. “Эргон” и “мертвый продукт” – понятия одного порядка, выражающие статическую точку зрения на язык как на объект расчленяющего аналитического мышления. Такому подходу Гумбольдт противопоставляет “физиологический” способ рассмотрения языка в его целостности и живых связях. Язык не знает покоя, и его кажущаяся мертвой часть всегда должна порождаться в мышлении, оживая в речи или понимании [Гумбольдт, 1984: 180].

Одна из главных идей Гумбольдта о языке как отражении мира и способе его познания также находит параллель в “Герменевтике”. Язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека [Гумбольдт,

1984: 304]. Это означает, что язык есть не ряд готовых этикеток к заранее данным предметам, а промежуточная реальность, посредством которой и происходит преобразование внеязыковой действительности в объекты сознания. Интересно в связи с этим отметить, что похожую мысль высказывает и Шлейермахер: действительность никогда не дается нам непосредственно как предмет, а всегда через посредство языка и неотделимо от языка (НК 59), поэтому однозначность, соответствие одного слова одному понятию возможны только в математическом, но не в иррациональном естественном языке. Из тезиса о неразделимости языковой формы и содержания действительности следует мысль о том, что язык носит метафорический характер, зафиксированная в языке действительность становится метафорой, "промежуточный мир" – метафоричен и бесконечен, всегда открыт новому опыту, является неисчерпаемым источником непрерывного творческого процесса.

Гумбольдт говорит о творческом стремлении (*schöpferischer Trieb*) духа в объективный мир и о результате такого стремления – слове, которое возвращается назад к субъекту [Humboldt, 1963: 428]. "Дух непременно стремится внести в язык что-нибудь новое, чтобы, воплотив в него это новое, самому встать вновь под его влияние" [Humboldt, 1963: 567]. Произведения человеческой духовной деятельности объективируются в определенном материале, однако, они не представляют собой статическую систему, а непрерывно оживотворяются в индивидуальном речевом акте. Такая связь и взаимное влияние языка и творящего духа занимает в "Герменевтике" Шлейермахера центральное место. Шлейермахер понимает языко-

вое выражение как момент жизни, как действие, как процесс и одновременно осознает, что язык – это целое, некая всеобщность, которая упорядочивает и ограничивает индивидуальное пользование языком.

Мысль, деятельность вполне внутренняя и субъективная, в слове становится объектом, внешним предметом для себя самой, и уже как объект возвращается к своему первоначальному источнику. Уже при самом рождении слова в нем проявляется столь существенная для герменевтики антиномия объективного и субъективного. Индивид воспринимает язык как он завещан традицией и одновременно индивид сам постоянно воссоздает язык.

Для динамического подхода характерен прежде всего акцент на субъективной стороне языковой деятельности. Как указывает В.М.Павлов, Гумбольдт придает субъективной стороне определяющую роль в познавательном процессе [Павлов, 1967: 152]. Язык действует настолько как объект, настолько самостоятелен, насколько создается субъектом и зависит от него. "Мертвая" сторона языка каждый раз заново создается в мысли, оживает в речи и понимании, следовательно, целиком переходит в субъект [Humboldt, 1963: 319]. Такой акцент на субъективной стороне языка характерен и для Шлейермахера. Естественный язык всегда несет на себе следы индивидуальных воззрений отдельного говорящего. И хотя язык как целое со своей стороны ограничивает творчество индивида, язык живет и развивается прежде всего, благодаря творческой деятельности отдельного говорящего. Индивидуальное мировоззрение личности обобщается через диалектическое посредничество мышления и включается в мировоззрение

определенного языкового коллектива. Язык развивается благодаря тому, что в нем обнаруживает себя дух отдельного человека, поэтому понимание всякого языкового выражения есть прежде всего понимание его как индивидуального речевого акта.

Однако это не значит, что отрицается объективная сторона языкового процесса. И Шлейермахер, и Гумбольдт указывают на "власть" языка, имея при этом в виду влияние системы языка на языковое употребление отдельного человека. Шлейермахер говорит о том, что из каждого языка можно извлечь только то, что в нем заложено (НК 95). По Гумбольдту, язык, хотя и связан довольно тесно с духовным бытием человека, вместе с тем имеет и вполне самостоятельное бытие, независимое от человека, и господствует над человеком своей силой [Гумбольдт, 1984: 392].

Оппозиция объективности и субъективности связана у Гумбольдта с другой парой понятий: понимание и речь. Но из соответствия этих антиномий не следует, что речь субъективна и самодеятельна, а понимание – объективно и страдательно. Все, что есть в душе, может быть добыто только ее собственной деятельностью; речь и понимание – только различные проявления одной и той же способности речи. На это же указывает и Шлейермахер, когда говорит о том, что "любой акт понимания есть обращение акта речи, благодаря которому осознается, какое мышление лежало в основе речи" (НФ 76).

По Гумбольдту, только в речи индивида слова получают окончательную определенность. Но в живой речи никто не понимает слов в абсолютно одном и том же смысле:

“Всякое понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях есть разногласие” [Гумбольдт, 1984: 312].¹² Так же, как и у Шлейермахера, у Гумбольдта антинomia речи и понимания разрешается через конгениальность говорящего и слушающего.

Взаимосвязь части и целого как исходный пункт для анализа языковых явлений, динамический подход к языку, проистекающий из понимания языка как деятельности духа, акцент на субъективной стороне языкового процесса – все эти элементы концепции Гумбольдта позволяют сделать вывод о ее глубокой органической связи с общими принципами филологической герменевтики, теоретически обоснованной Ф.Шлейермахером в качестве лингвистического метода толкования.

¹² Эту идею разрабатывал А.А.Потебня, который истолковывает “непонимание” не столько как факт обязательного отклонения от мысли, идущей от сообщающего, сколько как “понимание по-своему”, как творческую работу воспринимающего, как то новое, что слушающий привносит от себя.

3.2. Литературный текст как основа герменевтического метода

Герменевтический метод с самого своего рождения являлся инструментом художественной критики. Древнегреческие философы и филологи, особенно неоплатоники и представители Александрийской школы, с помощью герменевтики интерпретировали произведения древних поэтов, прежде всего Гомера. В Средние века герменевтика применялась в первую очередь для толкования Библии. Когда же в эпоху Просвещения священные тексты стали восприниматься не только как канон, но и как художественное произведение, то герменевтика благодаря своей универсальности использовалась как теологами, так и филологами. С формированием независимой от теологии классической филологии, герменевтика вновь выступает как искусство толкования литературных памятников античности и перевода их на живой язык.

Основоположник герменевтики Нового времени Ф.Шлейермахер рассматривал ее как универсальный методологический инструмент при анализе культурно-исторических, в том числе художественных текстов, помогающий через языковые особенности стиля, построения фразы и всего произведения в целом постигнуть его как выражение индивидуальности автора. Ему, как и всем представителям немецкой романтической школы, творческая индивидуальность представлялась посредником между реальным и идеальным мирами; целью романтической герменевтики являлось постижение духа автора через его языковое воплощение, а проникновение в смысл художест-

венного произведения романтики понимали как открытие в конечном тайны бесконечного.

Герменевтические теории XX века также избрали художественные тексты практической основой метода. По мнению В. Дильтея, герменевтика стоит ближе к художественному постижению мира, чем к научному конструированию его [Diltey, 1958, VII: 322]. Дильтеевский метод интерпретации основывался на теории понимания как интуитивного самопостижения. Понимание самого себя может быть достигнуто лишь через "другого", через объективированные этим "другим" духовные ценности. Свое исчерпывающее выражение человеческий дух находит в поэтических произведениях. Искусство понимания Дильтея основывается на художественном творчестве и многие свои работы посвящает анализу произведений Гете, Петрарки, Лессинга, Гельдерлина, Новалиса [Diltey, 1957, 1958].

Для М. Хайдеггера герменевтика – это не только искусство истолкования, но и осуществление "судьбы бытия". Реальность "жизненного мира" – это прежде всего языковая реальность. Герменевтика состоит в том, чтобы истолковать "Слово", весть судьбы, заключенную в языке. Но не Священное писание, а слова великих поэтов – "вестников богов" приковывают к себе внимание Хайдеггера. Творчество Гельдерлина, Тракля, Рильке несет в себе весть о судьбе бытия, и эту весть надо уметь услышать. Человеческое существование бессмысленно, если оно не является понимающим, не наделено пониманием. Понять же смысл бытия возможно через поэтическое творчество, которое нуждается в герменевтической интерпретации. Такова лингвистическая онтология и лингвистиче-

ская герменевтика Хайдеггера [Хайдеггер, 1993; 1993 (1); Heidegger, 1973; Heidegger, 1981: 41-43, 37-38; Heidegger, 1983]. Он обратился к объяснению явления литературного творчества в трактате о происхождении художественного творения (1936). Литературное творчество приобретает ведущее положение в истолковании человеческого существования. Литературное творчество рассматривается как первичный процесс, как "словесное создание бытия", а не только как способ выражения или одно из многих достижений человеческой культуры. Произведение не обладает законченной вещественностью результата деятельности (ergon), напротив, оно само выступает в образе деятельности (energeia) [Хайдеггер(2), 1993: 120-132].

Ученик Хайдеггера, немецкий философ Г.Г.Гадамер развил концепцию герменевтики, согласно которой носителем понимания явлений культуры является язык, имеющий игровую природу. Слово естественного языка "играет" смыслами. Эта особенность языка, по мнению Гадамера, явственнее всего предстает в поэзии, ибо слово поэта, как и оракула, всегда неоднозначно [Gadamer, 1960: 160]. Поэтому герменевтическая практика отдает предпочтение прежде всего художественным текстам, а среди них - поэтическим. Именно поэзия как квинтэссенция художественной речи способна полнее всего обнаружить весь заложенный в языке потенциал выразительности [Гадамер, 1991].

В XX веке герменевтика предельно расширила свои границы, стала не только методом интерпретации, но и онтологией, однако ее ориентация на литературные тек-

сты по-прежнему определяет все теоретические выводы и практические опыты различных представителей этого метода.

3.3. Традиции герменевтики и швейцарская школа поэтической стилистики

Филологическая герменевтика всегда следовала в своем развитии за герменевтикой философской, которая определяла общие методологические установки теории интерпретации. В философии эпохи романтизма литературная герменевтика нашла свою теоретическую опору, а возрождение в XX веке целого ряда идей романтической эстетики после долгого периода господства позитивизма обусловило новый всплеск интереса к проблемам герменевтики. Филологическая герменевтика XX века представляет собой неоднородное явление и выступает под разными наименованиями: литературная, грамматическая, стилистическая герменевтика, однако суть остается прежней: герменевтика стремится к духовной интерпретации литературного текста, которая исходит, прежде всего, из понятия целостности данного культурного феномена.

Герменевтику XX века определили идеи М.Хайдеггера, оказавшего влияние не только на философскую мысль, но и на другие отрасли гуманитарного знания. Мы не ставим здесь целью изложить все философские обоснования герменевтического метода, предложенные Хайдеггером, однако важно подчеркнуть, что опорой для его теорий служит понятие языка, лингвистика, взятая в широком смысле.

Именно в немецкой традиции изучение стиля оказалось тесно связано с герменевтическими идеями, и произошло это потому, что теория герменевтики является созданием, главным образом, немецкой филологической мысли. Хайдеггер и Гадамер определили магистральную линию развития философской герменевтики в XX веке. Заслуга же развития герменевтической стилистики принадлежит швейцарскому ученому Эмилю Штайгеру. Уловив общую философскую направленность, заданную Хайдеггером, Штайгер создал стилистическую школу и разработал приемы анализа художественного текста, опирающиеся на всю предшествующую герменевтическую традицию [Staiger, 1939, 1943, 1946, 1955].

Толкование проблем литературного творчества М.Хайдеггером имело своим следствием новую постановку вопросов в науке о литературе. В 30-40-е гг. предметом изучения становится само художественное произведение. Лозунгом становится "искусство чтения", целостное толкование произведения, стилистико-критическое исследование прежде всего отдельного сочинения.

Теоретические и практические исследования швейцарского ученого Э. Штайгера и его единомышленников [Верли, 1969; Егер, 1949; Штрих, 1947; Пфайфер, 1936, 1947 ; Коммерель, 1943, 1940; Гвардини, 1939, 1946;] заложили основу для дальнейших исследований в области стилистики. Среди единомышленников Штайгера можно назвать и немецкого исследователя В.Кайзера, который ставил перед собой задачу понимания поэтического произведения как произведения языка и разрабатывал приемы интерпретации, выдвигая на первый план идею целостно-

го, синтетического, а не аналитического анализа текста [Кайзер, 1948]. Продолжая традицию Гердера и всего романтического языкознания, основной концепцией которого было положение, что дух языка какой-нибудь нации является также духом ее литературного творчества, швейцарская стилистическая школа интересовалась, прежде всего, взаимоотношениями между языком и литературой. Художественная литература в их понимании – это прежде всего искусство языка, искусство слова, поэтому они предпочитают говорить не о произведениях литературы, а о “произведениях языка” (Штайгер) или о “языковых художественных произведениях” (Кайзер). Влияние традиционных герменевтических положений на представителей школы “имманентной интерпретации” довольно велико.

Развивая самый известный герменевтический принцип, Штайгер в своей статье о задачах “искусства интерпретации” пишет о том, что знакомство со всяким поэтическим произведением начинается с того непосредственного впечатления, которое оно на нас производит [Staiger, 1955: 14]. Воспринимая произведение поэтического искусства, мы воспринимаем его как целое, как определенное ритмико-стилистическое единство. Лишь благодаря единству ритма, стиля и всех остальных своих компонентов произведение вызывает у читателя единое, цельное впечатление чего-то прекрасного, доставляющего нам наслаждение.

Задача научной интерпретации художественного текста заключается в том, чтобы от доступного каждому непосредственного ощущения тайн поэтической целостности

произведения подняться до конкретного понимания этой целостности как определенной внутренне единой и закономерной художественной структуры представляющей собой единство в многообразии. При этом Штайгер замечает: "Каким образом каждая отдельная часть связана с целым, а целое со всеми частями, недоступно его [исследователя] восприятию. Но анализ этого возможен, и на нем основана наша наука" [Staiger, 1955: 15].

Итак, основная задача интерпретации по Штайгеру, – раскрытие тех внутренних законов построения произведения, которые превращают его в определенную целостность, в единую художественную структуру отдельные компоненты которой нерасторжимо связаны друг с другом.

При этом Штайгер понимает, что если бы задача изучения поэтического произведения сводилась бы лишь к общей констатации того, что все его компоненты образуют единое органическое целое, то задачи науки о литературе упростились бы до предела. Тогда вся цель науки о литературе свелась бы к доказательству – на примере отдельных поэтических произведений – той общей истины, что всякое поэтическое произведение представляет собой единство в многообразии и что его содержание и форма органически связаны между собой.

Поэтому Штайгер указывает на различие между общим философским принципом, согласно которому "целое познается из части, а часть из целого", и специфическими задачами интерпретации поэтического текста как метода литературной науки.

Доказательство существования структурной взаимосвязи между частями и целым является лишь предвари-

тельной задачей интерпретации. Главной же задачей интерпретации является познание индивидуальности художественного произведения, раскрывающее не просто единство всех его элементов, а данную, индивидуальную, неповторимую форму их единства. Интерпретация у Штайгера направлена не на познание общих законов развития поэзии, а на раскрытие красоты, неповторимого стиля отдельного, индивидуального художественного творения [Staiger, 1955: 20].

Здесь следует отметить тот факт, что, хотя "искусство интерпретации", по Штайгеру, и ограничивает свою цель имманентным подходом к произведению, принципиально отказываясь от истолкования его социально-исторической и психологической обусловленности, оно в то же время опирается на "широкое поле разнообразных знаний, возделанное историей литературы в течение целого века" [Staiger, 1955: 18]. Однако этими знаниями – культурно-историческими, философскими, социальными – оно пользуется не для объяснения текста "внелитературными" факторами (как филология XIX века), а лишь как средством контроля, ограничивающим субъективный произвол интерпретатора.

В своих размышлениях о принципах анализа художественного текста Штайгер руководствуется той же идеей духовной интерпретации, что и вся романтическая герменевтика. В соответствии с предпосылками идеалистической философии он понимает художественный текст как эманацию внеисторического духа. Хотя Штайгер прямо не называл герменевтику в качестве основы для своих исследований, но он оказался с ней связан не только бла-

годаря Хайдеггеру и феноменологической философии, но и благодаря исключительному влиянию романтизма на формирование филологической науки в Германии. Во всех работах Штайгера вполне проявляется герменевтическая установка на познание скрытой за языковым выражением подлинной духовной реальности.

3.4. Опыт интерпретации гимна Ф.Гельдерлина "Нимфа Мнемозина"

Die Nympe Mnemosyne

Reif sind, in Feuer getaucht, gekochet
 Die Frücht und auf der Erde geprüft und ein Gesetz ist
 Dass alles hineingeht, Schlangen gleich,
 Prophetisch, träumend auf
 5 Den Hügeln des Himmels. Und vieles
 Wie auf den Schultern eine
 Last von Scheitern ist
 Zu behalten. Aber böß sind
 Die Pfade. Nemlich unrecht,
 10 Wie Rosse, gehn die gefangenen
 Element' und alten
 Geseze der Erd. Und immer
 Ins Ungebundene gehet eine Sehnsucht. Vieles aber ist
 Zu behalten. Und Noth die Treue.
 15 Vorwärts und rückwärts wollen wir
 Nicht sehn. Uns wiegen lassen, wie
 Auf schwankem Kahne der See.

Ein Zeichen sind wir, deutungslos
 Schmerzlos sind wir und haben fast
 20 Die Sprache in der Fremde verloren.
 Wenn nemlich ein Streit ist über Menschen
 Am Himmel, und gewaltige
 Gestirne gehn, blind ist die Treue dann, wenn aber sich

Zur Erde neiget der Beste, eigen wird dann
 25 Lebendiges, und es findet eine Heimath
 Der Geist. Einer
 Kann täglich es ändern. Kaum bedarf er
 Gesez, und die Schrift tönt. Es möchten aber
 Viel Männer da sein, wahrer Sache, Denn nicht vermögen
 30 Die Himmlischen alles. Nemlich es reichen
 Die Sterblichen eh' in den Abgrund. Also wendet es sich
 Mit diesen. Lang ist die Zeit,
 Es ereignet sich aber
 Das Wahre.

35 Wie aber liebes? Sonnenschein
 Am Boden sehen wir und trokenen Staub
 Und heimatlich die Schatten der Wälder und es blühet
 An Dächern der Rauch, bei alter Krone
 Der Thürme, friedsam; gut sind nemlich,
 40 Hat fernher gegenredend die Seele
 Ein Himmlisches getroffen, die Tageszeichen.
 Denn Schnee, wie Majenblumen
 Das Edelmüthige, wo
 Es seie, bedeutend, glänzet auf der grünen Wiese
 45 Der Alpen, dort
 Vom Kreuze redend, das
 Gesezt ist unterwegs einmal
 Gestorbenen, auf hoher Strass
 Ein Wandersmann geht zornig
 50 Fern ahnend mit
 Dem andern, aber was ist diss?

Am Feigenbaum ist mein
 Achilles mir gestorben,
 Und Ajax liegt
 55 An den Grotten; nahe der See,
 An Bächen, benachbart dem Skamandros.
 Vom Genius kühn bei Windessausen, nach

Der unbewegten Salamis steter
 Gewohnheit, in der Fremd', ist gross
 60 Ajax gestorben,
 Patroklos aber in des Königes Harnisch. Und es starben
 Noch andere viel. Am Kiphäron aber lag
 Elevtherä, der Mnemosyne Stadt. Der auch als
 Ablegte den Mantel Gott, der abendliche nachher löste
 65 Die Loken. Himmlische nemlich sind
 Unwillig, wenn einer nicht die Seele schonend sich
 Zusammengenommen, aber er muss doch; dem
 Gleich fehlet die Trauer.

Стихотворение Ф.Гельдерлина выбрано нами для анализа не случайно. На протяжении последнего столетия поэзия Ф.Гельдерлина неизменно привлекает внимание многих представителей герменевтического направления. Интерес к Гельдерлину, творчество и личность которого были практически забыты на протяжении всего XIX века, пробудил в первой половине XX века литературовед Н. Фон Хеллинграт. Он подготовил первое научное шеститомное издание произведений Гельдерлина, снабженное подробнейшими комментариями [Hoelderlin, 1943]. Затем последовало еще и фундаментальное критическое издание сочинений Гельдерлина, подготовленное Ф.Бейснером [Hoelderlin, 1943]. Пользуясь этими изданиями, почти все ведущие герменевты XX века так или иначе касались текстов Гельдерлина в своих герменевтических опытах. Хайдеггер оценивал Гельдерлина "превыше всех поэтов", как подлинного поэта-пророка [Heidegger, 1981: 42].

Поэзия Гельдерлина – один из самых трудных объектов интерпретации. Причиной тому служат многочисленные разночтения в рукописях, большое количество неокончен-

ных произведений, "темный", полный символов и метафор язык, требующий тщательного, кропотливого анализа.

Герменевтический анализ предполагает понимание текста как целостного образования, все элементы которого находятся в тесной взаимосвязи. Целью такого анализа является раскрытие неповторимой формы единства этих элементов, т.е. индивидуального стиля художественного произведения. Для конкретизации теоретических положений, изложенных в предыдущих главах, в настоящей работе делается попытка всестороннего герменевтического анализа одного гимна Гельдерлина "Нимфа Мнемозина". Существуют общие работы, посвященные стилю Гельдерлина, а немногочисленные толкования его произведений с герменевтических позиций касаются, как правило, отдельных аспектов стиля [Hof, 1954; Heidegger, 1951; Schwetge, 1911; Schmidt, 1927; Берковский, 1973: 263-323; Пирьян, 1976]. Поэтому представляется интересной полная герменевтическая интерпретация отдельного произведения. Выбранный нами гимн «Нимфа Мнемозина» специально не исследовался ни в русской, ни в немецкой науке, хотя некоторые толкователи обращались к отдельным образам гимна либо для иллюстрации более общих герменевтических положений, либо для характеристики стилистической системы Гельдерлина в целом [Hof, 1954; Heidegger, 1951; Schmidt, 1927].

3.4.1. Предварительная интерпретация

Предположительно гимн был написан осенью 1803 года. Существует несколько рукописных вариантов текста:

набросок под заглавием "Das Zeichen", набросок и уточненная чистовая рукопись второй строфы, и, наконец, полный текст с изменениями под заглавием "Die Nympe Mnemosyne" [Beissner, 1943: 211-212].

Стихотворение представляет собой патриотический гимн. Но он относится к двум отечествам сразу: одно – уже погибшее, другое – будущее. Погибшее отечество – это Древняя Греция, и об этом свидетельствуют, в первую очередь, имеющиеся в тексте греческие имена и названия, которые были важны для греческой культуры: Ахилл, Аякс, Патрокл, Саламин, Скамандр, Мнемозина, Киферон. Греческая гора Киферон соответствует Альпам в будущей Германии. Альпы – единственный топоним в тексте, указывающий на Германию, Альпы имеют, в понимании Гельдерлина, судьбоносное значение. Они – высшая точка нового мира, место, где снег и зеленая трава становятся знаками всего возвышенного и благородного. Сверкающий снег – символ небесного сияния, зеленый луг – символ весны на земле. В этом гимне, как и везде у Гельдерлина, ландшафт связан с образами мифов и истории. В Альпы идет странник, говорящий о Христе. Он связывает оба отечества, выступает посредником между временами. Роль античности чрезвычайно велика в поэзии Гельдерлина. Причем, как правило, античность в идеальном смысле появляется у Гельдерлина по поводу современности и во внутренних своих связях с нею. Эллада была для него предсказанием, какая культура может и должна водвориться снова в Европе. Погружаясь в Элладу, он "вспоминал будущее" [Берковский, 1973: 281] и торопил

его наступление. Гимн построен как диалог между эпохами, о чем свидетельствуют оба вопроса в III строфе.

Каждая из строф имеет свое ядро, вокруг которого объединяются все остальные элементы. Для первой строфы это предложение: Reif sind // Die Frücht; для второй: Lang ist die Zeit, // Es ereignet sich aber // Das Wahre; третья строфа формируется вокруг субстантивированного прилагательного das Edelmüthige; четвертая строфа направлена на заключительную строку: dem // Gleich fehlet die Trauer. Композиционным центром стихотворения является переход от II к III строфе, от слова "Das Wahre" к вопросу "Was ist liebes?" Если понимать композицию не как чисто внешнее членение произведения, а как структуру, подчиненную элементам плана содержания, то можно сказать, что в композиционном отношении текст распадается не на четыре, а на две части. Ход мысли автора в целом таков: мы зрелы (reif), как плоды осенью. Многого противится нашей зрелости. Однако истина все же за нами. Вторая часть начинается с вопроса о существующей истине, как она являет себя через любовь в наше время. Ответ на этот вопрос следует искать в весенних Альпах, образ которых отсылает к цветущей Элладе. Но эта мысль вызывает не печаль, а надежду на возрождение духа греческого отечества в Германии, где должны вызреть плоды, посеянные в древние времена. Таким образом, возникает рамочная сюжетная структура текста; конец отсылает к началу: dem // Gleich fehlet die Trauer - Reif sind // Die Frücht.

3.4.2. Заголовок гимна

Первым знаком художественного произведения является его заголовок. Любопытным здесь представляется вопрос о том, из скольких слов состоит заголовок: из одного - "Mnemosyne" или из трех - "Die Nympe Mnemosyne". В рукописи слово Nympe находится над словом Mnemosyne, после которого стоит точка:

Die Nympe

Mnemosyne. [Beissner, 1943: 531]

Бейснер считал, что "Нимфа" - первоначальное название, и полагает, что оно было заменено на "Мнемозина" [Beissner, 1943: 531]. Следуя этой традиции издатели обычно обозначают стихотворение как "Мнемозина". Однако Хеллинграт увидел сложность в определении заголовка. Он пишет о том, что едва ли можно установить, является ли заголовок единым наименованием или это два варианта [Hellingrat, 1943: 370]. Мы выбираем более полный вариант, учитывая отсутствие точки после слова Nympe, расположение заголовка на странице и то, что первоначальный вариант "Die Nympe" не был зачеркнут.

Для Гельдерлина при его благоговейном отношении к античности вообще чрезвычайно характерны мифологические названия. Даже первоначальные немецкие заглавия он предпочитает заменять на греческие: "Der gefesselte Strom" он переделывает в "Ganymed", "Dem blinder Saenger" - в "Chiron", "Der Winter" - в "Vulkan", "An Eduard" - в "Die Dioskuren".

Греческое слово "нимфа", по античным лексикографам, означает источник [Мифы народов мира, 1980: 218].

Нимфы – божества природы, ее живительных и плодоносных сил. Главными нимфами считались водные, живущие в источниках или возле воды. Отрывок из диалога Платона “Федр” содержит такие важные характеристики нимф как вода и вдохновение [Платон, 1999: 146–147].

Мнемозина – богиня памяти – считается матерью муз, а иногда ее призывают вместо муз. Кроме указаний античных авторов (Гесиод, Пиндар, Павзаний) можно сослаться на современный Гельдерлину Reales Schullexikon Б.Хедериха 1717 года, который включает в функции Мнемозины ее способность давать наименования вещам, а также ответственность за понимание между людьми [Hederich, 1717: 290].

Интересно, что для литературы XVIII – XIX вв. не существует большой разницы между нимфами и музами, они служили выразителями единства между человеческим духом и духом природы, хотя нимфы относились скорее к чувственной сфере, а музы – к духовной [Creuzer, 1810–1812: 288].

Из современников Гельдерлина особое толкование имени Мнемозины дал Гегель. В 1807 году он использовал в “Феноменологии духа” это имя как антитезу к “оглушающей силе природы” [Гегель, 1994: 388–389].

Отождествление образа Мнемозины с нимфой, жизне-радостным воплощением природы, может свидетельствовать о стремлении подчеркнуть естественные, природные творческие силы, которые возродят воспоминание о прошлых временах. Мнемозина – мать муз и воплощение той художественной культуры греков, дух которой должен снизой-

ти на отечество и, как живительный источник, превратить сухую пыль в плодородную землю.

“В содержательной структуре произведения заголовку принадлежит существенная роль: он передает в концентрированной форме основную его тему или идею. Данная функция заголовка обуславливает его связь со всем текстом, а также возможность реализации смысла заголовка в полном объеме только в его ретроспективном прочтении” [Домашнев, Шишкина, Гончарова, 1989: 43]. В нашем случае название гимна становится до конца понятным лишь после реализации всех внутритекстовых связей и ассоциаций.

3.4.3. Интерпретация I строфы

Гимн начинается с инверсии именной части предиката - reif, который тянет за собой образ спелых плодов (Die Fruecht) в солнечный день ранней осени. Вполне понятно, почему первая строфа в издании Цинкернагеля [Hoelderlin, 1914-1926: 372] носит название “Erntezeit”.

Огонь (in Feuer) выступает здесь как плодоносящая, а не разрушающая сила. Здесь возникает некоторое подобие оксюморона, поскольку глаголы tauchen и kochen связаны с водной стихией (местом обитания нимф). Огонь как метафорическое обозначение солнца соседствует здесь с символическим значением огня как атрибута бога, а плоды могут означать готовых к обновлению людей. Примеры такого метафорического понимания весьма многочисленны в произведениях Гельдерлина. Например, в сти-

хотворении "An die klugen Ratgeber" он говорит: Des Wein Gewächs verschmäht die kühlen Thale, // Hesperiens beglückter Garten bringt // Die goldenen Früchte nur im heissen Strahle [Н, 1: 293]. Во фрагменте "Гипериона" он выражается следующим образом: <...> der Keim, der in ihnen <in Homer und seiner Zeit> lag, gehet als reife Frucht hervor im Herbste [Н, 3: 180]. В стихотворении "Gesang des Deutschen" отечество названо: "reifeste Frucht der Zeit" [Н, 1: 349]. В стихотворении "Brot und Wein" [Н, 1: 411] связанное с понятием родины пророчество о божественных детях прямо указывает, что немцы должны стать детьми бога. Следуя за Гельдерлином, и в этом гимне "плоды" можно толковать как посланцев, которых бог подвергает испытанию огнем на земле. Огонь - знак присутствия бога, он грозен, но не разрушителен.

Начало гимна, по нашему мнению, следует понимать так: как под лучами солнца вызревают плоды, так и в божественном огне рождаются дети бога, плоды священной истории. Плоды зреют "в огне, на земле" (in Feuer, auf der Erde) - здесь скрыта антитеза "небо - земля", которая говорит о том, что плоды соединяют в себе божественный дух и природное начало, огонь порождает и плодovitость природы, и духовную зрелость культуры.

Далее в тексте следуют строки: und ein Gesetz ist // Dass alles hineingeht, Schlangen gleich, // Prophetisch, träumend auf // Den Hügeln des Himmels. Здесь таится определенная сложность; чтобы ее устранить, следует обратиться к синтаксической структуре: придаточное предложение с союзом dass мы можем рас-

сма́тривать как предикатив к *ein Gesetz*, а последующий перечислительный ряд (*Schlangen gleich, // Prophetisch, träumend auf // Den Hügeln des Himmels*) как обстоятельства образа действия, относящиеся к глаголу *hineingehen*. Если же весь этот перечислительный ряд рассматривать в предикативной функции как относящийся к подлежащему *Gesetz*, то тогда понятие закона персонифицируется, что представить себе довольно трудно, хотя В.Хоф выступает именно за такую интерпретацию [Hof, 1954: 293].

Глагол *hineingehen* не имеет, вопреки ожиданиям, ни грамматического, ни семантического объекта, поэтому мы вынуждены понимать его изолированно. Предложение о законе (*Gesetz*) примыкает к образу спелых плодов. В связи с этим слово *alles* в отношении к природным явлениям может значить переход различных элементов – минералов, воды, света, воздуха в плоды. В исторической перспективе *alles* означает все народы, жившие в разные времена. Сравнению *Schlangen gleich* трудно дать однозначное толкование. Вероятно, это можно понимать так: как змея меняет кожу, так и время меняет свой облик в различные исторические эпохи, умирая, одна историческая реальность служит основой для рождения другой. Касаясь этого образа, М.Хайдеггер отжествляет змей с поэтами [Heidegger, 1951: 109], Р.Негеле отсылает к библейскому образу змея [Naegele, 1982: 200], В.Хоф в качестве *tertium comparationis* выбирает змеиный ум и подвижность [Hof, 1954: 153].

Исполнение закона названо пророческим (*prophetisch*). В законе содержится пророчество о новом

становящемся мире, который возникает из памяти о прошлом расцвете Эллады. Сама возможность достижения на земле гармонии (как это случилось в Греции) служит пророчеством о способности человечества вновь достичь того же состояния. Для характеристики закона используется также причастие I - *träumend*. В поэтической системе Гельдерлина *träumen* практически всегда имеет значение "грезить". В ранний период его творчества *träumen* означало уход от действительности в золотой век человечества, в античный мир; в позднем творчестве возникает новый оттенок, связанный с надеждой на осуществление грез, мечтаний в настоящем. С тех пор как погибла Греция и пришел Христос, возвещая обновление, человечество погружено в мечты. Мечта способствует приходу нового мира, достижению истины (*Die Wahre*).

Действие в этом отрывке перенесено на "небесные холмы" (*auf // Den Hügeln des Himmels*). Это локальное обстоятельство можно понимать как иносказание - как облака, так, в частности понимает это Хайдеггер [Heidegger, 1951: 109]. Однако здесь возможно и другое толкование: история совершается не на облаках, а на земле, под небесами. Холмы - это место, соединяющее небо и землю, где сильнее ощущается близость к божественному. В поэзии Гельдерлина часто возникает образ гор, холмов как лестницы между небом и землей (*Der Rhein, Wenn aber die Himmlischen, Der Adler, Dem Gang aufs Land*). Если продолжать аналогию между природными явлениями и всемирной историей, холмы - место, где под лучами солнца зреют виноградные гроздья, а также ме-

сто, где под покровительством небесных сил рождаются новые люди.

Те, о чьей зрелости говорится в начале гимна, должны многое сохранить и удержать как некую ношу, без которой осуществление мечты невозможно: Und vieles <...> ist // Zu behalten. Сравнение - Wie auf den Schultern eine // Last von Scheitern вызывает образ дровосека, который несет на своих плечах поленья. О том, что задача сохранения ноши трудна, говорит следующее предложение, которое вводится союзом aber: Aber böös sind // Die Pfade. "Böös" может означать как просто плохой, неудобный путь, так и злой в этическом смысле; последнее значение персонифицирует тропу, приписывая ей злой умысел. Это предложение, которое примыкает к образу дровосека, идущего со своей тяжелой ношей по опасной тропе, поясняется следующим пассажем с союзом nemlich. Здесь соприкасаются два образа: дровосека, который движется по опасной тропе и упряжки коней, идущих без твердого руководства. Сравнение "wie Rosse" относится к стихиям (die Elemente) и законам земли. Стихии - это природные стихии, законы - это законы природы, создающие космос из хаоса. Стихии вызывают представление о хаосе, законы - о порядке, поэтому здесь возникает эпитет gefangenen по отношению к стихиям. Стихии сдержаны законом, и отсюда рождается тоска по свободе (Und immer // Ins Ungebundene gehet eine Sehnsucht). Сильная позиция immer в конце строки, возникающая в результате инверсии, - выразительна: упорядоченность элементов всегда стремится вернуться в хаос. С помощью аллегорических перифраз (тяжелая ноша и

рвущиеся на свободу стихии) Гельдерлин описывает душевное состояние человека, который, соединяя в себе природу и духовность, тоскует по свободе, по возможности выйти за рамки предписанных культурой ценностей, но должен при этом сохранять эти ценности. То, что глагол *gehen* появляется как по отношению к стихиям и законам, так и по отношению к тоске, можно толковать в том смысле, что эта тоска уводит в сторону от истинного пути, тем более, что дальше вновь следует призыв о сохранении ценностей: *Vieles aber ist // Zu behalten*. Вариированный повтор этого предложения риторичен. В обоих случаях строка содержит *enjambement* после *ist*, однако повтор более лаконичен, не размыт сравнением, поскольку он, выступая противопоставлением к предыдущему предложению, подводит итог всему отрывку вместе с эллиптическим предложением: *Und Noth die Treue*. Верность может рассматриваться здесь и в широком смысле как верность духовности, и в более узком – как патриотическая верность.

Особый интерес представляют последние три строки: *Vorwärts und rückwärts wollen wir // Nicht sehn. Uns wiegen lassen, wie // Auf schwankem Kahne der See*. Первый интерпретатор этих строк Н.фон Хеллинграт видел в них нарушение формы гимна [Hoelderlin, 1943, 2, 307], позднее Б.Бешенштайн заметил, что верность в этом контексте решительно противопоставлена безвольному состоянию (*das Sichwiegenlassen*) [Boeschenstein, 1975: 116].

Эти три строки имеют песенный ритм, вследствие чего нарушается патетическое настроение гимна. Плавный

ритм сочетается здесь с образом мерно колеблющихся волн. Первый стих имеет пять ударений, второй – четыре, третий – три. Однако эти три стиха естественнее звучали бы как четыре, в каждом из которых три ударения:

Vorwärts und rückwärts
wollen wir / Nicht sehn.
Uns wiegen lassen, wie /
Auf schwankem Kahne der See.

Здесь первые два стиха начинаются с ударного слога. Интонация в первом стихе поднимается, во втором – падает, также как и в двух последних строках, которые однако имеют в начале безударный слог. Песенность подчеркивается наличием аллитерации: *Vorwärts, rückwärts, wollen, wir, wiegen, wie, schwankem*.

Такая инструментовка последних строк подчеркивает их особое значение для всей строфы в целом. Композиционно они завершают мысль, выступают как антитеза к предыдущим строкам гимна, что усиливается союзом *aber*. А выделение последнего предложения через намеренное расчленение единой синтаксической структуры еще более акцентирует на нем внимание читателя.

3.4.4. Интерпретация II строфы

Начало второй строфы отсылает к началу первой и раскрывает заложенную в ней метафору. Синтаксический параллелизм в первых строках II строфы (*Ein Zeichen sind wir, deutungslos // Schmerzlos sind wir*) переключается с первым предложением I строфы: *Reif sind <...>*

Die Frucht. Строка Ein Zeichen sind wir раскрывает имплицитное сравнение первой строфы: плоды соотносятся с местоимением wir, которое имеет здесь генерализирующее значение. Мы – знак того, что настало время зрелости. “Мы” подразумевает здесь всех современников, а не только избранных. Лирический герой рассматривает ситуацию одновременно с двух точек зрения; он принадлежит к народу своей родины, объединяет себя с ним и в то же время выступает как наблюдатель: он отмечает, что современники еще не в состоянии постичь свое историческое предназначение (deutungslos). Предикатив schmerzlos характеризует и уточняет описанное в конце первой строфы состояние пассивности и получает в связи с этим отрицательную коннотацию. Предложение: wir <...> haben fast // Die Sprache in der Fremde verloren также имеет оттенок осуждения: кто утратил язык, утратил себя. В данном случае ограничение, налагаемое словом fast, становится важным, поскольку показывает возможность обновления языка. Гельдерлин причисляет себя, поэта, к безликому мы (wir), и это залог того, что окончательное забвение еще не наступило.

Следующие строки объясняют трудность сохранения той самой верности (Treue), о которой идет речь в первой строфе. Слепота (blind) неизбежна, пока те, от кого зависит будущее, не смотрят ни вперед, ни назад, а язык почти потерян. Спор за человека на небесах видит своим внутренним зрением поэт и сообщает об этом людям.

Состоянию спора противопоставляется будущая благосклонность всевышнего (der Beste) и как ее следствие

обретение духом своей родины, которую он утратил вместе с гибелью Эллады (und es findet eine Heimath // Der Geist). Лингвистическим маркером противопоставления является в данном случае союз aber.

Местоимение es в следующей строке (Einer // Kann täglich es ändern) предполагает, вероятно, превращение распри в благосклонность бога (Einer), гнева в любовь; бог едва ли нуждается в законе, однако и божественные силы зависят от людей, об этом говорит следующее предложение, где глагол в форме Konjunktiv выражает желание - Es möchten aber // Viel Männer da sein, wahrer Sache. Дух находит свою отчизну там, где есть достаточно настоящих, верных истине людей. Стоящее в постпозиции, вынесенное за глагольную рамку несогласованное определение wahrer Sache - выразительно само по себе, а кроме того подчеркивает слово wahrer, которое в виде существительного появится в конце строфы как ключевое слово. Связь между божественным и земным подтверждается всем дальнейшим ходом рассуждений: Denn nicht vermögen // Die Himmlischen alles. Nemlich es reichen // Die Sterblichen eh' in den Abgrund. Субstantивированные прилагательные die Himmlischen и die Sterblichen представляют собой антиномическую пару, в которой выражается одновременно и единство и противопоставление этих понятий. Словосочетание nicht alles уточняет ограничение, наложенное словом kaum в строке о законе. Полнота бытия может быть достигнута только через единение небесного и земного, без смертных божественное не всеильно. Окончательный вывод: Also wendet es sich // Mit diesen заключает это рассужде-

ние; es в данном случае означает то же, что и в строке *Einer // Kann täglich es ändern.*

Последнее предложение в строфе: *Lang ist die Zeit, // Es ereignet sich aber // Das Wahre* можно понимать в том смысле, что пройдет много времени, пока откроется истина. Эти строки – композиционный центр всего гимна. В первых двух строфах речь идет, во-первых, о возможности достижения истины, поскольку люди, при содействии которых дух может брести свою родину, готовы к этому (*reif*), а, во-вторых, об условиях, при которых может свершиться истина, единение человеческого и божественного: сохранение верности и обретение утраченного языка.

Здесь есть кажущееся противоречие: с одной стороны, плоды уже созрели, а с другой – люди еще пассивны, еще не осознают своего высокого предназначения. Вероятнее всего, такая зрелость – это, скорее, желаемое, достигнуть которого можно, лишь храня верность и любовь к истине. Действие, выраженное настоящим временем (*sich // Zur Erde neiget der Beste; es findet eine Heimath // Der Geist; Es ereignet sich aber // Das Wahre*) на самом деле оказывается отнесенным в будущее.

3.4.5. Интерпретация III строфы

В III строфе Гельдерлин вовлекает в свои размышления читателя. Общественный пафос, выраженный в I и II строфе местоимением *wir* проявляется здесь в риторических вопросах, образующих кольцевую композиционно-сюжетную структуру строфы. “Как” (*wie*) III строфы име-

ет прямое отношение к последнему предложению второй: как может свершиться истина? Как следует из дальнейшего "любимое" (liebes) следует искать в настоящем, а не в будущем, о котором говорит конец второй строфы. Пейзаж, описанный далее, не принадлежит какому-то определенному времени года, кроме того, это не столько описание природы, сколько иллюзия пейзажа. Слова blühen и die Krone, вопреки ожиданию, оказываются связанными не с цветами и деревьями, а образуют метафоры: der Rauch blüht и die Krone der Thürme. Небесный огонь и солнечный свет первой строфы превращаются здесь в горящие дрова и сухую пыль. Но прилагательные heimatlich и friedsam не говорят о негативной оценке изображаемого пейзажа. Каждая деталь здесь – символ, а не элемент пейзажа. Сухая пыль (der trockene Staub) ассоциируется с мертвой бездуховной материей и представляет собой смысловую антитезу к доминирующему в гимне образу спелых плодов. Что касается других соответствий, то огонь (Feuer) в первой строфе перекликается с солнечным светом (Sonnenschein) и дымом (Rauch) в третьей, а земле первой строфы (Erde) соответствует в третьей земля (Boden). Забегая вперед, скажем, что плоды (die Früchte) имеют параллель в IV строфе – der Feigenbaum, а глаголам tauchen и kochen, относящимся к водной среде, соответствует упоминание моря и ручьев (See, Bäche).

В первых двух строфах картина развивается от состояния зрелости через упрек в пассивности к утверждению, что истина будет найдена. В третьей и четвертой строфах процесс развивается зеркальным образом: от от-

сутствия зрелости к утверждению, что истина уже была найдена и будет найдена вновь, надежду на это дает последняя строка гимна. Символический пейзаж сменяется описанием альпийских лугов, где царит весна – белый снег, зеленая трава; цветы (Majenblumen) не конкретизированы они являются лишь компонентом сравнения (das Edelmüthige wie Majenblumen). Здесь, возможно, предполагается ассоциация: весна – юность – Греция, что соответствует ассоциациям первой строфы: осень – зрелость – Германия. Однако, надо отметить, что в тексте нет ни слова весна, ни слова осень, они выражаются описательно через Majenblumen и reife Früchte. Историко-метафизическая весна Эллады приходит в Альпы, откуда, овеянная чистым и благородным духом (das Edelmüthige) спускается в Германию, и именно здесь зревают осенние плоды, которые следует понимать в аллегорическом смысле – как новых людей, готовых к познанию истины. Альпы – единственное имя собственное, которое указывает нам на Германию. Здесь происходит встреча небесного и земного, совершается истина.

Склоняющееся к земле божество во второй строфе и поднимающийся к небу, в горы, странник стремятся на встречу друг другу, их соединение возвещает истину. Странник вводит в гимн современность, он странствует между временами, соединяет их, поскольку во второй строфе речь идет о будущем, а в последней о прошлом. Он может быть понят как некто, совершающий странствие по культурам и временам, так понимает этот образ У.Гайер [Gaier, 1986–1987: 36]. Вторая часть строфы, посвященная страннику, динамична, а не описательна,

что на языковом уровне выражается причастиями I - *redend, ahnend*, которые уже по своей форме содержат грамматическую сему активного признака, а также глаголом движения *gehen*, небольшими по объему ритмико-синтаксическими конструкциями и полным экспрессии вопросом - *aber was ist diss?*

Сам образ странника может рассматриваться как воплощение самого поэта, однако лишь в этом пассаже, так как вопрос и начало четвертой строфы относятся уже к лирическому "я", не связанному со странником. Неопределенный артикль в данном случае только подчеркивает отсутствие конкретизации образа - *Ein Wandersmann*.

Странник, говорящий о кресте, идет в Альпы, где разливается свет и сияние весны. Крест в данном случае - символ смерти; он составляет отчетливый контраст с общей картиной обновления природы, смерть противопоставлена жизни. По сути, это главная тема гимна - возрождение давно погибшего рая на земле. Причастие *redend* не означает, что странник фактически проповедует на кресте, *redend* здесь следует, скорее, рассматривать как эпитет: он человек, способный об этом говорить. В христианской культуре крест неизбежно связан с образом Христа. Символом его божественности является природа (ср. стихотворение "*Der Kirchhof*"), поэтому в данном случае в одно лексико-семантическое поле включаются и *das Edelmüthige*, и *Schnee, Majenblumen, grüne Wiese, glänzen* и *zornig*.

"Гневный" (*zornig*) в этом контексте может вызвать затруднение, однако все становится яснее, если учитывать, что Гельдерлин понимает гнев как высокое

чувство, присущее прежде всего поэтам и героям [Schmidt, 1967-1968: 139]. Благородный гнев возвышает человека до бога. Гнев – это не злоба или ненависть, гнев в поэзии Гельдерлина сродни вдохновению, он созидателен и тесно связан с любовью (см. оду "Tränen"). Гнев странника выражает его тоску по единению с божественным, а также связывает его с греческим героем Ахиллом, гнев которого описывает Гомер.

Ein Wandersmann geht zornig // Fern ahnend mit // Dem andern <...>. Здесь встает вопрос о том, кто этот "другой"? В.Хоф толкует его как второго странника [Hof, 1954: 315], но наречие fern препятствует такой интерпретации. Этот "другой" в физическом отношении находится далеко, но духовно (ahnend) он близок, начало четвертой строфы указывает на этого другого – это Ахилл.

3.4.6. Интерпретация IV строфы

Если в первых трех строфах речь шла о настоящем и будущем, то в четвертой строфе поэт переносится в прошлое, чтобы в конце вновь вернуться в настоящее. Гельдерлин вообще легко перемещается во времени и пространстве, он стремится не упускать из виду целое, дух, объединяющий все человечество.

Первое предложение (Am Feigenbaum ist mein // Achilles mir gestorben) возвращает нас к предыдущему вопросу (aber was ist diss?), с которым оно связано. Вопрос звучит как побуждение к размышлению для читателя, который уже был включен в происходящее местоимением wir и первым вопросом. Лирическое "я" поэта отде-

ленное уже от образа странника, оказывается связанным с Ахиллом через диалектально окрашенной конструкцией с притяжательным местоимением (*ist mein // Achilles mir gestorben*). Причастие II в данном случае подчеркивает окончательность свершившегося события.

Третья и четвертая строфы связаны между собой вопросом, который, таким образом, объединяет образ креста и смоковницы. Крест – символ смерти, дерево – символ жизни. Крест связан, с одной стороны, с Германией (настоящей или будущей), с другой стороны – к Элладе, он объединяет эти два мира, и, как Христос, воскреснув, попрал смерть, так и Эллада воскреснет в обновленной отчизне.

Нимфа Мнемозина – это и муза-вдохновительница, и природное божество, побуждающее все живое к росту. Нимфа может обитать и в смоковнице, и в гротах, и в море, и в ручьях и реках. Но там, где есть сухая пыль и мертвое дерево креста, она не живет. Но муза Гельдерлина может вдохнуть в них жизнь, превратить дерево креста в цветущее дерево, дающее плоды. Смоковница появляется здесь как пророчество о Христе. Образ смоковницы объединяет античный и христианский мир. Плодоносящее дерево связано и с центральным для гимна мотивом спелых плодов, и с Евангелием, где смоковница часто выступает как символ возрождения, скорого прихода царства Божия (Матф. 24,32; Марк 13,28; Лука 21,29). Смысловые отношения, возникающие между понятиями креста и смоковницы позволяют установить определенную связь между Христом и Ахиллом. Оба они богочеловеки: Христос – сын Бога-отца и Марии, Ахилл – сын богини Фетиды и

смертного Пелея; оба жили среди людей; оба знали, что должны безвременно погибнуть; и наконец, если гнев в том смысле как его понимает Гельдерлин, в конечном итоге служит любви, то и гнев Ахилла, окончившийся примирением с Приамом, и "ревность за Бога" Христа имеют одну божественную природу (das Edelmüthige), земными символами которой являются и альпийская природа, и смоковница. Важнейшее в христианстве для Гельдерлина - это его происхождение из мира античности, в поэме "Единственный" ("Der Einzige") Христос назван сыном Зевса, братом Геракла и Диониса. Христос для Гельдерлина - один из античных богов, и в новом мире он вестник того, что и другие древние боги вернутся в мир, на время ими оставленный.

Особенностью этой строфы является обилие имен собственных. Для Гельдерлина вообще характерна любовь к именам и названиям. Имя собственное, с одной стороны, создает поэтическую конкретность, указывает на единичную вещь, а с другой - ничего не выделяет, не дает характеристик, а лишь называет предмет. В этом колебании между конкретным и абстрактным, определенностью и неопределенностью, очевидностью и ускользающим смыслом и заключается своеобразие поэзии Гельдерлина.

Предложение об Элевтере, городе Мнемозины, содержит противительный союз aber, который ставит все предложение в оппозицию к предыдущему, где говорилось об умерших героях: культурная память человечества (Мнемозина) рассматривается как средство против смерти и забвения. Но эта антитеза снимается следующим предложением с союзом auch, который, вероятно, связывает

судьбу города с судьбой героев (город погиб, как и герои).

Элевтера – по-гречески значит – свобода. Скорее всего, Гельдерлин подразумевал здесь не столько политическую, сколько духовную независимость Эллады. Точное географическое название конкретизирует образ Мнемозины, прикрепляет его к определенному месту, является историческим свидетельством того, что истина (Das Wahre) была уже когда-то воплощена в реальность.

Элевтера – дом Мнемозины; с гибелью города (и – шире – Древней Греции) богиня памяти, хранительница культуры потеряла свою родину. Она должна найти ее в обновленной Германии, когда, как сказано во второй строфе, божественные силы обратят свой взор на землю (Zur Erde neiget der Beste, <...> und es findet eine Heimath // Der Geist). Город является для Мнемозины тем же, чем дерево для нимфы; когда он погиб, Мнемозина покинула людей, но поэт помнит о ней, грезит о ее приходе.

Распущенные локоны Мнемозины вызывают ассоциацию с листвой дерева. Относительное местоимение *der*, очевидно, указывает на город, а не на Мнемозину, поэтому существительное *Locken* должно быть, скорее, понято метафорически, как листья деревьев города Мнемозины, чем в прямом значении как волосы богини. Здесь нужно иметь в виду, что для Гельдерлина город никогда не составляет оппозицию природе, тем более, что в греческих городах обычно было много деревьев. Возможно, здесь происходит также олицетворение города в женском образе, че-

му способствует и грамматический род существительного - die Stadt.

Когда наступил упадок греческой культуры, бог снял свой плащ (als // Ablegte den Mantel Gott). Одежды бога могут быть поняты как художественные творения, в которых он являлся людям. Перифраза "вечерний бог" (der abendliche Gott) подразумевает Христа. Прилагательное abendlich включает в себе не только временное, но и пространственное значение: это не только вечер (Abend), но и Запад (Abendland) - такое понимание мы встречаем у Гельдерлина в стихотворении "Friedensfeier". Христос - тот, кто пришел, когда наступил закат греческой культуры (Abend), и одновременно тот, кто придет в сумеречную Германию, чтобы возродить ее к новой жизни.

Следующий период: Himmlische nemlich sind // Unwillig, wenn einer nicht die Seele schonend sich // Zusammengenommen, aber er muss doch объясняет причину угасания греческой культуры. Неопределенное местоимение einer подразумевает каждого; это и Ахилл, и Аякс, и Патрокл, и многие другие (noch andere viel), которые не могут себя сдержат (sich zusammennehmen) и, не щадя себя, безоглядно продолжают свою героическую и одновременно разрушительную деятельность. Предикатив unwillig может быть имплицитной антитезой к словам молитвы "Vater unser": "... Dein Wille geschehe, im Himmel so wie auch auf Erden". Поскольку речь в последней строфе и во всем гимне идет о Мнемозине - матери муз, а значит, и об искусстве, то под местоимением einer может скрываться не только герой, но и худож-

ник, а утверждение: *aber er muss doch* следует тогда понимать как призыв к облагороженному, одухотворенному искусству.

Последняя строка: *dem // Gleich fehlet die Trauer* возвращает нас к началу гимна – печали нет, потому что жива надежда на обновление и возрождение духа античности на новой родине. Богиня памяти, Мнемозина – символ того, что избранные (и в том числе сам Гельдерлин) сохранили воспоминание о Золотом веке человеческой культуры и готовы стать его вестниками в своем родном отечестве.

* * *

Как отмечает немецкий исследователь Г.Егер, поздняя поэзия Гельдерлина представляет собой “отрицание предложения во имя слова” [Jaeger, 1949: 213]. Это и является главной стилевой чертой гимна. В.Дильтей также писал о характерной для стиля Гельдерлина тенденции обособлять друг от друга слова во фразе, усиливать значение каждого из них [Dilthey, 1907: 431]. Придавая исключительное значение слову, Гельдерлин как будто каждый раз заново создает язык, язык и действительность для него едины, они каждый миг творят друг друга, отсюда и стремление выйти за рамки языковой нормы, и предпочтение свободным ритмам.

Свободные ритмы Гельдерлина были вольной интерпретацией античных размеров, что связано, конечно, с восторженным отношением Гельдерлина к античности. Античное стихосложение строилось не на чередовании удар-

ных и безударных, а на чередовании долгих и кратких слогов [Arndt, 1990: 119], поэтому античные размеры, переложённые на немецкий язык нередко звучали как дисимметрический стих.

Свободные ритмы чрезвычайно характерны для эпохи романтизма с её стремлением к бесконечному и жаждой освобождения от косных правил классицизма. Поэзия Гельдерлина характеризуется "стремлением вырваться за рамки стиха" [Гучинская, 1984: 383], отсюда следуют её главные ритмико-языковые особенности: инверсии и синтаксические переносы (enjambements) из одной строки в другую.

Сущность переноса заключается в нарушении синтагматического деления предложения: обязательная пауза в конце строки, оказываясь в середине синтагмы, расчленяет её, и всякое языковое явление, попадающее в поле напряжения между концом одной строки и началом следующей, неизбежно становится стилистически выделенным. Своей стилистической функцией перенос подчеркивает основные образы стихотворения, при этом он взаимодействует с другими стилистическими явлениями: повтором, инверсией, обособлением, антитезой, метафорой, сравнением.

В данном стихотворении Гельдерлина можно отметить самые разные типы переносов:

1. alten // Geseze der Erd
2. gewaltige // Gestirne gehn
3. Wiese // Der Alpen
4. bei alter Krone // Der Thürme
5. auf // Den Hügeln des Himmels

6. mit // Dem andern
7. mein // Achilles
8. eine // Last
9. das // Gesetz

1. Перенос охватывает номинальные словосочетания. Гельдерлин отделяет согласованные определения (1, 2), несогласованные определения в форме Genitiv (3, 4) от определяемого слова, разбивает предложные группы (5, 6); перенос используется между притяжательным местоимением и существительным (7), между артиклем и существительным (8, 9).

2. Для гимна характерен также перенос в глагольных словосочетаниях.

1. Bö's sind // Die Pfade
2. Einer // Kann täglich es ändern
3. es blühet // An Dächern der Rauch
4. es starben // Noch andere viel
5. bedarf er // Gesetz
6. der abendliche nachher // Löste die Locken
7. Himmlische nemlich sind // Unwillig
8. Last von Scheitern ist // Zu behalten
9. Wollen wir // Nicht sehn
10. wenn aber sich // Zur Erde neiget der Beste
11. Also wendet es sich // Mit diesen
12. wenn einer nicht die Seele schonend sich //
Zusammengenommen

Часто происходит расчленение глагольных словосочетаний, выполняющих синтаксическую функцию группы

сказуемого (подлежащее – сказуемое) (1, 2, 3, 4). В поле переноса попадает словосочетание сказуемого с прямым дополнением (5, 6), составное именное сказуемое (7), составное глагольное сказуемое (8, 9), несколько раз встречается разделение возвратной конструкции (10, 11, 12). Сдвиг межстрочной границы дает большие возможности для акцентуации содержания. В результате переносов слова получают дополнительное смысловое ударение, попадая в поле напряжения на границе строки.

Перенос у Гельдерлина, как правило, взаимодействует с инверсией, которая служит не только для выделения важных моментов, но и передает живое течение мысли, не знающей преград ни в прошлом, ни в будущем. Инверсия в поэзии Гельдерлина подчеркивает экспрессивность и одновременно классическую торжественность стиля. Слово в начале либо в конце предложения находится в сильной позиции. Особенно хорошо это видно в самом начале гимна, где сильная позиция начала текста совпадает с сильной позицией предикатива *reif* в предложении. Гельдерлин без вступления сразу вводит главную тему гимна. Предикатив в начале второй строфы (*ein Zeichen*) коррелирует с началом первой строфы и, подчеркнутый синтаксическим параллелизмом, попадает в одно лексико-семантическое поле со словом *reif*. Аналогичная постановка предикатива на первое место предложения встречается неоднократно: стихи 8, 18-19, 23, 32, 39.

Ту же функцию подчеркивания выполняет инверсия, выделяющая конец предложения (стихи 12-13, 23-24), и

нарушение порядка слов в придаточных предложениях (стихи 21-22, 23-24, 29-30, 63-64).

Конструкции с формальным подлежащим *es* служат той же цели: подлинное подлежащее должно стоять в сильной позиции в конце предложения (стихи 25, 28, 30, 33, 37, 61).

Переносы и инверсии ведут читателя как по ступеням в глубину смысла:

Lang ist die Zeit,
Es ereignet sich aber
Das Wahre.

Гельдерлин разрушает структуру предложения ради главного слова. Такими словами являются, как правило, существительные с обобщенным или абстрактным значением: *die Frucht, der Geist, das Wahre, die Trauer*.

К последнему слову устремлено все ритмическое движение стихотворения, вся логика его построения. В нем находит свое разрешение постоянно нарастающее, вызванное переносами и инверсиями напряжение.

Для Гельдерлина характерно такое построение фразы, когда она, уже законченная, пополняется все новыми словами и предложениями, присоединенными к ней. Обособление (стихи 29, 39), парцелляция (стихи 16, 29, 63), полисинтетическое соединение членов перечислительного ряда посредством союза *und* (стихи 2, 36-37), анафорический повтор союза *und* в предложениях, которые следует, скорее, рассматривать как присоединительные конструкции (стихи 5, 12, 14, 61) – все это ведет к тому, что предложение сохраняет следы эскизности, сле-

ды постоянного поиска последнего, окончательного слова.

Выводы

Ф.Гельдерлин не может быть назван чистым лириком, он всегда стремится выйти за рамки субъективного "я". Человеческая личность в поэзии Гельдерлина всегда ориентирована на исторический процесс. Поэт выступает наставником для своих современников, его произведения часто носят воспитательный характер. Отсюда происходит столь характерный для него риторико-философский пафос, который как мы видим, находит свое выражение почти в каждой строке гимна. На языковом уровне это выражается, прежде всего, в экспрессивном синтаксисе и яркой образности.

Следование при анализе данного текста основным герменевтическим принципам - принципу герменевтического круга, принципу взаимосоотнесенности грамматической и психологической интерпретации, принципу сочетания субъективной интуиции и объективного анализа - позволяет, на наш взгляд, наиболее полно проникнуть в общий смысл того диалога между эпохами, который является основным содержанием гимна.

Заключение

В известной мере любой анализ художественного произведения является его интерпретацией. Однако герменевтической интерпретацией можно назвать такое отношение к произведению, которое направлено на перевод его культурного содержания из знаково-мертвых форм в реально-конститутивные, функциональные формы культуры. Без понимания и определения этой конечной цели и культурной функции интерпретация лишена смысла и значимости.

Рассмотрение герменевтики в узкоприкладном аспекте лишь как инструмента критики, как набора определенных "процедур", пригодных для анализа текста, перестало быть актуальным в связи с возросшим сегодня интересом к герменевтическому методу как на Западе, так и в России. Обращаясь к герменевтике, необходимо апеллировать к теоретическому самосознанию, к духовному "Я", к гуманитарной интуиции с определенной целью: чтобы "расстаться с идолами и прислушиваться к символам" [Ricoeur, 1973: 28]. В Зальцбургском семинаре по герменевтике Э.Бетти подчеркивал, что в современной теории забыта богатейшая традиция герменевтического опыта [Betti, 1971: 13]. Это привело к тому, что гуманитарные науки фиксируют внешние аспекты отношения к объекту и выдают это за "объективную картину понимания". Бетти полагает, что разрастание научных исследований в гуманитарной области заострило проблему универсального метода и возникла необходимость снова вернуться к идее герменевтики и в ее свете обосновать задачи гуманитар-

ной науки. Однако в то время как за рубежом герменевтика уже давно полностью утвердила свое право на существование и интенсивно развивается, достойно выдерживая конкуренцию с позитивистскими и инструментальными подходами к исследованию литературы, в России она еще только начала теоретически обосновывать свою значимость для филологии и – шире – для всей гуманитарной области знания.

Гадамер справедливо отмечает, что без знания герменевтической традиции, без знания исторического генезиса представления об интерпретации нельзя адекватно обсуждать проблему понимания [Гадамер, 1999: 204]. Опыт герменевтики – это опыт отношения к памятнику культуры и опыт осмысления этого отношения. Это опыт, который исторически изменялся, развивался и совершенствовался.

Вслед за античностью развитие герменевтики сопряжено с толкованием текстов Библии, рассматриваемых как знаковая запись священного откровения. Тогда герменевтика складывалась в виде двух различных тенденций интерпретации: текстуального и символического толкования. Возникнув в лоне теологического мышления, эти тенденции нашли свое отражение в развитии герменевтической проблематики и в более широкой сфере культуры, свободной от религиозного содержания.

Представители текстуального направления полагали, что предметное содержание, которому соответствует языковой знак, является условием согласия между автором и читателем, и именно на его устойчивость должно опираться толкование. В этом русле развивалась просвети-

тельская герменевтика. Для просветителей герменевтика была толкованием словесного выражения суждения, воспроизведением исторического контекста, специальным анализом значений "непонятных" слов.

Символическое направление рассматривало знаковый текст как след прозрения, а интерпретацию текста как путь, ведущий к прозрению. Символическое толкование апеллирует к единству духовного опыта, а целью интерпретации становится восстановление мыслительного поля, в котором возникло произведение. В таком ключе пытается решить проблему интерпретации Ф.Аст. Ф.Шлейерахер удаляется от общих суждений и приближается к рассмотрению языка как носителя культурно значимой мысли. Язык становится для него непосредственным объектом интерпретации. С этого времени ориентация на филологические науки, на понимание языка становится принципиальной теоретической установкой герменевтики.

Фр.Шлейермахер, создавший первое научное обоснование герменевтического метода, заложил основы современной герменевтики, на протяжении полутора веков именно его теория давала импульс всем дальнейшим исследованиям в этой области. Сама же концепция Шлейермахера органически связана с романтическим мировоззрением и должна рассматриваться в свете эстетических и философских установок немецкого романтизма.

Романтическая эстетика и философия языка развила общие философские принципы герменевтики, но она также обратила внимание на то, что эти принципы должны быть направлены прежде всего на изучение языкового художественного произведения, ибо поэтический язык является

уникальным, универсальным способом освоения действительности. Понимание языка поэтического произведения является путем к познанию духовного развития человечества в целом и отдельной творческой индивидуальности в частности. Романтики отдавали предпочтение выразительной функции слова перед номинативной и направили герменевтику в русло изучения литературного художественного произведения. Дальнейшее развитие герменевтического метода пошло именно по этому пути.

Становление герменевтики как научного метода оказалось тесно переплетено с развитием всей немецкой науки о языке. Немецкие романтики стремились систематизировать все накопленные до них знания в этой области и употребить их для изучения родного языка и определения его места среди других языков. Существенную роль в этом процессе играла герменевтика, которая прямо или косвенно соприкасалась с важнейшими для той эпохи филологическими исследованиями, будь-то литературная критика или сравнительное языкознание (Фр.Шлегель, Новалис, В.Гумбольдт). Герменевтические установки оказали влияние на всю дальнейшую немецкую науку о языке, поскольку она генетически связана прежде всего с романтической школой.

Классическим в истории герменевтики стало эссе немецкого философа В.Дильтея "Происхождение герменевтики". Оно способствовало тому, что герменевтика осознала себя ведущей силой при формировании гуманитарного сознания и стала претендовать на роль теоретической позиции гуманитарных наук.

Герменевтика XX века связана в первую очередь с именами Хайдеггера и Гадамера. У них герменевтика приобретает широкое онтологическое значение, понимание носит универсальный характер и представляет собой бытийную способность человека. Опираясь на изучение феноменов культуры, главным образом на литературные памятники, эти исследователи разрабатывают традиционные для герменевтики вопросы о природе понимания, о дистанции между автором и реципиентом, о роли собственной позиции толкователя в процессе понимания. Филологическая герменевтика XX века расширяет методологические рамки герменевтики. Художественное произведение выступает уже не только как единичный продукт творческой деятельности, но и представляет собой материальную объективацию культурной традиции, поэтому его интерпретация имеет смысл лишь тогда, когда она реконструирует его место в духовной истории человечества. Так же как герменевтические искания романтиков были ответом на схоластическую науку предыдущих эпох, так и научные искания современной герменевтики можно рассматривать как оппозицию по отношению к позитивистской методологии. Возрождение интереса к герменевтическим концепциям несомненно сопряжено с кризисом позитивистского сознания и свидетельствует о своеобразной ностальгии по утраченной культурной традиции, по отсутствующим в позитивистских конструкциях внутренним смыслам художественного творчества.

Углубляя это противоречие, Гадамер утверждает даже, что в современной методологической ситуации не следует акцентировать представление о герменевтике как

о методе, ибо это сразу ассоциируется с возможностью объективного познания избранного произведения по типу точных наук. В герменевтике, по мысли Гадамера, может быть только внутренний метод. Его функционирование задает ситуацию понимания, выявляет условия, при которых происходит понимание. Согласно Гадамеру, герменевтику следует рассматривать как путь преодоления инструментализма и акцентировать в ней традицию воспитания утонченности духа, благодаря которой возможно настоящее и глубокое понимание [Gadamer, 1975: 121].

Современная герменевтика участвует в непрерывном процессе поиска новых возможностей и решает разнообразные проблемы, возникающие на этом пути. В традиционных концепциях специфическая сложность достижения целей интерпретации была сформулирована в проблематике герменевтического круга. Эта проблема обсуждалась у Шлейермахера, Дильтея, Гадамера, в ряде современных работ [Schleiermacher, 1959; Diltey, 1968; Гадамер, 1988; Maraldo; 1974]. Сложность состоит в том, что как "понимание" как интерпретация должна быть, с одной стороны, аналитическим и обобщающим знанием, дающим понятие о произведении, а с другой - художественным восприятием и переживанием всех деталей интерпретации. По Ф.Шлейермахеру, герменевтический круг состоит в том, что целое понимается через части, а часть постигается только через целое. По В.Дильтею, познающий субъект познает себя через других, но других он понимает через себя. По Гадамеру, постигая традицию, интерпретатор сам находится внутри нее. Однако уже начиная со Шлейермахера задача интерпретации мыслится не

как преодоление круга, а как проникновение в его механизм, как вхождение в круг. Герменевтический круг разрешается, во-первых, тем, что понимание начинается с предварительного уяснения некоторого целого; во-вторых, тем, что части рассматриваются во взаимосвязи и взаимодействии с целым. Согласно такому подходу, герменевтический круг перестает обозначать внутреннее препятствие интерпретации, а становится символом движения и непрерывности духовной традиции.

Существенной проблемой для герменевтики является также соотношение между субъективизмом интерпретации и поиском относительно устойчивых объективных критериев при анализе художественного текста. Позитивистский подход в анализе литературы приводит к тому, что интерпретация рассматривается лишь как функциональная деятельность, художественные тексты анализируются лишь как различные структуры, отделенные друг от друга материальной формой произведения. Однако исчерпав все эмпирические возможности, исследователь тем не менее сталкивается с некоторым метафизическим остатком, внутренне присущим феномену художественной культуры. Для герменевтики же всегда было центральным перенесение акцента на внутренний смысл произведения.

Также как в художественном произведении сталкиваются между собой объективность языкового материала и субъективность авторского восприятия мира, в герменевтическом анализе возникает противоречие между всеобщностью правил толкования и неизбежной субъективностью интерпретатора. В основе герменевтического метода, по крайней мере в его романтической модификации, лежит

идея сотворчества художника и толкователя, каждый опыт герменевтического анализа – это не схема, наполняемая различным содержанием, а глубокое проникновение в индивидуальность автора, выраженную в отборе и композиции речевого материала, и соединение ее с индивидуальностью толкователя. Этим и обусловлена субъективность каждого отдельного опыта толкования. При этом одни исследователи полагают, что нужно разрабатывать конкретный герменевтический метод, чтобы практически осваивать движение литературного опыта [Jauss, 1977: 8], другие подчеркивают оригинальность и индивидуальность каждого акта интерпретации и главным инструментом такой интерпретации считают собственное сознание толкователя [Gadamer, 1975:120].

С вопросом о субъективности герменевтической интерпретации тесно связан вопрос об адекватности такой интерпретации. Возможно ли объективное и достоверное знание об объекте толкования и сколько вообще может быть относительно верных интерпретаций одного и того же художественного целого? Для герменевтики этот вопрос остается открытым. Немецкая романтическая эстетика, на которую во многом опиралась герменевтическая теория, утверждает свободные отношения между интерпретатором и художественным произведением, но сама герменевтика ограничивает произвол толкователя тем, что учитывает эмпирическую реальность языкового материала, за рамки которого не может выходить толкователь. Однако в аспекте герменевтики никакая интерпретация не может быть совершенно объективной, поскольку абсолютной

целью герменевтического толкования является познание другой личности.

В русской науке, может быть, лучше всех представлял себе диалектику объективного и субъективного в гуманитарном познании (а, следовательно, и в интерпретации) М.М.Бахтин. Познание личности, на которое направлены гуманитарные науки, не может быть совершенно объективным, ибо такое познание есть всегда встреча двух субъективностей, в результате чего это познание осуществляется как диалог. Сущность же диалога Бахтин определял как взаимопроникновение двух сознаний, при котором "активность познающего сочетается с активностью открывающего; умение познать - с умением выразить себя" [Бахтин, 1975: 205].

Целью герменевтики и - шире - филологии является понимание выраженного в языке духовного опыта творческой индивидуальности другого человека, "не превращая его ни в "исчислимую" вещь, ни в отражение собственных эмоций" [Аверинцев, 1987: 468].

Проведенный в настоящей работе всесторонний герменевтический анализ гимна Ф.Гельдерлина «Нимфа Мнемозина» имел своей целью иллюстрировать общие положения герменевтической теории и дать возможно более полное толкование всего текста, не служившего раньше предметом пристального рассмотрения.

Начав с предварительной интерпретации и заголовка гимна, мы последовательно рассматриваем каждую из четырех строф, стремясь через анализ языковых средств и стилистических приемов детально исследовать содержательную структуру произведения, чтобы в конце выделить

характерные стилевые черты данного произведения. В предварительной интерпретации рассматривается ход мысли автора в целом и общие особенности композиции гимна. Подробная интерпретация отдельных строф опирается на принцип взаимоотношенности части и целого: в данном случае это соотнесенность общей идеи произведения и отдельных образов и стилистических приемов, каждый из которых может быть понят лишь в освещении центральной идеи гимна, но одновременно и сам постоянно обогащает ее.

Обращение к герменевтике находится в русле поиска духовного и смыслового обоснования литературы. С герменевтикой связаны надежды на целостное понимание литературы, на создание универсальных смысловых критериев интерпретации художественного текста. Современную науку привлекает направленность герменевтического понимания на реконструирование смысла, на воссоздание непрерывности духовного и культурного опыта человечества [Scondi, 1975: 191].

Принятые сокращения

НК и номер страницы: Schleiermacher Fr. D. E. Hermeneutik / Nach den Handschriften neu hrsg. und eingeleitet von H. Kimmmerle. Heidelberg: Carl Winter Universitaetsverlag, 1959. - 176S.

HF и номер страницы : Schleiermacher Fr. D. E. Hermeneutik und Kritik: Mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers / Hrsg. und eingel. von M. Frank. Frankfurt am Mein, 1977.

Н, том и номер страницы: Hölderlin F. Sämtliche Werke und Briefe. In 4 Bde. - Berlin: Aufbau-Verlag, 1970.

Список использованной литературы

- 1.Абрамов С.Р. Англоязычные версии Нового Завета как предмет филологической герменевтики: автореф. дисс. ... канд.филол.наук. – СПб., 1995. – 189 с.
- 2.Аверинцев С.С. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов.энциклопедия, 1987. – С.467-469
- 3.Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста). Лекции к спецкурсу. – СПб: Образование, 1997. – 60 с.
- 4.Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд. иностр. лит., 1957. – 394 с.
- 5.Бахтин М.М. К методологии литературоведения. – В кн.: Контекст. – М.: Наука, 1975. – С. 203-213
- 6.Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – М.: Сов.писатель, 1989. – 492 с.
- 7.Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. – Тверь: ТГУ, 1993. – 37 с.
- 8.Богин Г.И. Схемы действия читателя при понимании текста. – Калинин: КГУ, 1989. – 70 с.
- 9.Богин Г.И. Типология понимания текста. – Калинин: КГУ, 1986. – 83 с.
10. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – Тверь: ТГУ, 1992. – 86 с.
11. Вайнштейн О.Б. Индивидуальный стиль в романтической поэтике – В сб.: Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – С. 392-430

12. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. – М.: Изд. АПН РСФСР, 1956. – 387 с.
13. Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма: Гельдерлин, Шлейермахер. – М.: Наука, 1989. – 159 с.
14. Гадамер Г.-Г. Текст и интерпретация // Герменевтика и деконструкция. – СПб.: Б.С.К., 1999. – С. 202-242
15. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
16. Гайденко П.П. Герменевтика и кризис буржуазной культурно-исторической традиции // Вопросы литературы. № 5. – 1977. – С. 130-165
17. Гайденко П.П. Философская герменевтика. От Фр.Шлейермахера к Г.Гадамеру // Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. – М.: Республика, 1997. – С. 391-447
18. Гайденко П.П.. Философия Фихте и современность. – М.: Мысль, 1979. – 288 с.
19. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
20. Гегель Г.В. Феноменология духа. Пер. Г.Г.Шпета. – СПб.: Наука, 1994. – 443 с.
21. Гельдерлин Ф. Гиперион. Стихи. Письма. – М.: Наука, 1988. – 717 с.
22. Гердер И.Г. Фрагменты о новой немецкой литературе // Гердер И.Г. Избранные сочинения. – М.; Л.: Гослитиздат, 1959. – 392 с.
23. Герменевтика: история и современность. – М.: Мысль, 1985. – 304 с.

24. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Пер. В.А.Звегинцева. - М.: Прогресс, 1984. - 396 с.
25. Гучинская Н.О. Границы стилистики, поэтики и герменевтики при интерпретации художественного текста. - // Междисциплинарная интерпретация художественного текста. - СПб.: РГПУ им.А.И.Герцена, 1995. - С. 64-79
26. Гучинская Н.О. Перевод и герменевтика в свете теории Ф.Шлейермахера // Герценовские чтения. Иностранные языки. - СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 1992. - С. 15-17
27. Гучинская Н.О. Поэтические проблемы языка и герменевтика // Герценовские чтения. Иностранные языки. - СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 1999. - С. 82-83
28. Гучинская Н.О. Стихотворная речь в стилевой системе художественной речи: дисс. ...док. Филолог.наук. - Л., 1984. - 440 с.
29. Гучинская Н.О. Универсалии филологической герменевтики. - В сб.: Понимание и рефлексия. - Ч.1. - Тверь, 1994. - С. 28-39
30. Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. - 2-е изд. - М.: Просвещение, 1989. - 204 с.
31. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. - СПб.: Аxioma, 1996. - 231 с.
32. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. - СПб.: Аxioma, 1996. - 230 с.
33. Жирмунский В.М. Очерки по истории классической немецкой литературы. - Л.: Художественная литература, 1972. - С. 209-276

34. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. – М.: МГУ, 1996. – 333 с.
35. Земляной С.Н. Герменевтика и проблема понимания // Проблемы и противоречия буржуазной философии 60-х – 70-х гг. XX века. – М.: Наука, 1983. – С. 63-89
36. Зинченко В.Г. Метод литературной герменевтики // Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Система "литература" и методы ее изучения. – Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 1998. – С. 127-144
37. Ильенков Э.В. Гегель и герменевтика // Вопросы философии, №8. – М., 1974. – С. 40-52
38. Кант И. Критика способности суждения. Пер. А.В.Гулыги // Кант И. Сочинения. Т.5. – М.: Мысль, 1966. – 365 с.
39. Кожевников В.А. Философия чувства и веры в ее отношении к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии. – М.: тип. В.М.Сабанеева, 1897. – 621 с.
40. Коршунов А.М., Мантатов В.В. Диалектика социального познания. – М.: Политиздат, 1988. – 382 с.
41. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Герменевтика и проблема понимания отдельных языковых единиц. – В сб.: Понимание и рефлексия. – Ч.1. – Тверь, 1994. – С. 137-141
42. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М.: МГУ, 1991. – 191 с.
43. Мифы народов мира. Т.2. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – 718 с.
44. Новалис. Ученики в Саисе. Пер. Г.Петникова. – М.: тип. В.М.Саблина, 1919. – 116 с.

45. Оборина М.В. Герменевтика и интерпретация художественного текста // Общая стилистика и филологическая герменевтика. – Тверь: ТГУ, 1991. – С. 17-29
46. Павлов В.М. Проблема языка и мышления в трудах В. фон Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967. – С. 38-63
47. Пирьян З.М. О некоторых особенностях синтаксиса лирики Гельдерлина: автореф.дисс. ...к.ф.н. – Л., 1976. – 19 с.
48. Платон. Федон. Пир. Федр. Парменид. Пер. А.Н.Егунова. – М.: Мысль, 1999. – 527 с.
49. Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В.Гумбольдта. – М.: Наука, 1982. – 222 с.
50. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
51. Рамишвили Г.И. Вопросы энергетической теории языка. – Тбилиси: Изд. АН Груз. ССР, 1978. – 265 с.
52. Рузавин Г.И. Проблема интерпретации и понимания в герменевтике // Проблемы объяснения и понимания в научном познании. – М.: Б.и., 1982. – С. 29-48.
53. Теории, школы, концепции. Художественная рецепция и герменевтика. – М.: Наука, 1985. – 288 с.
54. Тодоров Ц. Теории символа. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 408 с.
55. Филологическая герменевтика и общая стилистика. Сб. статей под ред. Г.И.Богина. – Тверь, 1992. – 96с.
56. Фридлиндер Г.М. К критике методологических концепций современного буржуазного литературоведения // Во-

- просы методологии литературоведения. – М.; Л.: Наука, 1966. – 283 с.
57. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 445 с.
58. Хализев В.Е. Герменевтика. // Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – С. 106-112
59. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Пер. М.И.Левиной и А.В.Михайлова. – М.: Мысль, 1989. – 639 с.
60. Шкловский В.Б. Гамбургский счет. Статьи – воспоминания – эссе (1914-1933). – М.: Сов.писатель, 1990. – 544 с.
61. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Пер. Ю.Н.Попова. Т.1. – М.: Искусство, 1983. – 480 с.
62. Шпет Г.Г. Внутренняя форма языка. Этюды и вариации на тему Гумбольдта. – М.: Универс. Библиотека, 1925. – 191 с.
63. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1989. – С. 210-251, 1990. – С. 219-259, 1991. – С. 215-253.
64. Эткинд Е.Г. "Внутренний человек" и внешняя речь: Очерки психопозетики русской литературы XVIII-XIX вв. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 446 с.
65. Alexander W. Hermeneutica generalis. Zur Konzeption und Entwicklung der allgemeinen Verstehenslehre im 17. Und 18. Jh. – Stuttgart: Kohlhammer, 1993. – 515 S.
66. Arndt E. Deutsche Verslehre. Ein Abriss. – Berlin: Volk u. Wissen Verlag, 1990. – 256 S.

67. Ast F. Grundlinien der Grammatik, Hermeneutik und Kritik. - Landshut: Hampe, 1808. - 196 S.
68. Betti E. Problematik einer allgemeinen Auslegungslehre als Methodik der Geisteswissenschaften. - In: Hermeneutik als Weg der heutiger Wissenschaft. - München: Fink, 1971. - S. 3-67
69. Birus H. Hermeneutische Positionen. Schleiermacher, Diltey, Heidegger, Gadamer. - Goettingen: Vendenhoeck & Puprecht, 1982. - 512 S.
70. Böckmann P. Hölderlin und seine Götter. - München: Beck'sche Verl.- Buchh., 1935. - 456 S.
71. Böschenstein B. Gedichte Hölderlins und ihre Kommentare. - Zürich: Atlantis Verlag, 1975. - 310 S.
72. Brunner E. Die Mystik und das Wort. - Tübingen: Niemeyer, 1928. - 291 S.
73. Bühler A. Unzeitgemäße Hermeneutik. Verstehen und Interpretation im Denken der Aufklärung. - Frankfurt a.M.: Insel, 1994. - 439 S.
74. Coreth E. Grundfragen der Hermeneutik. Ein philosophischer Beitrag. - Freiburg: Alber, 1969. - 516 S.
75. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker. Bd.3. - Leipzig: Xenien-Verlag, 1812. - 563 S.
76. Diltey W. Das Erlebnis und die Dichtung. Lessing, Goethe, Novalis, Hölderlin. - Göttingen: Weise, 1957. - 478 S.

77. Diltey W. Entstehung der Hermeneutik // Diltey W. Gesammelte Schriften / Hrsg. v. G.Misch. - Bd. V. - Stuttgart: Metzler, 1959. - 452 S.
78. Diltey W. Gesammelte Werke. Bd.5. - Göttingen: Weise, 1968. - 408 S.
79. Diltey W. Leben Schleiermachers; 2.Band: Schleiermachers System als Philosophie und Theologie // Gesammelte Schriften. Bd.XIV. / hg.v. M.Redeker. - Goettingen: Sachse & Pohl, 1979. - 235 S.
80. Fink M. Pindarfragmente. Neun Hölderlin-Deutungen. - Tübingen: J.G.B.Mohr, 1982. - 261 S.
81. Flückiger F. Philosophie und Theologie bei Schleiermacher. - Zürich: Müller 1947. - 467 S.
82. Frank M. Das individuelle Allgemeine. Textstrukturierung und -interpretation nach Schleiermacher. - Frankfurt a.M.: Klostermann, 1977. - 553 S.
83. Frank M. Der Text und sein Stil. Schleiermachers Sprachtheorie // Frank M. Das Sagbare und das Unsagbare: Studien zur deutsch-französischen Hermeneutik und Texttheorie. - Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1990. - S. 15-37.
84. Gadamer H.G Hermeneutik // Historisches Woerterbuch der Philosophie, Bd.3. / hg.v. J.Ritter e.a. - Basel/Stuttgart: Metzlerische Verl.-Buchh., 1974. - 370 S.
85. Gadamer H.G. Das Problem der Sprache in Schleiermachers Hermeneutik // Gadamer H.G. Kleine Schriften: Bd.3. Idee und Sprache. - Tübingen: Niemeyer, 1972. - 463 S.

86. Gadamer H.G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik, 4. Aufl. - Tübingen: Niemeyer, 1975. - 685 S.
87. Gadamer H.-G. Wirkungsgeschichte und Applikation // Rezeptionsästhetik. - München: Fink, 1975. - S. 15-36
88. Geier U. Hölderlins vaterländische Sangart // Hölderlin - Jahrbuch. - Stuttgart: Heinz, 1986-1987. - S. 24-58
89. Guardini R. Hölderlin. Weltbild und Frömmigkeit. - Leipzig: Hedeler, 1939. - 536 S.
90. Guardini R. Zu R.M.Rilkes Deutung des Daseins. - Leipzig: Hedeler, 1942. - 428 S.
91. Hamann J.G. Schriften. - Leipzig: Verlag von G.Freytag, 1921. - 515 S.
92. Hartmann N. Die Philosophie des deutschen Idealismus. Bd. 1. - Berlin: E.Schmidt, 1923. - 478 S.
93. Hederich B. Reales Schul-Lexikon. - Leipzig: Gleditschens seel.Sohn Buchhandlung, 1717. - 266 S.
94. Heidegger M. Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung. - Frankfurt a.M.: Lang, 1951. - 290 S.
95. Heidegger M. Sein und Zeit. - Tübingen: Niemayer, 1993. - 445S.
96. Herder I.G. Herders Werke in 5 Bde. - Bd. 2. - Weimar: Kliepenheuer, 1957. - S. 198
97. Herder J. G. Abhandlung ueber den Ursprung der Sprache. Sämtliche Werke. Bd. 5. - Hildesheim: Georg Olms, 1967. - 386 S.
98. Hof W. Hölderlins Stil als Ausdruck seiner geistigen Welt. - Hein: Böhlau, 1954. - 320 S.

99. Hölderlin F. Sämtliche Werke und Briefe. In 4 Bde.
- Berlin: Aufbau-Verlag, 1970.
100. Hölderlin F. Sämtliche Werke. / Hrgs. von F.Zinker-
nagel. - Leipzig, Insel-Verlag, 1914-1926.
101. Hölderlin F. Sämtliche Werke. In 2 Bde. / Hrgs. von
F.Beißner. - Stuttgart: J.G.Gottasche Buchhandlung,
1943.
102. Hölderlin F. Sämtliche Werke. In 6 Bde. / Hrgs. von
N.v.Hellingrat. - Berlin: Propyläen-Verlag, 1943.
103. Holl K. Luters Bedeutung für den Fortschritt der
Auslegungskunst // Holl K. Gesammelte Aufsätze zur
Kirchengeschichte. - Bd. I. Luther. - Tübingen:
J.G.B.Mohr, 1927. - S. 544-582.
104. Huch R. Blütezeit der Romantik. - Bd.I. - Leipzig:
Meiner, 1920. - 538 S.
105. Huebener W. Schleiermacher und die hermeneutische
Tradition // Internationaler Schleiermacher Kongress
Berlin 1984. hg. Selge K.V. - Berlin/New York: Die
Gruyter & Co., 1985. - S. 36-59
106. Humboldt W.von. Werke in 5 Bd. - Bd. III. - Berlin:
E.Schmidt, 1963. - 471 S.
107. Jäger H. Hölderlin - Novalis. Grenzen der Sprache.
- Zürich: Atlantis Verlag, 1949. - 309 S.
108. Jäger H. Studien zur Frühgeschichte der Hermeneutik
// Archiv für Begriffsgeschichte. Bd. 16. - Göt-
tingen: Weise, 1972. - S. 35-84
109. Japp U. Hermeneutik. Der theoretische Diskurs, die
Literatur und die Konstruktion ihres Zusammenhangs in
den philologischen Wissenschaften. - München: W.Fink,
1977. - 481 S.

110. Jauß H.R. Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik. - München: Fink, 1977. - 497 S.
111. Kayser W. Das sprachliche Kunstwerk: Einführung in der Literaturwissenschaft. - Bern u. München: Francke Verlag, 1967. - 356 S.
112. Kieszus W. Sprachverlust und Sinnwandel. Zur späten und spätesten Lyrik Hölderlins. - Stuttgart: Akad.-Verlag, 1969. - 370 S.
113. Kimmerle H. Hermeneutische Theorie oder ontologische Hermeneutik // Zeitschrift für Theologie und Kirche 59. - Berlin: 1962. - S. 93-131
114. Kimmerle H. Nachwort // Schleiermacher Fr.D.E. Hermeneutik / Nach den Handschriften neu hrsg. und eingel. von H.Kimmerle. - Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1974. - 176 S.
115. Klin E. Die hermeneutische und kritische Leistung Friedrich Schlegels in den romantischen Krisenjahren. - Wrocław: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1971. - 159 S.
116. Kommerell M. Gedanken über Gedichte. - Frankfurt a.M.: Lang, 1943. - 297 S.
117. Kommerell M. Geist und Buchstabe der Dichtung. - Frankfurt a.M.: Lang, 1940. - 438 S.
118. Körner J. F.Schlegels "Philosophie der Philologie" // Schlegel F. Philosophie der Philologie // Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie und Kultur. - Bd. 17. - Tübingen: Niemeier, 1928. - S.4-48
119. Maraldo F. Der hermeneutische Zirkel. - München: Fink, 1974. - 390 S.

120. Meier G.F. Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst. Photomechanischer Nachdruck. Halle, 1757. - Duesseldorf: Haupt, 1965. - 198 S.
121. Minder R. Hölderlin unter den Deutschen. - Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1968. - 412 S.
122. Hellingrat N.v. Hölderlin Vermächtnis. - München: F.Bruckmann, 1939. - 188 S.
123. Nägele R. Literatur und Utopie. Versuche zu Hölderlin. - Heidelberg: Quelle & Meyer, 1982. - 340 S.
124. Novalis. Dichtungen und Prosa. - Leipzig: Reklam, 1975. - 497 S.
125. Novalis. Die Werke Friedrich von Hardenberg. Bd.II. - Stuttgart: Heinz, 1962. - 159 S.
126. Nuesse H. Die Sprachtheorie Friedrich Schlegels. - Heidelberg: Quelle & Meyer, 1962. - 343 S.
127. Patsch H. Friedrich Schlegels "Philosophie der Philologie" und Schleiermachers frühe Entwürfe zur Hermeneutik // Zeitschrift für Theologie und Kirche. Jg. 63. - Berlin, 1966. - S. 109-142
128. Pfeiffer J. Umgang mit Dichtung. Eine Einführung in das Verständnis des Dichterischen. - Leipzig: Hedeler, 1936. - 455 S.
129. Ricoeur P. Hermeneutik und Strukturalismus. - München: Fink, 1973. - 316 S.
130. Ricoeur P. Interpretation. Ein Versuch über Freud. - Frankfurt a.M.: Klostermann, 1969. - 326 S.
131. Roessler B. Die Theorie des Verstehens in Sprachanalyse und Hermeneutik. - Berlin: Drunker & Humboldt, 1983. - 438 S.

132. Rusterholz P. Hermeneutische Modelle. // Grundzuege der Literaturwissenschaft / Herausgegeben von H.L. Arnold und H. Detering. - München: DTV, 1997. - S. 101-136
133. Schlegel A.W. (2) Kritische Schriften und Briefe. - Stuttgart: Metzler, 1963. - 472 S.
134. Schlegel A.W. Sprache und Poetik. - Stuttgart: Metzler, 1962. - 338 S.
135. Schlegel A.W. Vorlesungen über dramatische Kunst und Literatur. - Bd.II. - Stuttgart: Metzler, 1967. - 332 S.
136. Schlegel A.W. Vorlesungen über dramatische Kunst und Literatur. - Bd.II. - Stuttgart: Metzler, 1967. - 324 S.
137. Schlegel A.W. Vorlesungen über schöne Literatur und Kunst. - Bd.I. Die Kunstlehre. - Stuttgart: Metzler, 1963. - 242 S.
138. Schlegel Fr. "Philosophie der Philologie" // Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie und Kultur. Bd. 17. / Hrsg. von J. Koerner. - Tübingen: Niemeyer, 1928. - 435 S.
139. Schlegel Fr. Werke in 2 Bd. - Bd.II. - Berlin: Akad.-Verlag, 1980. - 479 S.
140. Schleiermacher F. Ethik. - Hamburg: Kloß, 1981. - 212 S.
141. Schleiermacher Fr. D. E. Hermeneutik / Nach den Handschriften neu hrsg. und eingeleitet von H. Kimmmerle. - Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1959. - 176 S.

142. Schleiermacher Fr. D. E. Hermeneutik und Kritik:
Mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte
Schleiermachers / Hrsg. und eingel. von M.Frank. -
Frankfurt am Mein: Lang, 1977. - 264 S.
143. Schleiermacher Fr. D. E. Aus Schleiermachers Leben:
In Briefen. - Bd.2. - Berlin: Colloquium, 1974. - 218
S.
144. Schleiermacher Fr. Fr. Schleiermachers Briefwechsel
mit J. Chr. / Gass. Hrsg. von Dr. W.Gass. - Berlin:
E.Ebeling, 1852. - 202 S.
145. Schleiermacher Fr. Hermeneutik und Kritik mit
besonderer Beziehung auf das Neue Testament //
Fr.Schleiermachers Sämtliche Werke. Bd. 7. Abt. 1.
Zur Theologie. - Berlin: E.Ebeling, 1838. - 154 S.
146. Schleiermacher Fr. Über den Begriff der Hermeneutik
mit Bezug auf F.A. Wolfs Andeutungen und Asts
Lehrbuch // Fr.Schleiermachers Sämtliche Werke. Bd.
3. Abt. 3. Zur Philosophie. - Berlin: E.Ebeling,
1835. - 172 S.
147. Schmidt J. Der Begriff des Zorns in Hölderlins
Spätwerk. - Hölderlin - Jahrbuch. - Stuttgart: Heinz,
1967-1968. - S. 16-41
148. Schmidt W. Beiträge zur Stilistik von Hölderlins
„Tod des Empedokles“. - Marburg a.L.: Kupferberg,
1927. - 540 S.
149. Schnur H. Schleiermachers Hermeneutik und ihre
Vorgeschichte im 18. Jh. Studien zur Bibelauslegung,
zu Hamann, Herder und F.Schlegel. - Stuttgart: Akad-
Verl., 1994. - 436 S.

150. Schwetge J. Stilistische Beiträge zu F. Hölderlins "Hyperion". - Inaug.-Diss. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1911. - 346 S.
151. Schwinger R. Innere Form. - München: Hanser, 1935. - 394 S.
152. Spitzer L. Stilstudien. - München: Hüber, 1928. - 560 S.
153. Staiger E. Die Kunst der Interpretation. Studien zur deutschen Literaturgeschichte. - Zürich: Atlantis-Verlag, 1955. - 248 S.
154. Staiger E. Die Zeit als Einbildungskraft des Dichters. Untersuchungen zu Gedichten von Brentano, Goethe und Keller. - Zürich: Atlantis-Verlag, 1939. - 317 S.
155. Staiger E. Grundbegriffe der Poetik. - Zürich: Atlantis-Verlag, 1946. - 256 S.
156. Staiger E. Meisterwerke deutscher Sprache im XIX Jh. - Zürich: Atlantis Verlag, 1943. - 230 S.
157. Strich F. Der Dichter und die Zeit. - Bern: Franke, 1947. - 598 S.
158. Szondi P. Einführung in die literarische Hermeneutik / hg.v.J.Bollak und H.Stierlin. - Frankfurt a.M.: Lang, 1975. - 465 S.
159. Szondi P. Schleiermachers Hermeneutik heute. In: Sprache im technischen Zeitalter 16. - Frankfurt a.M., 1976. - S. 95-111
160. Vossler K. Sprache als Schupfung und Entwicklung. - Heidelberg: Stiehm, 1905. - 236 S.
161. Wach J. Das Verstehen. Grundzüge einer Geschichte der hermeneutischen Theorie im XIX Jh. Bd.2. -

Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung, 1966. -
404 S.

162. Wehrli M. Allgemeine Literaturwissenschaft. - Bern:
Hain, 1969. - 243 S.

163. Wolf F.A. Vorlesungen ueber die Alterthums-
wissenschaft. Bd.1: Vorlesung über die Encyclopaedie
der Alterthumswissenschaft / Hg.v. J.D. Guertler. -
Leipzig: Xenien-Verlag, 1831. - 254 S.